„Пров 4

ПРАВДА О РОССІИ,

ВЫСКАЗАННАЯ

КНЯЗЕМЪ ПЕТРОМЪ ДОЛГОРУКОВЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

PARIS,
LIBRAIRIE A. FRANCK,
Rue de Richelieu, 67.
1861.

Tous droits reservés.

Пров 49"
Пров 38"

224920

Оглавленіе

первой части.

		Стр.
Предисловіе	. . . . .	I
Переписка съ русскимъ правительствомъ.		VI
Глава I.	Общій обзоръ	1
„ II.	О томъ, что въ Россіи называется правосудіемъ, и о государственномъ совѣтѣ	15
„ III.	О Сенатѣ	55
„ IV.	Объ администраціи	64
„ V.	О чинахъ	85
„ VI.	Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія	94
„ VII.	О дворянствѣ, о крѣпостномъ состояніи и о выборномъ началѣ	155

Книга эта была издана нами на французскомъ языкѣ, въ Парижѣ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, подъ заглавіемъ: La Vérité sur la Russie.

Въ настоящее время, Россія вступаетъ на путь преобразованій, преобразованій необходимыхъ, которыя одни могутъ спасти ея отъ переворотовъ бурныхъ, спасти отъ революціи, и при этомъ новомъ направленіи возникаетъ множество новыхъ вопросовъ. Мирное и правильное разрѣшеніе этихъ вопросовъ не можетъ состояться иначе, какъ посредствомъ ихъ гласнаго обсужденія, прибѣгая къ гласности дѣльной и безпристрастной, не затемненной ни лестію придворною, ни вліяніемъ, оффиціальнымъ или полу-оф-

фиціальнымъ, какихъ-бы то ни было личностей.

Многіе изъ соотечественниковъ нашихъ говорятъ: „не нужно разсказывать иностранцамъ истину объ Россіи; слѣдуетъ скрывать отъ нихъ язвы нашего отечества“. Эти слова, по нашему мнѣнію, совершенно противны и здравой логикѣ, и личному достоинству, и отчизнолюбію истинно-просвѣщенному. Не говоря уже о глубокомъ отвращеніи, внушаемомъ всякою ложію каждому человѣку честному и благонамѣренному, надобно еще быть надѣлену необъятною пропорціею самонадѣянности, чтобы вообразить себѣ возможность всѣхъ обмануть. Люди, желающіе скрывать и утаивать язвы, похожи на опасныхъ больныхъ, которые предпочлибы страдать и умирать скорѣе чѣмъ призвать на помощь искуснаго врача, который-бы ихъ исцѣлилъ и возвратилъ-бы имъ обновленныя, свѣжія силы. Для Россіи, этотъ врачь — гласность!

Вопросы политическіе и соціальные, для приведенія ихъ къ развязкѣ здравой, благоразумной, непремѣнно должны быть

обсужены общественнымъ мнѣніемъ. Гласность — вѣрнѣйшее средство къ искорененію старыхъ злоупотребленій и сильнѣйшее препятствіе къ возникновенію злоупотребленій новыхъ.

Писать о Россіи — можно только русскому: отечество наше не походитъ ни на какую другую страну, и его историческое развитіе послѣдовало при обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ. Но съ цензурою, и въ особенности съ цензурою русскою, одержимою двумя неизлѣчимыми недугами: трусливостію и глупостію, печатать истину о Россіи можно только въ чужихъ краяхъ. Въ Европѣ существуетъ пять или шесть русскихъ типографій, и можетъ быть, многіе изъ соотечественниковъ нашихъ изъявятъ удивленіе свое, что мы сперва напечатали книгу нашу на языкѣ французскомъ, на языкѣ чужеземномъ. Считаемъ долгомъ отдать отчетъ въ причинахъ, насъ къ этому руководившихъ. Въ Россіи, стародуры, которые, если имъ предоставить свободу дѣйствій, увлекутъ Россію къ гибели, и чиновная орда, эта усердная союзница ста-

родуровъ и постоянный совѣтникъ ихъ, въ своей общей и безпредѣльной любви къ оффиціальной лжи и къ тайнѣ, служащей покровомъ для этой лжи, ненавидятъ гласность и страшатся ея. Но въ особенности боятся они, какъ огня, гласности европейской, и преимущественно, болѣе всего, гласности на языкѣ французскомъ, языкѣ, наиболѣе другихъ извѣстномъ во всѣхъ странахъ земнаго шара. И потому, для нападенія на стародуровъ, на чиновную орду и на царскую дворню, слѣдуетъ прибѣгать къ языку французскому, самому страшному для нихъ орудію.

Мы много изучали русскую исторію; мы были лично знакомы съ большею частію людей, въ теченіи послѣдняго двадцатипятилѣтія управлявшихъ дѣлами въ Россіи, равно и съ большею частію тѣхъ, которые нынѣ имѣютъ вліяніе на дѣла; намъ коротко извѣстны біографическія о нихъ свѣдѣнія, подробности о ихъ частной жизни и о взаимныхъ сношеніяхъ между собою. Намъ извѣстны также тайныя причины многихъ событій. Мы живали и въ обѣихъ столицахъ и во

внутреннихъ губерніяхъ; мы извѣдали и ссылку; мы находились въ связяхъ близкаго знакомства съ лицами, стоящими на различныхъ ступеняхъ лѣствицы общественной, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. Нынѣ, поселясь въ чужихъ краяхъ, мы будемъ впредь писать о Россіи, въ полномъ убѣжденіи, что правда, высказанная даже нашимъ слабымъ перомъ, можетъ быть полезною нашей любезной родинѣ.

Съ той самой поры, что книга наша впервые появилась на французскомъ языкѣ, раздаются, отъ стародуровъ, отъ чиновной орды и отъ царской дворни, вопли бѣшенства яраго, невообразимаго. Всѣ живущіе злоупотребленіями; всѣ тѣ, которые надѣются въ будущемъ пользоваться этими злоупотребленіями, всѣ сіятельные и превосходительные холопы Зимняго Дворца, всѣ, кто просятся въ эти холопы, кричатъ, вопіютъ, лгутъ, клевещутъ. Правительство русское наложилъ секвестръ на наше имѣніе въ Россіи. Можемо завѣрить враговъ нашихъ, что они насъ не запугаютъ и не заставятъ

молчать. Ни преслѣдованія, ни секвестръ, ни вопли, ни злоба, ни клевета не вырвутъ у насъ пера изъ рукъ; мы будемъ продолжать писать, будемъ продолжать путь нашъ по дорогѣ, нами добровольно избранной, въ надеждѣ, по мѣрѣ нашихъ скромныхъ силъ, быть полезнымъ Россіи.

Прилагаемъ здѣсь нашу переписку съ русскимъ правительствомъ.

(Переводъ съ французскаго.)

I.

ПИСЬМО КЪ РУССКОМУ ПОСЛУ ВЪ ПАРИЖѢ,

ГРАФУ П. Д. КИСЕЛЕВУ.

Парижъ, 3/15 Апрѣля 1860.

Господинъ Посолъ,

Вы меня пригласили заѣхать въ посольство, и предложили мнѣ три вопроса, прося дать вамъ отвѣтъ письменный, для доставленія правительству.

1. Согласенъ-ли я изъять изъ продажи книгу мою: *Правда о Россіи?*

2. Согласенъ-ли я оставить Парижъ?

3. Считаю-ли я себя русскимъ подданнымъ?

На первые два вопроса я отвѣчаю рѣшительно: *нѣтъ;* на третій вопросъ: *да.*

Я выселился въ чужіе края по истинному, глубокому убѣжденію въ пользѣ и непремѣнной необходимости гласности для Россіи. Не повторяя здѣсь того, что уже высказано въ моей книгѣ, прибавлю только, что безъ гласности, намѣренія самыя честныя, самыя благія безсильны направить какую-бы то ни было страну на путь преуспѣянія. Эмиграція моя не есть послѣдствіе минутнаго увлеченія — въ мои лѣта уже такъ не увлекаются — она есть развязка плана, издавна задуманнаго, въ теченіи многихъ лѣтъ меня занимавшаго и съ величайшею осторожностью приведеннаго въ исполненіе. Планъ этотъ принялъ начало свое въ чувствѣ искренней, пламенной и безграничной привязанности моей къ родному краю, къ народу русскому, среди коего я имѣлъ

счастіе родиться. Поселясь нынѣ въ чужихъ краяхъ, въ положеніи матеріально-обезпеченномъ, я считаю долгомъ честнаго гражданина, долгомъ истиннаго Русскаго, писать о Россіи и говорить истину отечеству моему, безпредѣльно мною любимому.

Книга моя *Правда о Россіи*, вовсе не направлена противъ личностей, но противъ злоупотребленій и противъ существующаго у насъ плачевнаго порядка вещей. Въ книгѣ этой имя Е. В. Государя Александра Николаевича произнесено не только съ чувствомъ почтенія, но еще и съ чувствомъ признательности, столь понятной относительно Государя, исполненнаго благихъ намѣреній. Въ положеніи *совершенно-независимомъ*, въ которое я себя нынѣ поставилъ, слова мои не могутъ быть конечно приняты за голосъ лести; я могу говорить все, что думаю, и выраженія почтенія и признательности — отголосокъ чувствъ человѣка свободнаго, истиннаго патріота.

Отказаться отъ жительства въ Парижѣ я не вижу никакой причины: напро-

тивъ, на будущее время я буду ежегодно проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ городѣ.

Перемѣнить свою національность можно только изъ причинъ самыхъ важныхъ, особенно человѣку, любящему свое отечество какъ я люблю его. Я считаю себя Русскимъ подданнымъ, но, если-бы русскому правительству пришла мысль меня преслѣдовать, то я принужденъ буду поставить себя подъ покровительство другой державы.

На будущее время я предполагаю издать слѣдующія книги:

1. Россія съ 1847 по 1859 годъ;
2. Исторія заговора 14 Декабря 1825 года;
3. Исторія Россіи;
4. Записки о Россіи, съ 1682 по 1834 годъ;
5. Біографическій и родословный словарь русскихъ фамилій;
6. Мои собственныя Записки, начатыя съ 1834 года (они ускользнули отъ осмотра бумагъ моихъ, произведеннаго III отдѣленіемъ въ 1843 году).

Примите, господинъ Посолъ, изъявленіе моего почтенія.

Князь Петръ Долгоруковъ.

II.

Россійское Генеральное Консульство въ Велико-Британіи
No. 497.

No. 32, Great-Winchester-Street.
10/22 Мая 1860 года.

Нижеподписавшійся, Управляющій Генеральнымъ Консульствомъ, имѣя сообщить Князю Долгорукову оффиціальную бумагу, проситъ сдѣлать ему честь пожаловать въ Консульство послѣ-завтра въ Четвергъ, во второмъ или въ третьемъ часу по-полудни.

Ф. Гротъ.

III.

Лондонъ, Claridges-hôtel, Brook-Street,
10/22 Мая 1860 года.

Если господинъ Управляющій Генеральнымъ Консульствомъ имѣетъ сообщить мнѣ бумагу, то прошу его сдѣлать мнѣ честь пожаловать ко мнѣ въ Claridges-hôtel, въ Пятницу 13/25 Мая, во второмъ часу по-полудни.

Петръ Долгоруковъ.

IV.

Россійское Генеральное Консульство въ Велико-Британіи, No. 498.

No. 32, Great-Winchester-Street. 12/24 Мая 1860 года.

Нижеподписавшійся, Управляющій Генеральнымъ Консульствомъ, имѣетъ порученіе пригласить Князя Долгорукова немедленно возвратиться въ Россію, въ слѣдствіе Высочайшаго о томъ повелѣнія. Нижеподписавшійся проситъ Князя Долгорукова почтить его увѣдомленіемъ о полученіи сего сообщенія.

Ф. Гротъ.

V.

Записка Кн. П. В. Долгорукова, въ отвѣтъ на объявленное ему Управляющимъ Россійскимъ Генеральнымъ Консульствомъ Высочайшее повелѣніе немедленно возвратиться въ Россію.

Лондонъ, Claridges-hôtel, Brook-Street, 13/25 Мая 1860 года.

Издавая книгу мою: *Правда о Россіи*, и объявляя о будущемъ изданіи мною другихъ книгъ, я дѣйствовалъ по вну-

шенію искреннѣй любви къ отечеству, но ни одной минуты не сомнѣвался, что моя откровенность и мой либеральный образъ мыслей навлекутъ на меня ненависть всѣхъ стародуровъ, равно и всѣхъ бюрократовъ носящихъ либеральную маску; однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые живутъ злоупотребленіями или извлекаютъ изъ нихъ пользу. Ненависть подобныхъ людей приноситъ честь тѣмъ, которые ея удостоиваются. Но самые злѣйшіе враги мои никогда не отрицали во мнѣ нѣкоторой степени ума, и потому ясно, что человѣкъ, въ мои лѣта, не могъ сдѣлать такой глупости, чтобы не принять, выселяясь за границу, необходимыхъ мѣръ къ обезпеченію своего существованія. Такъ я и сдѣлалъ.

Теперь, спрашиваю: какую-же *логическую* цѣль русское правительство можетъ имѣть въ виду, *предписывая мнѣ возвратиться въ Россію*, и еще *немедленно?* Предполагать, что я повинуюсь этому приказанію, значитъ считать меня дуракомъ: отвѣтомъ на это можетъ быть только громкій смѣхъ! А такъ какъ я

не возвращусь, то отдадутъ-ли меня подъ судъ, подъ русскій судъ, который ничто иное, какъ гнусная каррикатура на правосудіе? Приговорятъ-ли меня къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь? Здѣсь, вопреки моей воли, не могу больше удержаться отъ смѣха! Пусть посмотрятъ въ моей книгѣ мнѣніе людей благоразумныхъ о правахъ состояній въ Россіи, о правахъ русскаго дворянства? Что же касается до приговора къ ссылкѣ въ Сибирь, то это для меня совершенно все равно, какъ если-бы меня приговорили къ ссылкѣ на луну! Полагаю, что русское правительство не предается тому непонятному заблужденію, чтобы воображать себѣ, что приговоръ русскихъ судовъ можетъ, хотя-бы мало-мальски, измѣнить мое общественное положеніе въ тѣхъ странахъ Европы, въ коихъ я буду имѣть пребываніе?

Мнѣ 43 года; родился и жилъ я, подобно всѣмъ русскимъ дворянамъ, въ званіи привилегированнаго холопа, въ странѣ холопства всеобщаго; это положеніе мнѣ опротивѣло, стало мнѣ тошно,

и я рѣшился окончить дни свои въ странахъ свободныхъ, гдѣ-бы на людей не взирали какъ на барановъ, принадлежащихъ такому или такому-то семейству царскому. Желая быть полезнымъ отечеству, я буду въ чужихъ краяхъ писать истину о Россіи и заниматься русскою исторіей. Я возвращусь въ отечество, но только тогда, когда порядокъ правленія, на законахъ основанный, заступитъ у насъ мѣсто самовластія и беззаконности. Если Государь постигнетъ истинныя выгоды своей династіи, если онъ захочетъ избѣгнуть опасностей и ужасовъ революціи, то онъ внемлетъ разумнымъ желаніямъ и законнымъ требованіямъ своихъ подданныхъ, и даруетъ намъ конституцію. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, неотразимый потокъ событій увлечетъ и съ корнемъ вырветъ, въ Россіи, нынѣшній порядокъ вещей. Получитъ-ли мое отечество конституцію отъ Государя, или революція, своимъ насильственнымъ путемъ, учинитъ у насъ реформы, которыя въ настоящее время еще зависитъ отъ правительства совер-

шить мирно и спокойно, въ обѣихъ случаяхъ я возвращусь въ Россію.

Въ нашемъ вѣкѣ, неоднократно видѣли, какъ политическіе эмигранты возвращались на родину, а члены правительства, ихъ дотолѣ преслѣдовавшіе, обрекались на изгнаніе. Искренно желаю, чтобы домъ Принцевъ Голштейнъ-Готторпскихъ, нынѣ возсѣдающій на престолѣ Всероссійскомъ, понялъ наконецъ, гдѣ находятся его истинныя выгоды; желаю, чтобы онъ снялъ наконецъ съ себя опеку царедворцевъ жадныхъ и неспособныхъ (мнимая къ нему преданность коихъ не переживетъ годовъ его могущества); желаю, чтобы онъ учредилъ въ Россіи порядокъ правленія дѣльный и прочный, даровалъ-бы конституцію, и черезъ то отклонилъ отъ себя, въ будущемъ, непріятную, но весьма возможную случайность промѣна Всероссійскаго престола на вѣчное изгнаніе.....

Князь Петръ Долгоруковъ.

VI.

ПИСЬМО КЪ НАЧАЛЬНИКУ III ОТДѢЛЕНІЯ, КНЯЗЮ В. А. ДОЛГОРУКОВУ.

Лондонъ, 17/29 Мая 1860.

Почтеннѣйшій Князь Василій Андреевичь, вы требуете меня въ Россію, но мнѣ кажется, что зная меня съ дѣтства, вы могли-бы догадаться, что я не такъ глупъ, чтобы явиться на это востребованіе? Впрочемъ, желая доставить вамъ удовольствіе видѣть меня, посылаю вамъ при семъ мою фотографію, весьма похожую. Можете фотографію эту сослать въ Вятку или въ Нерчинскъ, по вашему выбору, а самъ я — ужъ извините — въ руки вашей полиціи не попадусь, и ей меня не поймать!

Князь Петръ Долгоруковъ.

Глава I.

Общій обзоръ.

Что такое Россія, въ отношеніи политическомъ и административномъ? Огромное зданіе, съ европейскимъ фасадомъ, съ европейскимъ фронтономъ, но гдѣ внутри распоряжаются и управляютъ по-азіатски. Наибольшая часть русскихъ чиновниковъ, переодѣтые въ костюмы болѣе или менѣе европейскіе, дѣйствуютъ на службѣ совершенно по-татарски.

На чемъ основана русская администрація? На законахъ-ли? — Ни мало! Ни въ одной странѣ въ мірѣ нѣтъ столько законовъ и правительственныхъ распоряженій какъ въ Россіи; нашъ сводъ законовъ самый многотомный въ мірѣ; онъ состоитъ изъ пятнадцати томовъ, слишкомъ въ тысячу страницъ каждый, и еще ежегодно выходятъ безтолковыя прибавленія. Но этотъ огромный сводъ, столь

полезный для бумажныхъ фабрикъ, — для Россіи мертвая буква. Первая статья перваго тома ставитъ Царя выше всѣхъ законовъ, и черезъ то превращаетъ всѣ пятнадцать толстыхъ томовъ въ тяжелую насмѣшку надъ Россіею и надъ русскимъ народомъ. У насъ управленіе основано не на общемъ равенствѣ передъ закономъ, какъ въ Европѣ, но на общемъ равенствѣ передъ прихотью власти и передъ воровствомъ чиновной орды, какъ въ Азіи. Чтобъ избѣгнуть притѣсненій, у насъ необходимо платить, или принадлежать къ царской дворнѣ, или быть ею покровительствуему, точно какъ въ Азіи.

Императоръ Александръ Николаевичъ не можетъ оскорбиться нашими словами: онъ честный человѣкъ, и болѣе всѣхъ желаетъ прочнаго преобразованія Россіи.

Одно изъ общихъ заблужденій, наиболѣе распространенныхъ, заключается въ томъ, будто русскій царь — самодержецъ! Великое заблужденіе! Самодержецъ по-праву, онъ, на дѣлѣ, не пользуется обширною властію. Онъ можетъ сослать кого ему угодно, можетъ отнять у всякаго русскаго имѣніе, свободу, жизнь, можетъ рубить головы по волѣ своей прихоти, но всякій пойметъ, что Александръ Николаевичъ, Государь добрый и просвѣщенный, не пользуется дикими правами, какія

имѣетъ въ рукахъ. На самомъ дѣлѣ, Царь только сочинитель законовъ, иногда даже просто издатель ихъ, и не въ его власти заставить исполнять эти законы. Если законъ, Царемъ изданный, полезенъ интересамъ чиновной орды, или Министровъ, или царской дворни, то вы можете быть увѣрены, что онъ будетъ исполненъ съ замѣчательнымъ усердіемъ; если онъ не приноситъ никакихъ выгодъ тремъ вышеименованнымъ властямъ, то онъ будетъ исполняемъ плохо и нерадиво, а если онъ наноситъ ущербъ ихъ интересамъ, то можете быть увѣрены, что законъ этотъ никогда и ни подъ какимъ видомъ исполненъ не будетъ. Но изъ этихъ трехъ властей, самая могущественная — чиновная орда, эта нравственная язва Россіи. Мимо-послушная Государю, она, съ помощію Царской дворни, крѣпко держитъ Царя въ рукахъ, и обѣ, общими силами, заставляютъ Царя плясать по своей дудкѣ. Царь царствуетъ, а чиновная орда властвуетъ! Золото, — вотъ истинный самодержецъ и чиновной орды, и царской дворни: ему одному они служатъ усердно и повинуются безпрекословно!

Русскій народъ богато одаренъ природою и въ отношеніи умственномъ, и въ отношеніи душевномъ: умъ его ясный, живый, тонкій, проницательный, всепони-

мающій; разнообразіе способностей удивительное; онъ добръ, услужливъ, милосердъ къ несчастнымъ, почтителенъ къ старикамъ и къ тѣмъ, кого судьба поставила выше его, и когда только подумаешь, подъ какимъ гнуснымъ правленіемъ онъ страдаетъ — становится и больно, и страшно! Между этимъ народомъ, столь достойнымъ любви и уваженія, и Государемъ добрымъ и честнымъ, какъ Александръ Николаевичъ, становится чиновная орда, развращенная, жадная, все — грабящая, тройный экстрактъ пороковъ самыхъ подлыхъ и самыхъ гнусныхъ. Эта чиновная орда обманываетъ народъ, увѣряя его, что притѣсненія проистекаютъ отъ самаго Царя, обманываетъ Царя, клевеща на этотъ народъ, — столь достойный любви и довѣренности, называя его опаснымъ. Ставъ стѣною между Царемъ и народомъ, забравъ всю власть къ себѣ въ руки, чиновная орда вездѣ владычествуетъ, вездѣ грабитъ, и, если ея не уничтожутъ, если, черезъ реформы дѣльныя, совершенныя пока еще время не ушло, не установятъ правительство на основаніяхъ крѣпкихъ, просвѣщенныхъ, соотвѣтственныхъ потребностямъ вѣка, то владычество чиновной орды доведетъ Россію до бурнаго политическаго переворота, въ коемъ погибнетъ и само правительство, и

одна мысль о коемъ внушаетъ страхъ и трепетъ, по совершенной невозможности уму человѣческому предвидѣть конечную развязку подобнаго событія . . . . . .

Но изъ всѣхъ русскихъ, Царю, какъ бы ни были прекрасны его намѣренія, труднѣе всѣхъ знать Россію. Царя обманываютъ со всѣхъ сторонъ, потому что Россія есть страна оффиціально-устроенной лжи. На всѣхъ многочисленныхъ ступеняхъ администраціи, чиновники представляютъ своимъ начальникамъ донесенія и отчеты, о коихъ всѣ, начиная съ становаго пристава до Министра и до Предсѣдателя Государственнаго Совѣта знаютъ, что это *ложь*. Министры преднамѣренно представляютъ Царю ложныя донесенія и лживые отчеты. Русскіе Цари, для узнанія истины и для открытія злоупотребленій, прибѣгали къ тремъ мѣрамъ: коммиссія прошеній должна была принимать просьбы и жалобы; почта должна была вскрывать письма; тайная полиція (вскорѣ превращенная въ настоящую политическую инквизицію) должна была разыскивать и открывать злоупотребленія. Что же вышло изъ всего этого? Чиновная орда издала законъ, въ силу коего всякая жалоба на чиновника отсылается къ Министру, его начальнику, который рѣшаетъ безвозвратно. Жалоба на Министра отсы

ластся къ *тому же* Министру. Сверхъ того, всѣмъ извѣстно, что въ коммиссіи прошеній всѣ дѣла зависятъ исключительно отъ статсъ-секретаря, князя Александра Ѳедоровича Голицына, одного изъ самыхъ неспособныхъ и самыхъ презрѣнныхъ русскихъ чиновниковъ, что не мѣшаетъ ему занимать эту должность въ продолженіи слишкомъ четверти столѣтія. Всѣмъ извѣстно, что въ его канцеляріи рѣшенія покупаются. Что касается до вскрытія писемъ на почтѣ, то Государю показываютъ, какія угодно показать. Всѣ письма, относящіяся до Царской дворни, или до лицъ, покровительствуемыхъ Царскою дворнею, Государю не показываются, и нерѣдко прибѣгали къ системѣ подлога, т. е. къ составленію ложныхъ писемъ.

Наконецъ тайная полиція при графѣ Бенкендорфѣ, князѣ Орловѣ и генералѣ Дубельтѣ была вертепомъ настоящаго разбоя. Тамъ все продавалось и все можно было купить. Съ пачкою кредитныхъ билетовъ въ рукѣ можно было совершить дѣянія самыя гнусныя. Тайная полиція имѣла привычку запугивать Николая Павловича, вѣчно представляя ему какіе-то призраки заговоровъ и политическихъ злоумышленій. Это придавало ей вѣсъ при Царѣ и потомъ, когда много людей было арестовано, и слѣдствіе началось, богатые, которые со-

глашались откупаться, откупались; бѣдные, и тѣ которые не хотѣли откупаться — отправляемы были въ ссылку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, злоупотребленія самыя гнусныя были скрываемы отъ Государя. Такъ, напримѣръ, тайный совѣтникъ Политковскій, въ Петербургѣ, на глазахъ Правительства, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно обкрадывалъ кассу инвалидовъ, наворовалъ милліоны, но вмѣстѣ съ тѣмъ велъ картежную игру съ Дубельтомъ и съ прочими мерзавцами этой шайки, — и Николай Павловичъ только случайно узналъ о продѣлкахъ Политковскаго.

Нынѣшній начальникъ тайной полиціи, Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ — человѣкъ безкорыстный, но вовсене безпристрастный. Стародуръ по своимъ мнѣніямъ, онъ, въ докладахъ Государю, преувеличиваетъ все, что касается до либераловъ, и скрываетъ мерзости стародуровъ. Вотъ примѣръ тому. Закревскій, одиннадцать лѣтъ сряду, угнеталъ Москву, говорилъ дерзости Москвичамъ, вмѣшивался въ семейныя дѣла, открыто покровительствовалъ мошенникамъ, и самъ воровалъ, поставками гнилаго сукна и разбавленной водою водки. Князь Василій Андреевичъ увѣрялъ Государя, что всѣ эти слухи — чистая клевета; наконецъ, въ прошломъ году, Закревскій, говорив-

шій, что эти *проклятые законы мышаютъ администраціи*, былъ уволенъ только потому, что позволилъ дочери своей выйти за мужъ отъ живаго мужа безъ развода. Но Государь узналъ объ этомъ случайно; тайная полиція не только скрывала это, но еще дала Графинѣ Нессельроде и ея мнимому второму мужу возможность уѣхать изъ Россіи, не бѣгствомъ, а путешествуя открыто, спокойно проѣхавъ около 1200 верстъ по такому пути, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ.

Гласность, дѣйствительная и широкая, была бы для Государя лучшимъ средствомъ узнать всѣ злоупотребленія, но этого-то именно и не хотятъ Министры, царская дворня и чиновная орда. Наша литература, едва пробудясь отъ сна, продолжительнаго и невольнаго, явила силу, энергію, дарованія, превзошедшія всѣ ожиданія. А что приноситъ ей еще болѣе чести, это то, что она ознаменовала себя благородствомъ чувствъ и отчизнолюбіемъ, самымъ просвѣщеннымъ. Едва только немного облегчены были на ней путы цензуры, какъ она предалась, съ самымъ почтеннымъ рвеніемъ, розысканію злоупотребленій, описывала ихъ, клеймила ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко и дѣльно изучала всѣ важнѣйшіе общественные вопросы. Въ послѣдніе четыре года, русскіе

журналы напечатали множество статей, которыя были бы прочтены всѣмъ образованнымъ міромъ, если бы написаны были на языкѣ болѣе извѣстномъ, чѣмъ русскій, если бы написаны были по-англійски, по французски или по-нѣмецки. Но лишь только какая нибудь статья не ограничивалась общими разсужденіями и выводами, а указывала на злоупотребленія въ Россіи существующія и предлагала средства къ ихъ искорененію, тотчасъ большая часть Министровъ, Царская дворня и чиновная орда испускали вопли ужаса, и объявляли Государство въ опасности. Въ Европѣ, въ странахъ образованныхъ, конечно никакъ не повѣрятъ, что министръ юстиціи нѣсколько разъ умолялъ Царя запретить всякое разсужденіе о необходимости судопроизводства гласнаго и открытаго. Правда, что Графъ Панинъ полу-помѣшанъ, у него разсудокъ свихнулся, но все таки вотъ двадцать-первый годъ, что онъ управляетъ министерствомъ юстиціи! Въ Европѣ не повѣрятъ, что журналамъ запрещено было говорить, что винный откупъ — учрежденіе самое безнравственное и самое гнусное. Въ Европѣ не повѣрятъ, что журналамъ запрещено писать о необходимости гласности бюджета. Гласность пугало русской чиновной орды и царской дворни: орелъ прямо глядитъ

на солнце, но совамъ и летучимъ мышамъ потемки необходимы . . . . . .

Наконецъ, русскій Царь лишенъ даже возможности бесѣдовать съ лицами, не состоящими на службѣ, то есть не принадлежащими ни къ войску, ни къ чиновной ордѣ. При всѣхъ Дворахъ, гдѣ царствуетъ древній, европейскій, монархическій этикетъ, каждый дворянинъ, на службѣ-ли онъ или нѣтъ, все равно, имѣетъ право пріѣзда ко Двору. Въ Государствахъ, гдѣ порядокъ нынѣ основанъ на широкихъ и благотворныхъ началахъ потребностей современныхъ, образованія современнаго, какъ напримѣръ при Дворахъ французскомъ, сардинскомъ, бельгійскомъ, тамъ пользуются возможностію пріѣзда ко Двору каждый человѣкъ образованный, каждый человѣкъ носящій извѣстное имя, или отличившійся дарованіями, или пріобрѣвшій, какимъ-бы то ни было образомъ, личное значеніе. И такъ, въ Государствѣ просвѣщенномъ, Государю есть возможность бесѣдовать съ людьми умными, способными, знающими, и черезъ нихъ узнавать нужды и потребности роднаго края. Въ Россіи — совсѣмъ иное! Ко Двору ѣздятъ по чинамъ. Человѣкъ великихъ способностей, писатель прославившійся въ своемъ отечествѣ, мыслитель глубокомысленный, дво-

рянинъ фамиліи самой древней и самой знаменитой, не будутъ допущены ко Двору, не имѣя извѣстнаго чина: а чтобы получать чины, чтобы дѣлать, какъ говорится, карьеру, въ Россіи (за немногими исключеніями, основанными на случаѣ, или на могущественной протекціи) необходимо не имѣть ни чувства личнаго достоинства, ни тѣни совѣсти, необходимо замѣнить личное достоинство гибкостію спины, а совѣсть замѣнить хитростью. Это послѣднее качество, *въ Россіи весьма часто принимаемое за умъ*, весьма у насъ полезно, между тѣмъ какъ умъ часто бываетъ вреденъ тому, кто имъ одаренъ. Хитрость, обыкновенное свойство бездарности, весьма распространена и весьма полезна во всѣхъ странахъ, гдѣ царствуетъ рабство. Въ Россіи, человѣкъ, сочетающій въ себѣ бездарность съ хитростію, не имѣющій ни чувства личнаго достоинства, ни совѣсти, почти навѣрное достигнетъ высшихъ чиновъ и будетъ имѣть вѣсъ при Дворѣ. И такъ, Россійскій Дворъ, куда доступъ получается не по способностямъ и не по фамиліи, а единственно по чину, не есть Дворъ Европейскій, но Дворъ Азіятскій, полукитайскій, облеченный въ европейское платье. Нѣтъ ни малѣйшей чести принадлежать къ подобному Двору. Но изъ этого вытекаетъ

горестное послѣдствіе, что Государь не имѣетъ никакого сближенія съ людьми умными и способными, и не можетъ знать нуждъ и потребностей своихъ подданныхъ.

Къ несчастію, Александръ Николаевичь не понимаетъ, что новый порядокъ вещей требуетъ и людей новыхъ: онъ хочетъ дѣлать реформы черезъ тѣхъ самыхъ стародуровъ, которые были сподвижниками Николая Павловича въ его тридцатилѣтней войнѣ противъ просвѣщенія и противъ здраваго смысла. Одинъ иностранный дипломатъ справедливо говорилъ мнѣ однажды въ Петербургѣ: „Вашъ Государь и не догадывается, сколь опасно вѣрять извощикамъ управленіе поѣздами желѣзныхъ дорогъ.“

Повѣрятъ-ли въ Европѣ, что въ Россіи, со времени учрежденія министерствъ въ 1802 году, Министры не болѣе одного или двухъ лѣтъ собирались въ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Государя, и что потомъ, до 1857 года, каждый Министръ имѣлъ у Государя отдѣльные доклады, что лишаетъ правленіе всякаго единства, допускаетъ самыя величайшія злоупотребленія власти, и подвергаетъ правительство возможности принимать мѣры столь противоположныя между собою, что это возбуждаетъ всеобщій смѣхъ. Каждый

Министръ, въ своемъ министерствѣ, находился въ положеніи турецкаго паши въ своемъ пашалыкѣ, доводилъ до свѣденія Государя только то, что ему угодно было доводить, постоянно обманывалъ Царя и, по окончаніи доклада, на всѣ возраженія имѣлъ готовый отвѣтъ: „Это Высочайшая воля!“ Правда, Министры собирались въ комитетъ, разъ въ недѣлю, по вторникамъ, но внѣ присутствія Государя, и разсуждали о дѣлахъ второстепенныхъ, между тѣмъ какъ всѣ важныя дѣла рѣшаемы были въ тайныхъ докладахъ каждаго министра Государю. Это продолжалось цѣлый полу-вѣкъ, и довело Россію до ея настоящаго положенія: Русское управленіе ни что иное, какъ разбой, приведенный въ полную систему, основанный на постоянной, всеобщей неурядицѣ, прикрытый завѣсою оффиціальной лжи, съ цѣлію морочить Государя и Европу!

Въ Ноябрѣ 1857 года, мы представили Великому Князю Константину Николаевичу и министру иностранныхъ дѣлъ, князю Александру Михайловичу Горчакову записку, въ коей, совѣтуя разныя реформы, мы убѣждали уничтожить тайные доклады Министровъ и возстановить засѣданія Комитета Министровъ въ присутствіи Государя, какъ это дѣлается

во всѣхъ странахъ образованныхъ. Великій Князь поднесъ нашу записку Государю 2 Декабря, и, девять дней спустя, 11 Декабря 1857 года, Совѣтъ Министровъ собранъ былъ впервые послѣ полувѣковаго закрытія, и съ тѣхъ поръ собирается еженедѣльно, по четвергамъ.

Но Министры все таки смастерили себѣ сохраненіе тайныхъ докладовъ, къ вящщему ущербу пользы общей и къ преуспѣянію своихъ личныхъ интригъ.

Глава II.

О томъ, что въ Россіи называется правосудіемъ, и о Государственномъ Совѣтѣ.

Мы уже говорили, въ предъидущей главѣ, о нашихъ законахъ, столь безчисленныхъ, столь безтолковыхъ, и въ сущности столь безполезныхъ, потому что въ Россіи — законы не исполняются. Судебникъ Царя Іоанна Грознаго, изданный въ 1550 году, и уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, въ 1649 году, были разсмотрѣны *Земскими Соборами* (Далѣе, въ главѣ о дворянствѣ и о крѣпостномъ состояніи, мы разскажемъ о судьбѣ Земскихъ Соборовъ въ Россіи). При Царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ III., законы были издаваемы, иногда послѣ обсужденія ихъ Земскою Думою, иногда по прихоти царской, а со временъ Петра I. чисто по прихоти царской. При преемникахъ Петра I,

это чаще всего происходило по прихоти главнаго временщика, а за неимѣніемъ въ ту минуту временщика, законы издавались вслѣдствіе придворныхъ интригъ, столь могущественныхъ даже и при Дворахъ деспотовъ своеправныхъ, какими были Павелъ и Николай. Нѣсколько разъ пытались собрать воедино всѣ русскіе законы, наконецъ, въ 1833 году, изданъ былъ составленный графомъ Сперанскимъ сводъ законовъ, второе изданіе коего вышло въ 1842 году, а третіе въ 1857 году. Сводъ этотъ не былъ, подобно Судебнику и Уложенію, представленъ на судъ общественнаго мнѣнія, о коемъ сумасбродный Николай и не заботился. Сводъ былъ будтобы разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ, собраніи, состоящемъ изъ шестидесяти съ небольшимъ членовъ, изъ коихъ весьма немногіе люди достойные и способные, а большая часть — старики бездарные и трусливые, придворные холопы. Государственный Совѣтъ считается въ Россіи собраніемъ законодательнымъ, но въ Россіи все основано на оффиціальной лжи: этотъ совѣтъ ничто иное, какъ домъ призрѣнія бездарныхъ стариковъ, государственная богадѣльня, украшенная именемъ Государственнаго Совѣта. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, правительство, подстрекаемое министромъ юстиціи, полу-умнымъ

Графомъ Паниным, нашло наши суровые уголовные законы не довольно строгими, и издало, въ 1845 году, новый сводъ уголовныхъ законовъ, отчасти даже непримѣнимый. Чтобы имѣть понятіе о безобразіи этихъ новыхъ уголовныхъ законовъ, достаточно сказать, что опрокинувшій бюстъ Государя судится какъ государственный преступникъ; что правило о доносахъ возведено на степень законнаго долга, въ обязанность вѣрноподданнаго, и что отказъ быть доносчикомъ равняется государственному преступленію. Этотъ сводъ, срамъ и позоръ Николаевскаго царствованія, имѣетъ дѣйствіе еще и понынѣ.

Правосудіе, въ Россіи, существуетъ только по имени. Честный человѣкъ, для отысканія себѣ правосудія, долженъ дѣлать тоже, что дѣлаетъ человѣкъ безчестный, для совершенія несправедливости: онъ долженъ платить, платить вездѣ и каждому, или имѣть сильную опору между Министрами, или между царскою дворнею, или между людьми близкими къ министрамъ и къ царской дворнѣ. Но платя, слѣдуетъ еще принимать свои предосторожности, чтобы не быть обманутымъ. Вотъ примѣръ тому. Одинъ иностранецъ приходитъ, въ Петербургѣ, къ повѣренному въ дѣлахъ своей страны, человѣку умному

и достойному, и просить его покровительства для полученія какой то поставки по Министерству Двора. Повѣренный въ дѣлахъ говоритъ ему, что дипломатамъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ поставки, но что онъ долженъ знать, какимъ образомъ дѣла устроиваются въ Петербургѣ; что надобно дать денегъ Минѣ Ивановнѣ Бурковой, любовницѣ старика Адлерберга, и дать денегъ Графу Александру Адлербергу. „Ахъ! воскликнулъ иностранецъ, я далъ денегъ и Минѣ Ивановнѣ, и Александру Адлербергу; деньги мои взяли, все обѣщали, и ничего не сдѣлали!“ . . . . .

Между русскими судьями и чиновниками считается не совсѣмъ честнымъ тотъ, кто взявъ взятку, обманетъ и дѣла не сдѣлаетъ, но взять взятку для совершенія дѣла самаго вопіющаго, и сдержать слово, по ихъ мнѣнію, вовсе не заслуживаетъ порицанія, а считается дѣломъ благоразумнымъ: человѣкъ-де умный; сколачиваетъ себѣ копѣйку на черный день.

Должно сказать, что недостаточность окладовъ ставитъ большинство чиновниковъ между голодомъ и взятками. Недавно увеличили оклады по министерству юстиціи почти на 40%, но все они еще ничтожны. Чиновникъ, получающій сто рублей въ годъ, обязанъ на эти деньги нанять себѣ квартеру, кормиться, одѣ-

ваться; если онъ холостъ, то уже стѣсненъ въ высшей степени, а будь онъ женатымъ, — онъ настоящій нищій, и ему одно спасеніе — взятки.

Въ 1835 году, Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій учредилъ, *на собственный счетъ*, училище правовѣденія, и этимъ высоко-благороднымъ поступкомъ, исполненнымъ истинной любви къ Россіи, увѣковѣчилъ свое имя въ исторіи. Училище правовѣдѣнія стало разсадникомъ юристовъ, замѣчательныхъ по своему безкорыстію, и многіе изъ коихъ уже успѣли пріобрѣсти заслуженную репутацію людей способныхъ. Но въ Министерствѣ Юстиціи правовѣды составляютъ еще меньшинство чиновниковъ.

Притомъ, взяточничество — не единственная язва, служащая помѣхою развитію правосудія въ Россіи. Для всякаго дѣла немного важнаго, особенно если въ немъ замѣшаны люди сильные, вліятельные, правосудія нѣтъ никакаго. Дѣло начинается въ Уѣздномъ Судѣ, проходитъ черезъ Гражданскую (или Уголовную) Палату, приходитъ въ Департаментъ Сената, и если рѣшеніе Сенаторовъ не единогласно, или не одобряется прокуроромъ, коимъ Министръ Юстиціи распоряжается какъ пѣшкою, дѣло переходитъ въ общее собраніе Сената. До Графа Панина, рѣшеніе двухъ

третей сенаторовъ въ общемъ собраніи считалось окончательнымъ, и дѣло не поступало въ консультацію, но полоумный Ханъ Панинъ требуетъ въ консультацію всякое дѣло, какое ему угодно.

Эта консультація — одно изъ самыхъ нелѣпыхъ учрежденій, какія только могутъ существовать даже въ государствѣ полуазіатскомъ, какъ наша Россія. Нѣсколько чиновниковъ, собранныхъ по прихоти Министра Юстиціи, и по чину стоящіе ниже каждаго сенатора, разсматриваютъ и уничтожаютъ рѣшенія общаго собранія Сената. Это такая колобродица, что тутъ ровно ничего не поймешь.

Наконецъ, послѣ всевозможныхъ мытарствъ, дѣло поступаетъ въ государственный совѣтъ. Въ общемъ собраніи этой государственной богадѣльни, тридцать голосовъ за васъ, одинъ противъ васъ. Протоколъ подносится Государю. Его Величество соглашается съ единственнымъ голосомъ, васъ осудившимъ, и вы проигрываете свое дѣло!

Если общее собраніе Сената и Министръ Юстиціи согласны въ своемъ рѣшеніи, то и тутъ еще есть средство протянутъ дѣло: можно обратиться въ коммиссію прошеній. Въ законахъ сказано, что на рѣшеніе Сената нѣтъ аппелляціи, и потомъ, со всею нелѣпостію свой-

ственною русскимъ законамъ, *въ слѣдующей же статьѣ* говорится, что есть случаи, въ коихъ нельзя воспретить прибѣгнуть къ Государю. Тогда подаютъ прошеніе, въ коммиссію прошеній, и если оно подкрѣпляется рекомендательными письмами Тайнаго Совѣтника Ростовцова*), коммиссія докладываетъ Государю, что дѣло вопіющее, требуетъ пересмотра, и Царь, въ своемъ неизрѣченномъ монаршемъ милосердіи, Высочайше повелѣваетъ пересмотрѣть дѣло.

Сколько разъ Сенатъ, иногда даже и самая государственная богадѣльня, находили, что по уголовнымъ дѣламъ слѣдствіе произведено неправильно, что по гражданскимъ дѣламъ изъ виду упущены такія то и такія то обстоятельства, и дѣла отсылались опять въ нижнюю инстанцію, и снова начиналось многолѣтнее странствованіе по разнымъ инстанціямъ, коимъ мы здѣсь прилагаемъ списокъ:

Инстанція 1я. Уѣздный Судъ.
„ 2я. Палата Гражданская или Уголовная.

---

*) Александръ Ивановичъ Ростовцовъ, управляющій экспедиціею государственныхъ кредитныхъ билетовъ, обязанъ подписывать всѣ эти билеты, которые по этому и называются, въ присутственныхъ мѣстахъ, рекомендательными письмами Тайнаго Совѣтника Ростовцова.

Инстанція 3я. Департаментъ Сената.
„ 4я. Общее собраніе Сената.
„ 5я. Консультація Министерства Юстиціи.
„ 6я. Ханъ Панинъ, Министръ Юстиціи.
„ 7я. Общее собраніе Сената.
„ 8я. Коммиссія прошеній.
„ 9я. Департаментъ Государственнаго Совѣта.
„ 10я. Общее собраніе Государственнаго Совѣта.
„ 11я. *Царская прихоть.*

Пройти черезъ десять инстанцій, представляя во многихъ мѣстахъ рекомендательныя письма тайнаго совѣтника Ростовцова, чтобы наконецъ наткнуться, въ одиннадцатой инстанціи, на Царскую прихоть, не ужасно-ли это? Вѣдь это чистая Азія! Или, правильнѣе сказать, — грязная Азія! Послѣ этого, кто осмѣлится говорить что въ Россіи существуетъ правосудіе, и кто назоветъ огромное количество толстѣйшихъ томовъ свода законовъ иначе, какъ тяжелою насмѣшкою надъ Россіею и надъ русскимъ народомъ.

Въ Россіи, судопроизводство не гласное и не открытое, а тайное и письменное; адвокатовъ не существуетъ. Книгу свою мы пишемъ для людей, одаренныхъ здравымъ смысломъ, и потому смѣшны

были бы мы, если бы стали доказывать всѣмъ извѣстную истину необъятнаго превосходства судопроизводства гласнаго и открытаго передъ письменнымъ и тайнымъ, равно и необходимость адвокатуры. Только однимъ русскимъ Министрамъ, закоснѣлымъ стародурамъ, приходится объяснять азбуку просвѣщенія. Всѣ образованные, всѣ честные люди въ Россіи громогласно требуютъ введенія судопроизводства гласнаго и открытаго, и учрежденія адвокатуры, но встрѣчаютъ упорное препятствіе въ чиновной ордѣ и въ Царской Дворнѣ, главнымъ представителемъ коихъ, въ этомъ жизненномъ для Россіи вопросѣ, является все таки Ханъ Панинъ, ярый ратоборецъ самовластія и заклятый врагъ всякаго прогресса. Однажды, бывъ у него въ салонѣ, и разговаривая съ нимъ, мы слышали отъ него слѣдующія слова: „что не слѣдуетъ допускать въ Россіи адвокатуры, потому что *опасно распространять знаніе законовъ внѣ круга лицъ служащихъ!*“ Не должно забывать, что въ законахъ нашихъ сказано, что никто въ Россіи не имѣетъ права отзываться незнаніемъ законовъ. И этотъ баринъ, котораго давно бы слѣдовало запереть въ сумасшедшій домъ, не только разгуливаетъ на свободѣ, но еще вотъ двадцать-первый годъ какъ упра-

влiетъ Министерствомъ Юстиціи, (съ Декабря 1839 года), а теперь ему ввѣрено разрѣшеніе важнѣйшаго изъ всѣхъ вопросовъ, отъ коего зависитъ *вся* будущность Россіи, вопроса объ эманципаціи! Боже мой! Боже мой! Бѣдная Россія!

Вотъ нѣсколько анекдотовъ о полоумномъ Ханѣ Панинѣ.

Однажды, онъ даетъ предписаніе, по Министерству Юстиціи, не увольнять за границу тѣхъ изъ чиновниковъ, которые не прослужили полныхъ пяти лѣтъ; потомъ новый циркуляръ: не пускать за границу тѣхъ, которые не прослужили десяти лѣтъ, кромѣ случая болѣзни, и то по свидѣтельству врача, отряженнаго отъ Министерства Юстиціи. Съ какаго права, спросимъ мы, Ханъ-Панинъ присвоивалъ себѣ законодательную власть, принадлежащую единому Царю?

Въ 1852 году, онъ предписалъ всѣмъ высшимъ чиновникамъ своего вѣдомства наблюдать за частною жизнію подчиненныхъ, и *доносить* о ней Министру!

Однажды, ему показалось, что въ Московскомъ Сенатѣ бумага, чернила и перья обходятся слишкомъ дорого. Онъ предписалъ высылать ихъ изъ Петербурга. А какъ бумага покупаема была на фабрикахъ, находящихся невдалекѣ отъ Москвы, то пришлось возить ее съ

фабрикъ въ Петербургъ, и потомъ опять перевозить въ Москву!

Въ другій разъ, онъ запретилъ всѣмъ чиновникамъ Министерства Юстиціи, кромѣ оберъ-прокуроровъ, имѣть тяжебныя дѣла безъ разрѣшенія Министра Юстиціи. Такимъ образомъ, если съ лицомъ, служащимъ по Министерству Юстиціи, кто-либо заводитъ тяжбу объ имѣніи или о чемъ другомъ, то онъ долженъ просить разрѣшенія Министра, прежде чѣмъ осмѣлится защищать свои права!

Присутственныя мѣста представляютъ свои отчеты въ началѣ года, за годъ истекшій. Николай Павловичь, взглянувъ однажды, случайно, на сенатскіе отчеты, увидѣлъ, что къ 1му январю остались дѣла нерѣшенныя, и ничего не обдумавъ, ничего не сообразивъ, приказалъ Министру Юстиціи сдѣлать выговоръ оберъ-прокурорамъ. Эти послѣдніе объяснили Панину, что для аппелляцій по дѣламъ существуютъ сроки, прежде истеченія коихъ нельзя, по-закону, приступать къ разсмотрѣнію дѣлъ; что сроки еще не истекли. Панинъ отказался передать Государю оправданія оберъ-прокуроровъ, оправданія справедливыя, основанныя на законѣ, и по своему обычаю, свысока, какъ будто проповѣдуя какой либо несомнѣнный догматъ, объявилъ имъ, что Государь

всегда правъ и никогда ошибаться не можетъ.

Послѣдствіемъ этого глупѣйшаго дѣла было прибавленіе новаго оффиціальнаго обмана ко всѣмъ прочимъ, столь многочисленнымъ, коими обильно русское управленіе. Теперь, къ 1му Январю, дѣла нерѣшенныя и невыслушанныя означаются выслушанными, но требующими дальнѣйшихъ справокъ, и потому отложенными до новаго доклада.

Одна изъ величайшихъ нелѣпостей многотомной галиматьи, именуемой въ Россіи законодательствомъ, заключается въ тѣхъ законахъ и постановленіяхъ, которые превращаютъ Министра Юстиціи въ судью, и предаютъ имущество и честь всѣхъ Русскихъ на жертву прихотямъ Панина, его придворно- холопскимъ расчетамъ, его непримиримой личной ненависти. Министръ Юстиціи долженъ наблюдать, чтобы всѣ служащіе по его министерству, исполняли свои обязанности; онъ начальникъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, но никогда его не слѣдовало превращать въ судью, никогда не слѣдовало облекать его правами уничтожать или измѣнять рѣшенія присутственныхъ мѣстъ. Этого не бываетъ ни въ какой странѣ образованной; это обычай чисто-азіатскій, постыдный для Россіи.

А что еще можно сказать объ законѣ, столь оскорбительномъ для личнаго достоинства Государя образованнаго, законѣ, который превращаетъ Царя въ судью, и отбрасывая всѣ законы, самимъ Царемъ изданные, попирая всѣ рѣшенія присутственныхъ мѣстъ, предаетъ на жертву прихоти Царской всѣ тяжбы, всякое право собственности, личную безопасность и честь каждаго Русскаго? Къ чему присутственныя мѣста? Король Прусскій Фридрихъ Великій, который былъ также самодержцемъ (правда, что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и геніальнымъ человѣкомъ), съ восторгомъ услышалъ отвѣтъ мельника, у коего онъ хотѣлъ насильно купить собственность: „у насъ есть судьи: они мнѣ дадутъ защиту!“ Въ Россіи совсѣмъ не то. У насъ ненарушимо только то право, которое правительству не угодно нарушать, и доколѣ ему этого не угодно; священна лишь та собственность, которую правительству не угодно себѣ захватить, и доколѣ ему не угодно захватывать: самая честь Русскихъ предана безграничному произволу прихоти Царской, словно въ Хивѣ или въ Бухарѣ. И при этомъ гнусномъ порядкѣ вещей, вы услышите чиновную орду, царскую дворню и всѣхъ стародуровъ вопіющихъ: „да не разсказывайте этого иностранцамъ: давайте

скрывать язвы нашего отечества.“ — Нѣтъ, господа, это не язвы отечества. Отечество, то есть народъ, и всѣ люди здравомыслящіе — исполнены энергіи и силъ свѣжихъ, непочатыхъ; эти язвы — язвы чиновной орды, и, мы должны съ горестію признаться, язвы нѣкоторой части русскаго дворянства. Излѣчите ихъ; пусть управленіе будетъ преобразовано; пусть сдѣлаютъ реформы, пока еще не ушло время; эти реформы обновятъ Россію, возвратятъ ей утраченныя силы и она быстро пойдетъ по стезѣ величія и могущества. Но поспѣшайте: время вездѣ идетъ быстро, а въ Россіи оно скачетъ. Александръ Николаевичь, одушевленный прекрасными намѣреніями, желаетъ добра и реформъ! вы ему ставите всевозможныя препятствія. Берегитесь! Вспомните, что во Франціи защитники старыхъ злоупотребленій помѣшали, въ 1789 году, доброму и честному Королю Лудовику XVI, истинному отцу своего народа, сдѣлать реформы, какія онъ желалъ и которыя были необходимыми. Чтоже они выиграли черезъ это? Своимъ упорствомъ они вызвали революцію, которая, подобно бурному потоку, прорвала всѣ плотины, унесла съ собою весь существующій порядокъ вещей: стародуры сдѣлались первыми жертвами революціи, а бѣдному, доброму и честному

Королю отрубили голову на эшафотѣ. Вмѣсто того, чтобы тайными интригами, подземными ухищреніями, безпрестанно мѣшать Александру Николаевичу дѣлать реформы, лучше бы стародурамъ помогать ему, потому что слишкомъ опасно сохранять нынѣшній порядокъ вещей. Россія находится теперь въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція въ 1785 году; она быстро идетъ къ своему 1789 году, который для Франціи былъ бы столь блистательнымъ безъ неизлѣчимой слѣпоты стародуровъ. Ради Бога, спасите насъ отъ 1793 года!

Какъ странно и нелѣпо издаются иногда законы въ Россіи! Такъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ 5 вентября 1858 года, появилось новое положеніе о корпусѣ лѣсничихъ, поднесенное Государю Министромъ Имуществъ, Мих. Ник. Муравьевымъ, и Высочайше утвержденное. Тамъ сказано было, что офицеровъ корпуса лѣсничихъ, за неблагонадежную нравственность и за неусердіе къ службѣ, будутъ переименовывать въ гражданскихъ чиновниковъ. Этотъ новый законъ возбудилъ такую вспышку негодованія, что правительство принуждено было его отмѣнить.

Другая язва Россіи это военные суды, коимъ предаются лица вовсе невоеннаго

званія, за преступленія совсѣмъ невоенныя. Этою системою военныхъ судовъ особенно злоупотреблялъ Николай Павловичъ, тридцатилѣтнее царствованіе коего, — настоящая тридцатилѣтняя война противъ просвѣщенія и противъ здраваго смысла, было постоянно основано на трехъ началахъ: на глубокомъ презрѣніи къ человѣчеству, на боязни, неосновательной и смѣшной, всѣхъ идей либеральныхъ и благородныхъ, и на безумномъ, постоянно возраставшемъ боготвореніи своей личности.

Стольже достойна порицанія система разсылки по Россіи генералъ-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ, которые иногда позволяютъ себѣ поступки самые беззаконные. Вотъ что случилось въ 1856 году, во время коронаціи. Нижегородскій помѣщикъ Рахмановъ объявилъ своимъ крестьянамъ, что разстроенныя дѣла принуждаютъ его продать ихъ. Крестьяне подарили ему денегъ, съ условіемъ не быть проданными. Подлецъ Рахмановъ, взявъ эти деньги, все таки продалъ имѣніе Александру Васильевичу Пашкову. Приводѣ Пашкова во владѣніе, крестьяне отказались ему повиноваться, справедливо утверждая, что заплатили Рахманову съ условіемъ не быть проданными. Правительство послало туда флигель-адъютанта

(нынѣ свиты генералъ-маіора) Графа Сумарокова-Эльстона, который, вмѣсто того, чтобы ограничиться произведеніемъ слѣдствія, и желая угодить Пашкову, зять коего Тимашевъ начальникъ штаба корпуса жандармовъ, имѣлъ дерзость забыться до того, что *предписалъ* Нижегородскому губернскому правленію сослать въ Сибирь крестьянъ, имъ назначенныхъ къ этой ссылкѣ. Къ счастію крестьянъ, губернаторомъ въ Нижнемъ, не въ примѣръ большей части губернаторовъ — старецъ благородный, съ чувствами либеральными и возвышенными, Александръ Николаевичь Муравьевъ, бывшій декабристъ. Онъ отказался исполнить флигель-адъютанское повелѣніе, и не признавая за флигель-адъютантами власти пашей, представилъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Чтоже вы думаете? Графъ Эльстонъ, принявшій себя за уголовную палату, имѣетъ сильную поддержку при Дворѣ, и потому, вмѣсто того чтобы быть исключеннымъ изъ службы, чего вполнѣ заслужилъ, онъ получилъ Владимірскій крестъ на шею и назначенъ былъ вице-директоромъ канцеляріи военнаго министерства!

Согласно-ли, напримѣръ, со здравымъ разсудкомъ, что всѣ дѣла о поединкахъ судятся военнымъ судомъ, не только въ тѣхъ поединкахъ, гдѣ не всѣ участву-

ющіе военные, но даже и въ тѣхъ, гдѣ нѣтъ ни одного военнаго? Это противно всякой логикѣ.

Чтобы дать понятіе о томъ, что въ Россіи называется политическимъ судопроизводствомъ, мы выпишемъ здѣсь нѣсколько страницъ изъ записокъ генералъ-маіора фонъ-Визина, напечатанныхъ по-русски въ Лейпцигѣ послѣ его смерти *). Михаилъ Александровичъ фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ декабристовъ и одною изъ благородныхъ жертвъ Николая Павловича. Послѣ двадцатипятилѣтія, проведеннаго въ Сибири, ему разрѣшено было возвратиться и жить въ подмосковной, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

„Слѣдственная Коммиссія приступила къ разысканіямъ. Множество лицъ было захвачено въ Петербургѣ по подозрѣнію въ участіи въ тайныхъ обществахъ; другихъ свозили въ крѣпость Петропавловскую со всѣхъ концовъ Россіи. Сначала нѣкоторыхъ допрашивалъ во дворцѣ самъ Императоръ. Къ нему приводили обвиняемыхъ съ завязанными руками назадъ веревками, какъ въ полицейскую управу, а не въ Царскіе чертоги. Государь Россіи, забывая свое достоинство,

*) Продаются въ Парижѣ, у Г. Франка, въ улицѣ Ришелье, No. 67.

позволялъ себѣ ругаться надъ людьми беззащитными, которые были въ полной его власти, и угрожалъ имъ жестокими наказаніями. Тайная слѣдственная Коммиссія, составленная изъ угодливыхъ Царедворцевъ, дѣйствовала въ томъ же инквизиціонномъ духѣ."

„Обвиняемые содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ и безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. Многіе изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣдственной Коммиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признанія. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покрывало, вели его по корридорамъ и по крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ, по снятіи съ него покрывала, члены коммиссіи дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ; Царскимъ именемъ обѣщали ему помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали ни-

какихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто бы сдѣланныя товарищами, и часто отказывали въ очныхъ ставкахъ. Кто не давалъ желаемыхъ ими отвѣтовъ, по невѣденію происшествій, о которыхъ его спрашивали, или изъ опасенія необдуманнымъ словомъ погубить безвинныхъ, того переводили въ темный и сырой казематъ, давали ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крѣпостному поручено было наблюдать, въ состояніи-ли узникъ вынести еще сильнѣйшія тѣлесныя страданія."

„Послѣ того, могли-ли признанія обвиняемыхъ, вынужденныя такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были не истинны, и показанія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, упавшихъ духомъ, содержали въ себѣ вещи несбыточныя и до того нелѣпыя, что человѣкъ въ здравомъ умѣ и съ полнымъ сознаніемъ никакъ не могъ бы наговорить такого вздора, и во вредъ самому себѣ, и товарищамъ. Всѣ такія порожденія разстроенной фантазіи нѣкоторыхъ изъ узниковъ представлены, какъ истинныя намѣренія и дѣйствія въ донесеніи тайной слѣдственной Коммиссіи."

„Изъ членовъ тайной слѣдственной Коммиссіи всѣхъ пристрастнѣе и недобро-

совѣстнѣе поступалъ бывшій послѣ военнымъ министромъ, Князь Чернышевъ: допрашивая подсудимыхъ, онъ приходилъ въ яростное изступленіе, осыпалъ ихъ самыми пошлыми ругательствами, — словомъ, дѣйствовалъ какъ извѣстный англійскій судья Жефрисъ въ политическихъ процессахъ при Карлѣ II.

„Въ послѣднія недѣли засѣданій слѣдственной Коммиссіи набралось такъ много подозрѣваемыхъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ лицъ, что самое Правительство приказало Коммиссіи ограничиться въ своихъ розыскахъ только тѣми, которыхъ она признавала болѣе виновными, а прочихъ освободить отъ слѣдствія. Въ продолженіе 6 мѣсяцевъ арестованныхъ въ разныхъ мѣстахъ по подозрѣнію было до 2 т. человѣкъ.“

„Докладъ тайной слѣдственной Коммиссіи былъ единственнымъ обвинительнымъ актомъ, по которому судились всѣ замѣшанные въ дѣлѣ тайныхъ обществъ. Въ этомъ докладѣ дѣйствія многихъ членовъ представлены намѣренно превратно, часто насмѣшливымъ тономъ, какъ ребяческія шалости. Главное обвиненіе, противъ большаго числа членовъ союза, состояло въ приписываніи имъ цареубійственныхъ замысловъ противъ особы Императора Александра 1го, не смотря

на то, что онъ нѣсколько лѣтъ позже спокойно умеръ отъ болѣзни въ Таганрогѣ.“

„Выраженію минутной досады или негодованія, вызванному какимъ нибудь непохвальнымъ дѣйствіемъ верховной власти, приписывали значеніе обдуманнаго намѣренія и считали наравнѣ съ преступленіемъ какъ бы уже содѣяннымъ. За нѣсколько лѣтъ назадъ вырвавшееся въ горячемъ разговорѣ нескромное слово, мысль завтра же отвергнутую и позабытую сказавшимъ ее, называли цареубійственнымъ замысломъ; необдуманнымъ разговорамъ въ короткихъ дружескихъ бесѣдахъ, иногда за бокалами шампанскаго, не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій, придана важность государственнаго преступленія.“

„Въ донесеніи слѣдственной Коммиссіи не выставлено ни одно обстоятельство, ни одно дѣйствіе подсудимыхъ, которое бы могло возбудить симпатическое участіе къ нимъ соотечественниковъ. Сколько было показаній многихъ изъ нихъ, въ которыхъ представлено въ истинномъ видѣ тогдашнее состояніе Россіи, страдавшей подъ вѣковымъ гнетомъ самодержавія; сколько вѣрныхъ изображеній хаотическаго безпорядка, и въ законодательствѣ, и въ администраціи! Сколько уроковъ самому

Правительству, для уврачеванія тяжкихъ язвъ, съѣдающихъ Россію! Уничтоженіемъ крѣпостнаго рабства цѣлой трети ея народонаселенія; винныхъ откуповъ, посредствомъ которыхъ главный государственный доходъ основанъ на развращеніи и раззореніи народа по несчастной страсти его къ крѣпкимъ напиткамъ, поощренной съ вѣдома Правительства винными откупами, до невѣроятности размножающими средства удовлетворять эту страсть: всѣ эти горькія истины и многія другія, откровенно и добросовѣстно высказаны подсудимыми, и однако обо всемъ этомъ умолчено въ донесеніи слѣдственной Коммиссіи Государю."

„Во всемъ этомъ политическомъ процессѣ Правительство дѣйствовало съ неслыханнымъ пристрастіемъ какъ истецъ или тяжущаяся сторона, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ раздраженный, неумолимый судья. Какого же правосудія можно было ожидать, когда умышленно нарушались и тѣ немногіе судебные обряды и формы, которые служатъ для подсудимыхъ огражденіемъ отъ произвола и пристрастія предубѣжденныхъ судей."

„Верховный уголовный судъ, основываясь на одномъ докладѣ слѣдственной Коммиссіи, даже не хотѣлъ призвать передъ себя подсудимыхъ и отобрать отъ

нихъ подтвердительныя показанія, которыя и Русскіе законы имъ предоставляютъ. Подсудимые видѣли своихъ судей одинъ только разъ, въ день произнесенія имъ приговора."

Вотъ разсказъ очевидца и жертвы о томъ, что въ Россіи осмѣливаются называть политическимъ судопроизводствомъ.

Здѣсь мы упомянемъ объ одномъ изъ самыхъ постыдныхъ дѣйствій русскаго правительства, совершенномъ имъ въ 1849 году. Въ то время, нѣсколько юношей часто собирались вмѣстѣ, порицали правительство, читали запрещенныя книги, декламировали стихи, цензурою непропущенные, и въ своихъ юношескихъ бесѣдахъ мечтали иногда о возможности перемѣны Правительства. Тутъ, конечно, еще далеко было до заговора. Но въ 1848 году Николай Павловичь, вѣчно трепещущій при одной мысли о заговорахъ и политическихъ обществахъ, при видѣ бурныхъ событій, совершавшихся въ Европѣ, впалъ въ настоящую *заговоробоязнь:* нашлись люди, которые, спекулируя на этомъ направленіи Николая Павловича, составили себѣ хорошую карьеру. Одинъ изъ шпіоновъ, Иванъ Петровичь Липранди, (братъ извѣстнаго генерала), узналъ о сборищахъ этихъ юношей и донесъ на нихъ, какъ на заговорщиковъ,

замышлявшихъ государственный переворотъ. Юноши были схвачены и посажены въ Петропавловскую крѣпость. Коммиссія, коей поручено было слѣдствіе по этому дѣлу, имѣла подлость ввести, въ число государственныхъ преступленій, обвиненіе: *порицанія высшихъ сановниковъ (!!!).* Изъ числа двадцати юношей, четверо или пятеро всего были военными; не взирая на то, и слѣдуя гнусному обычаю русскаго правительства, всѣ они преданы были *военному* суду, приговорены къ разстрѣлянію, и жизнь дарована имъ была уже по привозѣ ихъ на мѣсто казни. Многіе изъ нихъ сосланы были въ каторжную работу; прочіе, лишенные правъ состоянія, отправлены рядовыми въ Оренбургъ или на Кавказъ. Когда отправленныхъ на каторгу провозили черезъ Нижній, гдѣ у одного изъ нихъ, Г. Григорьева, родители его имѣли свое пребываніе, старикъ-отецъ и старуха-мать умоляли объ одной милости: позволить имъ обнять сына. Изверги, въ то время составлявшіе русское правительство, имѣли безчеловѣчіе отказать имъ, и произнести слѣдующую гнусную фразу: *у государственнаго преступника нѣтъ родителей!* Амнистія 1856 года, весьма неполная вообще, была въ особенности неполною въ отношеніи къ ссыльнымъ 1849 года.

Одному изъ нихъ, Г. Петрашевскому, не только не дозволено еще доселѣ оставить Сибири, но даже не возвращены дворянскія права. Г. Петрашевскій обращался къ Сенату съ прошеніемъ о законномъ переслѣдованіи его дѣла, столь противозаконно-судимаго въ 1849 году: министръ неправосудія, Ханъ-Панинъ, въ своемъ холопоподданническомъ усердіи, отвѣчалъ, что приговоръ, утвержденный Государемъ, никакъ не подлежитъ новому разсмотрѣнію.

Приведемъ теперь нѣсколько анекдотовъ о томъ, какимъ образомъ законы попираются въ Россіи.

Богатый помѣщикъ Баташевъ, овдовѣвъ, женился вторично, и умеръ, оставивъ малолѣтняго сына отъ втораго брака. Сыновья отъ перваго брака завладѣли всѣмъ имѣніемъ, и записали своего маленькаго брата въ дворовые. Началась тяжба: наконецъ дошла до Сената, который приказалъ привести себѣ все дѣло по этому предмету. Дѣло повезли: въ дорогѣ, при перемѣнѣ лошадей на одной станціи, станція эта вдругъ загорѣлась, и огонь распространился съ такою быстротою, что телѣга, на коей лежало дѣло, вспыхнула также, и *все дѣло сгорѣло!* Молодый Баташевъ остался бы вѣроятно на всегда крѣпостнымъ, если бы бывшій министръ

Александръ Дмитріевичъ Балашевъ не взялъ его къ себѣ въ домъ, не повелъ и не выйгралъ дѣла въ его пользу. За то Балашевъ поилъ молодаго Баташева и обыгрывалъ его въ карты съ помощію того самаго Шервуда, который донесъ, въ 1825 году, Александру Павловичу о заговорѣ декабристовъ (Этому Шервуду Николай Павловичъ пожаловалъ русское дворянство и титулъ *вѣрнаго*, а общественное мнѣніе даровало ему титулъ *сквернаго*).

Помѣщикъ Т..... губерніи имѣлъ тяжбу въ гражданской палатѣ, предсѣдателемъ коей, въ то время, былъ его дядя, извѣстный взяточникъ, который взялъ съ соперника своего племянника десять тысячъ рублей, и рѣшилъ дѣло въ его пользу. Племянникъ, взбѣшенный, прибѣгаетъ къ дядѣ, и осыпаетъ его упреками. Старикъ прехладнокровно отвѣчаетъ ему: ты, братецъ, слишкомъ горячъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, ровно ничего не понимаешь въ дѣлахъ. Если бы я рѣшилъ дѣло въ твою пользу, соперникъ твой подалъ бы аппелляцію въ Сенатъ, и я бы остался въ дуракахъ, съ пустыми руками. Я не такъ глупъ, какъ ты. Я взялъ десять тысячъ рублей; пять тысячъ останутся мнѣ; а другіе пять тысячъ, вотъ ихъ на-тебѣ, возми; поѣзжай

съ ними въ Москву; подавай апелляцію въ Сенатъ: авось выйграешь свое дѣло!“

Въ Москвѣ, полиціймейстеръ полковникъ Миллеръ посадилъ однажды мѣщанина въ сибирку. Мѣщанинъ требовалъ суда. „Какъ, закричалъ Миллеръ, ты смѣешь требовать суда! Послѣ этого, всякій будетъ требовать суда! Это ужасъ, что за дерзость!“

Дарья Алексѣевна Полтавцева, рожденная Пашкова, умираетъ, оставивъ сына, мальчика весьма небойкаго, и нѣсколько дочерей, изъ коихъ Екатерина Николаевна за Графомъ Александромъ Владиміровичемъ Адлербергомъ, а Елисавета Николаевна за Графомъ Николаемъ Трофимовичемъ Барановымъ, двоюроднымъ братомъ Графа Адлерберга. Сестры устроили такъ, что братъ ихъ взятъ въ опеку, будто бы за слабость умственную: опекуномъ къ нему назначенъ бывшій домашній докторъ ихъ матери, извѣстный шулеръ и мошенникъ Николай Карловичь Войтъ. Опекунъ учинилъ раздѣлъ, и вмѣсто того, чтобы каждой сестрѣ выдать, по закону, четырнадцатую часть, раздѣлилъ ихъ по ровну съ братомъ, отнявъ такимъ образомъ у сего послѣдняго почти три-четверти его имѣнія. Войтъ говоритъ, что молодый чело-

вѣкъ самъ этого желалъ, но если онъ подъ опекою за слабоуміе, какое же онъ имѣетъ право дарить свое имѣніе?

Въ 1841 году умеръ богатый помѣщикъ, Князь Николай Александровичъ Касаткинъ-Ростовскій. Его Тульское имѣніе, въ уѣздахъ Чернскомъ и Новосильскомъ, слѣдовало дальнему родственнику Николаю Ивановичу Дурову, но Г. Дуровъ, находясь въ крайней бѣдности, не умѣлъ предъявить своихъ правъ. Имѣніе перешло къ другимъ лицамъ. Искусный мошенникъ Войтъ, о коемъ мы сей часъ говорили, отыскалъ Дурова, предложилъ ему свои услуги, взялъ съ него полную довѣренность на хожденіе по дѣлу; пригласилъ къ себѣ въ товарищи и совѣтники, съ обѣщаніемъ значительной суммы денегъ, извѣстнаго юриста Звѣздѣева, и началъ тяжбу. Дурова Войтъ держалъ взаперти, кормилъ и поилъ, въ особенности поилъ, не допуская къ нему никого, кромѣ своихъ собственныхъ пріятелей. Дуровъ выйгралъ процессъ, былъ введенъ во владѣніе имѣніемъ, и полгода спустя подписалъ купчую въ пользу Войта, за двѣстѣ семдесять тысячь рублей серебромъ. За исключеніемъ долга опекунскому совѣту слишкомъ во сто тысячъ рублей серебромъ, Войту слѣдовало заплатить Дурову слишкомъ сто-шестдесятъ

тысячъ рублей серебромъ. Но у него была полная довѣренность; онъ воспользовался ею для представленія ложнаго счета мнимыхъ расходовъ, и заплатилъ Дурову только двадцать тысячъ рублей. Дуровъ и его дѣти нынѣ находятся въ нищетѣ, а прекраснымъ имѣніемъ, которое должно было бы имъ принадлежать, нынѣ владѣетъ счастливый мошенникъ Войтъ, благодаря сильной протекціи, коею пользуется въ Царской дворнѣ. Звѣздѣевъ умеръ незадолго до окончанія тяжбы, которую Войтъ выйгралъ, благодаря его совѣтамъ и *со дѣйствію:* Войтъ и тутъ сплутовалъ, отказавшись заплатить вдовѣ и дѣтямъ Звѣздѣева сумму, обѣщанную ихъ мужу и отцу.

Въ Россіи, какъ извѣстно, до учрежденія Гражданскихъ Палатъ при Екатеринѣ II., купчія предъявлялись въ Вотчинномъ Приказѣ, со временъ Петра I именуемомъ Вотчинною Коллегіею. Когда опредѣлено было межеваніе, въ 1835 году, то чиновная орда Министерства Юстиціи, съ Декабря 1839 года поступившая подъ предводительство Хана-Панина, желая обрѣсти въ межеваніи новые золотые пріиски, выхлопотала, въ 1844 году, дурацкій законъ, въ силу коего, во всѣхъ дачахъ обще-замежеванныхъ при генеральномъ межеваніи 1765 года, отмѣнялась

десяти-лѣтняя давность наличнаго владѣнія, и надобно было восходить, при предъявленіи крѣпостей, до 1765 года. Тутъ помѣщикамъ оказалась необходимость отыскивать акты владѣнія 1765 года. Всѣ эти акты будто бы находятся въ Московскомъ архивѣ, нынѣ именуемомъ Сенатскимъ архивомъ. Большая часть актовъ исчезла, и не смотря на то, въ огромной залѣ архива находится необъятное количество переплетенныхъ, толстыхъ томовъ, на каждомъ изъ коихъ написано имя какого-нибудь уѣзда. Мы имѣли случай *лично* удостовѣриться, что большая часть надписей ложны; что большая частъ актовъ никогда не была разсортирована; что вомногихъ томахъ находятся, рядомъ одинъ съ другимъ, акты относящіеся до уѣздовъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго верстъ на пятьсотъ. Чиновники архива выдаютъ просителямъ акты совершенно ложные, смотря по взяткѣ, которую получаютъ, *и эти ложные акты служатъ основаніемъ правъ собственности во всей Россіи.* Законъ этотъ достигъ своей цѣли; множество тяжбъ завязалось, и чиновная орда значительно разбогатѣла.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ этомъ архивѣ хапствовали двое чиновниковъ: Грибоѣдовъ и Николай Сергѣевичь Налетовъ. Грибоѣдовъ, начавшій

службу съ котомкою на плечѣ, умеръ, оставивъ шестьсотъ тысячъ рублей серебромъ капитала. Налетовъ живъ и здравствуетъ и продолжаетъ свои разбои, хотя архивъ имѣетъ нынѣ новаго начальника.

Князь Касаткинъ, о коемъ мы выше говорили, владѣлъ участкомъ земли въ общеобмежеванной дачѣ села и деревни Теплыхъ, въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Лица, по смерти его введенные во владѣніе его имѣніемъ указомъ седьмаго департамента Сената, подписали въ 1846 году актъ полюбовнаго размежеванія. Когда имѣніе, указомъ осьмаго департамента Сената, въ Декабрѣ 1847 года отдано было Дурову, сей послѣдній не протестовалъ противъ полюбовной сказки 1846 года, не смотря на то, что повѣреннымъ у него былъ самъ Войтъ. Когда Войтъ, какъ мы разсказали выше, обокралъ и обобралъ Дурова, въ Іюнѣ 1848 года, и вступилъ во владѣніе его имѣніемъ, то имѣлъ наглость протестовать противъ полюбовной сказки 1846 года, и требовать себѣ гораздо болѣе земли, чѣмъ ему слѣдовало. Въ подкрѣпленіе своихъ притязаній онъ представилъ справку, выданную ему изъ Вотчиннаго архива. Но въ этой забывчивости, которую Провидѣніе иногда насылаетъ на мошенниковъ, онъ, вмѣсто одной справки, представилъ

двѣ, одну въ 1849 году, другую въ 1854 году, обѣ выданныя Вотчиннымъ архивомъ, *и объ несогласныя между собою*, ни въ количествѣ пустошей, ни въ количествѣ четвертей земли. Весьма замѣчательно, что Вотчиннымъ архивомъ выданы были, на эту же дачу, еще двѣ справки (и того четыре), одна предмѣстнику Войта, Князю Касаткину, другая одному изъ владѣльцевъ въ этой дачѣ, и всѣ четыре справки, выданныя однимъ и тѣмъ же архивомъ, совершенно несогласны между собою. Послѣ этого люди самые снисходительные скажутъ, что изъ четырехъ справокъ три должны быть ложными, а мы полагаемъ, что всѣ четыре ложны. Войтъ, въ 1855 году, выйгралъ дѣло въ Чернскомъ Уѣздномъ Судѣ, подкупивъ засѣдавшихъ тогда въ этомъ судѣ: судью Мацнева (который въ послѣдствіи, въ припадкѣ пьянства, повѣсился), засѣдателя Кретова, извѣстнаго игрочишку, и секретаря Дьяконова. Прочіе владѣльцы дачи подали аппеляцію въ Тульскую Гражданскую Палату, которая, въ 1858 году, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, потому что нашла вопіющія неправильности въ производствѣ его, уничтожила рѣшеніе и отослала дѣло на новое разсмотрѣніе Чернскаго Уѣзднаго Суда. Вотъ какъ право собственности ничѣмъ не ограждено въ

Россіи, а Ханъ-Панинъ дозволяетъ своимъ чиновникамъ торговать актами на правособственности, и эти акты, въ присутственныхъ мѣстахъ, принимаются за документы! Изъ примѣра Войта-мы видимъ, что въ Россіи всякій мошенникъ, имѣющій какую либо опору въ царской дворнѣ, можетъ позволять себѣ все, что ему угодно. *)

Это презрѣніе ко всякой законности, это унизительное равнодушіе къ правамъ самымъ священнымъ, составляютъ глубокія язвы Россіи, и виновнѣе всѣхъ Правительство, которое, въ теченіи многихъ вѣковъ, и за весьма кратковременными исключеніями, всегда провозглашало, что воля Царская стоитъ выше всѣхъ законовъ. Этимъ Правительство научило русскій народъ презирать законъ, вѣрить только произволу сильнаго, и полагаться лишь на интриги, на подземныя кляузы, слѣдствіе боязни и источникъ всѣхъ под-

*) Когда Войтъ пріѣхалъ въ наворованное имъ имѣніе, онъ, для приданія себѣ пущей важности, увѣрялъ сосѣднихъ помѣщиковъ, что Государь къ нему милостивъ, съ нимъ иногда разговариваетъ, и подарилъ ему четверку лошадей. Тѣ изъ помѣщиковъ, которые не имѣютъ связей въ столицахъ, сначала повѣрили этому, и сильно боялись Войта, доколѣ не узнали, что онъ всегда лжетъ.

лостей. Для изображенія осмнадцатаго столѣтія въ Россіи, мы приведемъ справедливыя слова однаго изъ лучшихъ нашихъ писателей, Александра Ивановича Герцена (Искандера):

„Въ Россіи, въ осмнадцатомъ вѣкѣ, перевороты придворные были дѣломъ обыденнымъ. Не было ничего постояннаго. Ложась вечеромъ въ постель, жители Петербургскіе никогда не знали, подъ властію какого правительства застанетъ ихъ будущее утро. За то и Россія мало заботилась о всѣхъ этихъ переворотахъ, которые были особенно важными лишь для нѣкоторыхъ нѣмецкихъ интригантовъ, содѣлавшихся русскими министрами; для нѣкоторыхъ знатныхъ баръ, посѣдѣвшихъ во всякихъ преступленіяхъ и въ обычаѣ нарушать данную ими присягу, и для гвардіи, которая, подобно древнимъ римскимъ преторіанцамъ, располагала россійскимъ престоломъ. Для всѣхъ прочихъ русскихъ, перемѣна была нечувствительна. И когда мы говоримъ о всѣхъ прочихъ, это относится къ дворянству и къ чиновничеству: потому что въ то время не могло быть и рѣчи о массѣ народной, придавленной, грустной, ошеломленной и безгласной: о ней никто тогда и не заботился. Народъ находился внѣ всякихъ правъ и внѣ всякихъ законовъ; съ вѣрою

и покорностію принималъ ужасныя испытанія, ниспосланныя ему Провидѣніемъ, и ни мало не заботился о призракахъ, которые нетвердыми шагами всходили на ступени россійскаго престола, скользили по оному подобно какимъ-либо тѣнямъ, и исчезали въ Сибири, или въ казематахъ. Народъ всегда и во-всякомъ случаѣ зналъ, что его будутъ грабить: слѣдовательно, его общественное положеніе не подвергалось никакимъ измѣненіямъ. Странное время! Всероссійскій престолъ походилъ на ложе Клеопатры Египетской. Толпа олигарховъ, чужеземцевъ, фельдфебелей, развратныхъ мальчишекъ, подъ покровомъ ночи возводили на этотъ престолъ какого-нибудь ребенка, какую нибудь женщину, или какую-нибудь нѣмку; воздавали ей почести боготворенія, а тѣхъ, кои оставались недовольными новою перемѣною, сѣкли кнутомъ. Едва лице, возведенное на престолъ, только-что успѣло вкусить наслажденіе власти нелѣпо-безграничной, едва успѣло оно предать враговъ своихъ мученіямъ пытки или сослать ихъ въ Сибирь, какъ слѣдующая волна приносила новаго Государя и съ нимъ новыхъ царедворцевъ, а вчерашній Государь, совсѣми своими клевретами, низвергался въ бездну. Бывшіе министры и генералы отправлялись въ Сибирь, въ кандалахъ,

(предисловіе къ французскому изданію записокъ Екатерины II, І. Герцена.)

Законодательство, порожденное подобнымъ порядкомъ вещей, не можетъ, само собою разумѣется, представить никакого элемента прочности и правосудія. Необходимы реформы глубокія и обширныя. Одно изъ величайшихъ золъ русскаго законодательства заключается въ совершенномъ смѣшеніи властей административной и судебной, и въ преобладаніи первой надъ послѣднею. Въ Европѣ никто не повѣритъ, что губернаторамъ предоставлено право: 1) ревизовать уѣздные суды; 2) отдавать подъ судъ судей и засѣдателей этихъ судовъ; и 3) подавать свое мнѣніе во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, судимыхъ въ Уголовной Палатѣ, и что мнѣніе это, при переходѣ дѣла въ Сенатъ, представляется Сенату! Такимъ образомъ, всякая жалоба, поданная въ уѣздный судъ или въ Уголовную Палату на вопіющія, иногда, притѣсненія губернаторовъ, пройдя черезъ нѣсколько пустыхъ формальностей, поступаетъ на обсужденіе и на рѣшеніе тогоже самаго губернатора, и горе тому кто принесетъ жалобу, если онъ не имѣетъ сильныхъ связей въ Петербургѣ!

Русскіе законы странны, нелѣпы, часто противорѣчатъ между собою, и составляютъ обильную руду тяжбъ и процес-

совъ. Да иначе и быть не можетъ, по образу ихъ составленія? Голоса общественнаго мнѣнія никогда не спрашиваютъ; проэкты законовъ разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ, этой государственной богадѣльнѣ, члены коей, (за немногими исключеніями) обязаны своимъ засѣданіемъ въ ней милости временщиковъ, придворнымъ интригамъ, иногда даже слѣпому случаю. Тамъ находится, конечно, нѣсколько людей съ замѣчательными способностями, но большинство ничто иное, какъ сборище стариковъ бездарныхъ, придворныхъ состарѣвшихся въ передникъ Зимняго Дворца и въ пріемныхъ комнатахъ временщиковъ, сборище старыхъ генераловъ пріобыкшихъ къ формамъ военной дисциплины, въ Россіи столь часто грубой и дерзкой; сборище бездарныхъ членовъ чиновной орды (бюрократовъ), преисполненныхъ всѣми предразсудками этой касты, которые, проведя всю жизнь свою за бумагами входящими и исходящими, на старости лѣтъ содѣлались сановниками, и съ отмѣннымъ простодушіемъ считаютъ себя *вельможами!* Шуты, право, да и только!

Считаемъ не лишнимъ представить читателямъ статистику лѣтъ нынѣшнихъ членовъ государственнаго совѣта. За исключеніемъ Великихъ Князей и Прин-

ца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, ихъ считается нынѣ пятдесять-девять*). Фельдмаршалу Князю Барятинскому сорокъ-шесть лѣтъ; Князю Василію Андреевичу Долгорукову пятдесятъ-шесть лѣтъ; шестерымъ отъ пятидесяти-семи до шестидесяти лѣтъ; двадцать-девять находятся на седьмомъ десяткѣ, шестнадцать на осьмомъ десяткѣ и шесть на девятомъ десяткѣ лѣтъ своихъ.

Самыя необходимыя, для Россіи, реформы по части правосудія заключаются въ слѣдующихъ перемѣнахъ:

1. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ русскихъ, безъ изъятія.
2. Введеніе совершеннаго равенства передъ закономъ и полной свободы вѣроисповѣданія.
3. Пересмотръ русскихъ законовъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, принимая за основаніе Наполеоновъ кодексъ.
4. Введеніе судопроизводства гласнаго и публичнаго;
5. Учрежденіе адвокатовъ;
6. Введеніе судаприсяжныхъ во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ;

*) Пишемъ эти строки 12. Апрѣля = 31. Марта 1860 Перваго Января нынѣшняго года было шестдесятъ-два члена: съ тѣхъ поръ трое скончались.

7. Отмѣненіе всѣхъ судовъ особенныхъ, по капризу учреждаемыхъ.
8. Совершенное отмѣненіе обычая судить военнымъ судомъ лицъ, къ войску не принадлежащихъ.
9. Обозначеніе ненарушимыхъ границъ между властію административною и властію судебною;
10. Уменьшеніе числа инстанцій до трехъ: а) уѣздный судъ, б) гражданская (или уголовная) палата и в) департаментъ Сената.
11. Замѣненіе общаго собранія Сената кассаціоннымъ судомъ, устроеннымъ на манеръ французскаго, со всѣми правами и обязанностями французскаго кассаціоннаго суда, и составленнымъ изъ сенаторовъ, выбираемыхъ въ эту должность на всю жизнь, прочими сенаторами.
12. Воспрещеніе министру юстиціи вмѣшиваться въ юридическій ходъ дѣлъ; воспрещеніе ему измѣнять рѣшенія присутственныхъ мѣстъ и воспрещеніе ему давать присутственнымъ мѣстамъ, а тѣмъ паче Сенату повелѣнія, не согласныя съ законами. Подобныя дѣйствія Хана-Панина ничто иное-какъ наглый захватъ себѣ самодержавной власти.

Глава III.

Сенатъ.

Сенатъ, учрежденный Петромъ Великимъ въ 1711 году, былъ, въ теченіи цѣлаго вѣка, высшею судебною инстанціею, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ обязанность наблюдать за правильнымъ исполненіемъ законовъ. Слѣдуетъ сказать, что за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, обезсмертившихъ себя мужествомъ гражданскимъ, и тѣмъ болѣе блистательныхъ, что они оставались въ одиночествѣ среди своихъ товарищей, за исключеніемъ этихъ немногихъ личностей, сенаторы, въ Россіи, никогда не являлись достойными своего высокаго и благороднаго призванія. Большинство русскихъ сенаторовъ ознаменовывало себя, во всѣ времена, совершеннымъ отсутствіемъ и личнаго достоинства и всякаго нравственнаго чувства; толпилось въ пріемныхъ комнатахъ временщиковъ

и любовницъ царскихъ, и увлекаемое презрѣннымъ холопскимъ чувствомъ, подписывало политическіе приговоры самые несправедливые, самые шемякинскіе, самые жестокіе и самые гнусные. Современи учрежденія, 1 Января 1810 года, государственнаго совѣта въ его нынѣшнемъ составѣ, Сенатъ упалъ съ первой степени, на коей стоялъ дотолѣ, и съ тѣхъ поръ упалъ еще ниже, въ слѣдствіе дерзкаго и наглаго обхожденія съ нимъ министра неправосудія, Хана-Панина.

Сенаторы, въ Россіи, назначаются и увольняются по волѣ царской и въ особенности по прихоти министра неправосудія: за то и Сенатъ утратилъ нынѣ всякое значеніе. Въ него сажаютъ генералъ-лейтенантовъ, которые дурно командуютъ дивизіями или уже не въ состояніи ѣздить верхомъ; адмираловъ, коимъ преклонныя лѣта не дозволяютъ продолжать службы на морѣ; губернаторовъ, оказавшихся слишкомъ неспособными даже среди своихъ неспособныхъ товарищей, и тайныхъ совѣтниковъ, коихъ мѣста назначаются министрами своимъ ближнимъ по родству или по пріязни. Лишь только генералъ-лейтенанта или тайнаго совѣтника разобьетъ параличь, его сажаютъ въ сенатъ; послѣ втораго удара паралича его назначаютъ членомъ госу-

дарственнаго совѣта; послѣ третьяго удара паралича, онъ можетъ надѣяться быть министромъ, и если онъ сдѣлается министромъ, то при четвертомъ ударѣ паралича, ему открывается, при случаѣ, возможность содѣлаться предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ.

По закону, Сенату слѣдуетъ наблюдать, чтобы министры исполняли свои обязанности и не нарушали законовъ. Но въ Россіи, этомъ царствѣ оффиціальной лжи, далеко отъ буквы закона до его исполненія. Министры не обращаютъ никакаго вниманія на Сенатъ, а временщики обходятся съ Сенатомъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Однажды Графъ Клейнмихель, это отвратительное сочетаніе татарской жестокости, казарменнаго фельдфебельства и придворнаго холопства, получилъ бумагу изъ Сената, въ коей освѣдомлялись, почему Главное Управленіе Путей Сообщенія *десять лѣтъ* медлило отвѣчать на одинъ изъ Сенатскихъ запросовъ *). Ханъ-Панинъ въ

*) Графу Клейнмихелю Россія обязана отчасти несчастіями послѣдней войны. Онъ помѣшалъ частнымъ компаніямъ строить желѣзныя дороги, и черезъ это затруднилъ подвозъ припасовъ и снарядовъ, также и затруднилъ движенія войскъ. Цѣль Клейнмихеля заключалась въ томъ, чтобы недопустить Николая

то время находился въ отпуску, и министерствомъ управлялъ его товарищъ, Платонъ Демьяновичъ Илличевскій. Клейнмихель, пріѣхавъ въ комитетъ Министровъ, подбѣгаетъ къ Илличевскому, и съ лицемъ, позеленѣвшимъ отъ злобы, сжавъ кулакъ одной руки, а въ другой держа сенатскій указъ, и махая имъ подъ носомъ трепещущаго Илличевскаго, кричитъ ему, голосомъ задыхающимся отъ ярости: „Вотъ что *вашъ* Сенатъ осмѣлился мнѣ написать! Какъ онъ могъ отважиться на такую дерзость? Я ему дамъ знать, *вашему* Сенату! Я доведу это до свѣдѣнія Государя Императора!“ Сенатскую бумагу велѣно было считать несостоявшеюся; оберъ-прокуроръ, ее подписавшій на основаніи законовъ, получилъ выговоръ; оберъ-секретарь, ее составившій на основаніи законовъ, принужденъ былъ оставить министерство

Павловича видѣть огромную разницу въ цѣнахъ постройки и въ цыфрѣ дохода, между дѣйствіями русско-казенными и предпріятіями частными. Напримѣръ, между Петербургомъ и Москвою, наразстояніи 607 — верстъ, желѣзная дорога, въ странѣ, гдѣ земля столь дешева, обошлась во сто-двадцать милліоновъ рублей серебромъ, и не приноситъ почти никакого дохода. Біографія Г. Клейнмихеля будетъ нами помѣщена, со многими другими, въ книгѣ: *Россія съ 1847 по 1859 годъ*, которая выйдетъ въ свѣтъ, вѣроятно, въ концѣ будущаго 1861 года.

юстиціи и перейти въ другое вѣдомство. Ханъ-Панинъ, возвратясь изъ отпуска, ужасно взбѣсился, — на кого, вы думаете? — на Сенатъ, и присвоивая себѣ, какъ часто онъ дѣлаетъ, Высочайшую власть, *запретилъ* Сенату впредь требовать отъ какого-бы то ни было министра, какого-бы то ни было объясненія, безъ предварительнаго *дозволенія* министра юстиціи.

Въ Таврической губерніи, Графъ Мордвиновъ имѣлъ тяжбу съ татарами, и выигралъ ее въ Сенатѣ. Новороссійскій генералъ-губернаторъ, Князь Воронцовъ, (хотя воспитанный въ Англіи, въ этой классической странѣ законности), отказался исполнить сенатскій указъ. Сенатъ прислалъ вторичный указъ. Одинъ изъ служащихъ при Воронцовѣ говоритъ ему: „а вѣдь придется исполнить сенатскій указъ!“ — „Э! полно, мой милый, отвѣчаетъ Воронцовъ; какій вы, право, добродушный человѣкъ! Кто исполняетъ указы Сената, да еще Московскаго! Ихъ кладутъ подъ сукно — и дѣло въ шляпѣ!“

Министръ юстиціи, ежегодно въ Декабрѣ мѣсяцѣ, представляетъ Государю списокъ распредѣленія Сенаторовъ по Департаментамъ, и Государь утверждаетъ этотъ списокъ. Если какій-нибудь Сенаторъ осмѣлился подать мнѣніе, непріятное министру, или просто-на-просто нав-

лекъ на себя неудовольствіе Хана-Панина, то онъ можетъ быть увѣреннымъ, что если причины семейныя или другія привязываютъ его къ Петербургу, то будетъ назначенъ въ Московскій Сенатъ, а если привязываютъ къ Москвѣ, то будетъ назначенъ въ Петербургскій Сенатъ. Ханъ-Панинъ, усердный ласкатель временщиковъ и царской дворни, очень-любитъ дѣлать непріятности всему остальному роду человѣческому. Однажды, при назначеніи въ Сенатъ однаго старика, не въ примѣръ другимъ сенаторамъ остроумнаго, Панинъ спросилъ у него, гдѣ онъ желаетъ присутствовать? „Въ Петербургѣ, Ваше Сіятельство“ отвѣчалъ старикъ, и на другій день былъ назначенъ въ Московскій Сенатъ, чего именно ему и хотѣлось.

Василій Петровичь Зубковъ, отличный юристъ, человѣкъ умный и честный, находился сенаторомъ въ Петербургѣ, и страдалъ каменною болѣзнію. Онъ проситъ у Панина отпускъ за границу для лѣченія: Панинъ ему отказываетъ. Онъ проситъ о переводѣ въ Московскій Сенатъ, (онъ Московскій уроженецъ, и привыкъ къ здоровому воздуху Москвы). Панинъ ему отказываетъ: посылаетъ за нимъ, совѣтуетъ подать въ отставку, съѣздить за границу полѣчиться, и даетъ

ему *честное слово*, что по возвращеніи въ Россію приметъ его снова въ Сенатъ. Г. Зубковъ выходитъ въ отставку, ѣдетъ за границу, и по возвращеніи въ Россію, проситъ объ опредѣленіи его въ Сенатъ. Панинъ отказываетъ. Г. Зубковъ пишетъ къ Государю. Александръ Николаевичь, переговоривъ, глазъ-на-глазъ, съ своимъ министромъ неправосудія, отказываетъ Г. Зубкову, и такимъ образомъ, въ сенатѣ стало однимъ хорошимъ сенаторомъ менѣе!

Въ устройствѣ Сената необходимы слѣдующія реформы:

1. Званіе сенатора должно быть пожизненнымъ. Сенаторы могутъ выходить въ отставку, добровольно, если пожелаютъ, но ни подъ какимъ видомъ неслѣдуетъ увольнять ихъ противъ ихъ воли.
2. Увеличить число департаментовъ сенатскихъ. Въ настоящее время, ни сенаторамъ, ни оберъ-прокурорамъ нѣтъ времени читать дѣла: такъ они ими завалены. Все находится нынѣ въ рукахъ оберъ-секретарей, которые всѣмъ и распоряжаются.
3. Для избавленія тяжущихся отъ дальнихъ и убыточныхъ поѣздокъ въ столицы, слѣдуетъ учредить

департаменты сената въ Кіевѣ, Казани, Иркутскѣ и Тифлисѣ, и опредѣлять въ департаменты, съ правомъ голоса, сенатскихъ совѣтниковъ, какъ нынѣ въ Варшавѣ.

4. Учинить департаменты Сената высшею судебною инстанціею.
5. Замѣнить общія собранія Сената кассаціоннымъ судомъ, единымъ для всей Россіи, имѣющемъ пребываніе въ Москвѣ.
6. Облечь этотъ судъ всѣми правами французскаго кассаціоннаго суда, то есть: а) предоставить ему наблюденіе за правильнымъ производствомъ дѣлъ, и въ случаѣ неправильности, дать ему власть уничтожать рѣшенія Сената, и, не входя въ разсмотрѣніе самаго дѣла, отсылать оное на судъ другаго департамента сената; б) также облечь его правомъ истолкованія и поясненія законовъ.
7. Этотъ кассаціонный судъ, подъ именемъ *Высшей Судебной Палаты*, составить изъ сенаторовъ, избранныхъ на всю жизнь своими товарищами, прочими сенаторами, по открытой балотировкѣ.
8. Предоставить этой *Высшей Судебной Палатѣ* право требовать у

Министровъ отчетовъ въ ихъ злоупотребленіяхъ и превышеніяхъ круга ихъ власти, и доводить о томъ до свѣдѣнія Государя.

9. Дозволить Сенаторамъ избирать городъ, въ коемъ желаютъ присутствовать, и вообще вывести ихъ изъ унизительнаго положенія, въ коемъ Ханъ-Панинъ держитъ ихъ нынѣ.

Глава IV.

Объ администраціи.

Управленіе въ Россіи основано на полномъ самовластіи, иногда облеченномъ въ формы законныя (не должно забывать, что русское законодательство ничто-иное, какъ мистификація въ пятнадцати толстыхъ томахъ), а иногда и на самовластіи явномъ, безцеремонномъ, по образу и подобію Генераловъ Дубельта и Тимашева. На всѣхъ многочисленныхъ ступеняхъ русской администраціи, сверху до низу воруютъ; снизу до верху лгутъ и обманываютъ. Сельское населеніе состоитъ изъ двухъ элементовъ, съ виду весьма разнородныхъ, но на дѣлѣ управляемыхъ одинаково, съ тою только разницею, что та часть народонаселенія, коей по закону предоставлены нѣкоторыя гражданскія права, еще болѣе угнѣтена чѣмъ та, коей законъ не предоставилъ никакихъ граж-

данскихъ правъ! Конечно, мы не защитники крѣпостнаго состоянія: по нашему мнѣнію, эманципація, и эманципація *постыдная*, составляетъ для Россіи вопросъ чести и вопросъ общественнаго спасенія. Но слѣдуетъ сказать, что казенные крестьяне притѣсняемы гораздо болѣе крестьянъ помѣщичьихъ. Эти послѣдніе, по закону, лишены всякихъ правъ: они не могутъ, безъ согласія помѣщика, вступать въ бракъ, пріобрѣтать имущество, вести торговлю; помѣщикъ можетъ ихъ наказывать тѣлесно, отдавать въ солдаты, или предоставлять въ распоряженіе правительства (что значитъ ссылать ихъ въ Сибирь на поселеніе). Но не говоря уже о добрыхъ и хорошихъ помѣщикахъ, число коихъ значительно въ Россіи, собственная выгода каждаго разумнаго помѣщика заключается въ благосостояніи его крестьянъ.

Положеніе казенныхъ крестьянъ совсѣмъ иное, и при этомъ случаѣ, мы должны обратить вниманіе на замѣчательный фактъ, въ коемъ ярко проявляется всемогущество орды чиновной, и совершенная невозможность для министра, какъбы онъ ни былъ уменъ и честенъ, совершить что-либо въ Россіи безъ перемѣны въ формѣ Правительства. Нынѣшняя форма русскаго правительства заключается въ самодержавіи чиновной орды и въ

самовластіи ея вѣрной союзницы, царской дворни; обѣ совершаютъ всякія гнусности, прикрывая ихъ именемъ царскимъ. Что умный и честный министръ безвластенъ противъ подобнаго порядка вещей, вотъ тому примѣръ. Въ 1838 году, Николай Павловичь, учреждая министерство государственныхъ имуществъ назначилъ министромъ Графа Павла Дмитріевича Киселева, человѣка высокихъ способностей, честнаго, либеральнаго, и во все продолженіе своего многолѣтняго поприща вѣрно служившаго Россіи и идеямъ прогресса. Графъ Киселевъ, управляя Молдавіею и Валахіею, даровалъ этимъ двумъ областямъ устройство конституціонное, почетнымъ образомъ вписавшее имя Киселева на скрижали исторіи; много лѣтъ жилъ онъ при Дворѣ Петербургскомъ, являя образецъ чувства личнаго достоинства, столь рѣдкаго при этомъ полу-азіатскомъ Дворѣ; нынѣ онъ посолъ въ Парижѣ, отлично исполняетъ свою должность, поставилъ себя на прекрасную ногу и въ Парижѣ. И такъ мы видѣмъ, что какоебы поприще дѣятельности ни открывалось передъ Графомъ Киселевымъ, вездѣ онъ дѣйствовалъ прекрасно. Отчего-же, въ бытность его Министромъ Государственныхъ Имуществъ, чиновная орда овладѣла его Министерствомъ, и исказила всѣ

намѣренія умнаго и честнаго министра? Оттого, что въ Россіи, при отсутствіи всякой гласности, при отсутствіи всякаго контроля, чиновная орда обладаетъ властію далеко превышающею власть всѣхъ министровъ, далеко-превышающею власть Царя, мнимаго самодержца, и превышавшую даже власть упорнаго и крутаго Николая Павловича (который, въ послѣдніе годы своего сумасброднаго царствованія, доходилъ до боготворенія своей личности).

Казенные крестьяне находятся подъ невыносимымъ гнетомъ чиновниковъ, которые ни мало ихъ не щадятъ, не имѣя на то причинъ, заставляющихъ помѣщиковъ щадить своихъ крѣпостныхъ людей. Чиновники эти широко пользуются своею временною властію и выжимаютъ изъ крестьянъ послѣдній сокъ. Управленіе казенныхъ крестьянъ основано, съ виду, на выборномъ началѣ; мы говоримъ, съ виду, потому-что на дѣлѣ оно совсѣмъ иначе, и начальство ихъ облечено правомъ, по окончаніи срока службы служащаго по выборамъ, утверждать его и на слѣдующіи срокъ, не приступая ни къ какому новому выбору. Такимъ образомъ, крестьянинъ, выбранный своими собратіями, беретъ взятки, воруетъ немилосердно и подкупаетъ чиновниковъ, которые утверж-

дают̀ъ его въ должности и наслѣдующій срокъ, безъ всякаго новаго выбора. Если выборный крестьянинъ или однодворецъ не даетъ взятокъ чиновникамъ, то уже не миновать ему быть подъ судомъ.

Дѣлопроизводство у казенныхъ крестьянъ письменное, облеченное всѣми бюрократическими формальностями, но большинство выборныхъ изъ крестьянъ не знаютъ грамоты, и потому всегда зависитъ отъ писаря вовлечь ихъ въ несоблюденіе формальностей, и черезъ то подвергнуть ихъ суду. Писарь-же назначается отъ начальства. По закону, казенный крестьянинъ не можетъ получить болѣе извѣстнаго числа розогъ, и то по приговору. Пріѣзжаетъ въ казенное селеніе начальникъ; самовольно велитъ схватить крестьянина и отсчитать ему втрое или въ четверо болѣе ударовъ розгами, чѣмъ дозволено закономъ, а писарь между тѣмъ составляетъ протоколъ, въ коемъ означаетъ число ударовъ розгами, закономъ дозволенное. Крестьянинъ вздумаетъ-ли жаловаться? Но куда? Законъ не позволяетъ ему подавать жалобы въ судъ безъ разрѣшенія начальства, а чиновники между собою въ круговой порукѣ. Да и къ чему повела-бы жалоба, съ такимъ устройствомъ, или правильнѣе сказать неустройствомъ правосудія, какъ въ Рос-

сіи? Несчастный, принесшій жалобу въ подобномъ случаѣ, подвергаетъ себя неисчислимымъ непріятностямъ, и потому приходится бѣдному крестьянину страдать и терпѣть молча. Да, необходимо освободить крѣпостныхъ людей изъ подъ ига помѣщиковъ, но необходимо также освободить и казенныхъ крестьянъ изъ подъ-ига чиновниковъ и ввести въ Россіи правленіе, основанное на законахъ правильныхъ, разумныхъ, предъ коими всѣ были-бы равными; ввести судопроизводство гласное и публичное и упрочить все это системою политическихъ учрежденій, о коихъ мы будемъ говорить въ послѣдней главѣ этой книги. Казенные крестьяне, по закону носящіе имя свободныхъ, на дѣлѣ подчинены такому рабству, что нѣкоторые изъ нихъ говорили намъ: „Вотъ Царь хочетъ отпустить на-волю крестьянъ помѣщичьихъ; когда-же насъ отпустятъ на-волю?“

Вовсякой губерніи, вся власть сосредоточена, отчасти по закону, отчасти мимо закона, на самомъ дѣлѣ, въ рукахъ губернатора, кромѣ губерній, состоящихъ подъ властію генералъ-губернаторовъ, что еще хуже. Губернаторъ чаще всего избранъ между людьми, не имѣющими въ Петербургѣ ни довольно сильныхъ связей, ни довольно поддержки чтобы дозволить

себѣ открытыя нарушенія законовъ. Чаще всего онъ обходитъ законъ и набиваетъ себѣ карманъ подъ покровомъ полу-мрака. Невскій губернаторъ можетъ позволить себѣ слѣдовать примѣру Воронежскаго губернатора, барона Христофора Христофоровича Фонъ-деръ-Ховена, который, въ полномъ засѣданіи губернскаго правленія, когда одинъ изъ совѣтниковъ подалъ ему томъ Свода Законовъ, указывая на статью нарушаемую Его Превосходительствомъ, схватилъ томъ, положилъ на кресло, сѣлъ на него, и говоритъ совѣтнику: *Ну! гдѣ теперь вашъ законъ?* За этотъ и другіе тому подобные подвиги, баронъ Ховенъ не былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ, но возведенъ былъ въ званіе сенатора, и нынѣ находится, не подсудимымъ, а сенаторомъ, въ одномъ изъ уголовныхъ департаментовъ этого мнимо-правительствующаго Сената, въ обязанность коему вмѣнено наблюденіе за исполненіемъ законовъ.

Но еще хуже приходится губерніямъ, состоящимъ подъ властію генералъ-губернаторовъ, которые обыкновенно избираются изъ числа лицъ, сильно покровительствуемыхъ министрами или царскою дворнею, и потому могутъ безнаказанно позволять себѣ всевозможныя нарушенія законовъ. Вспомнимъ графа Закревскаго,

который отзывался, что *эти проклятые законы мѣшаютъ ему управлять Москвою*, одиннадцать лѣтъ на-просторѣ притѣснялъ и грабилъ первопрестольную столицу, а потерялъ мѣсто свое уже потому только, что дозволилъ дочери своей выйти замужъ отъ живаго мужа, безъ развода. Нынѣшній намѣстникъ Царства Польскаго, Князь Михаилъ Дмитріевичь Горчаковъ, человѣкъ добрый и безкорыстный, извѣстный своимъ мужествомъ на полѣ чести, но совершенно-безхарактерный въ быту гражданскомъ, и къ несчастію находящійся подъ безграничнымъ и пагубнымъ вліяніемъ Павла Александровича Муханова, вытребовалъ отъ совѣта министровъ, въ Мартѣ 1859 года, запрещеніе польскаго журнала *Слово*, и беззаконное заключеніе въ крѣпость редактора, Г. Огрыжко, и за что? За напечатаніе, *съ разрѣшенія цензуры*, статьи археологической, не имѣющей ни малѣйшаго отношенія къ политикѣ, и возбудившей негодованіе нѣкоторыхъ людей за то, что она написана была однимъ изъ польскихъ патріотовъ, знаменитымъ и почтеннымъ Лелевелемъ. Но къ чемуже служитъ ценсура въ Россіи, если, получивъ ея разрѣшеніе, редакторъ журнала подвергается еще послѣ этого заключенію въ крѣпость и раззоренію, причиненному ему запрещеніемъ его журнала?

С. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, недовольный нѣкоторыми словами, произнесенными въ Градской Думѣ членомъ этой Думы купцомъ Малковымъ, требуетъ его къ себѣ, осыпаетъ упреками, и, неимѣя на то ни малѣйшаго права, арестуетъ на нѣсколько дней. Г. Малковъ приноситъ жалобу Сенату, который требуетъ объясненій отъ Г. Игнатьева. Тутъ министръ неправосудія, Ханъ-Панинъ, дѣлаетъ Сенату дерзкое замѣчаніе, а начальникъ тайной полиціи, Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, посылаетъ за Г. Малковымъ, и объявляетъ ему, что если онъ осмѣлится давать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ, то будетъ сосланъ безъ всякаго суда. Возможно-ли удивляться противозаконнымъ дѣйствіямъ чиновниковъ, когда высшіе сановники и сами министры подаютъ примѣры вопіющихъ нарушеній законовъ и всякой справедливости?

Губернскій прокуроръ обязанъ наблюдать за исполненіемъ законовъ, но если онъ осмѣлится быть въ несогласіи съ губернаторомъ, то Ханъ-Панинъ переводитъ его въ другую губернію, обыкновенно въ дальнюю, и преимущественно въ такую, гдѣ-бы ему пребываніе было непріятнымъ.

Совѣтники губернскихъ правленій имѣютъ право, при несогласіи съ губернаторомъ, вносить свое мнѣніе въ протоколъ, но они назначаются по выбору министра внутреннихъ Дѣлъ, а иногда и по выбору самаго губернатора. Въ эту должность, большею частію, назначаются люди безъ состоянія, желающіе разбогатѣть. Пріѣхавъ въ губернію, которую не знаютъ и знать не хотятъ, они думаютъ только о томъ, чтобы набить себѣ карманы, а какъ вѣрнѣйшее къ тому средство состоитъ въ угожденіи губернатору, то они являются вѣрнѣйшими подручниками сего послѣдняго.

Исправники и городничіе обложены податію въ пользу губернскихъ правленій, взимающихъ благостыню и со всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ дѣло съ ними. Жалованье мелкихъ чиновниковъ столь скудно, что неимѣющіе собственнаго состоянія не могутъ прожить жалованьемъ, и должны брать взятки, а тѣмъ болѣе приходится имъ воровать для удовлетворенія жадности своихъ начальниковъ. Попробуй исправникъ или городничій неплатить губернскому правленію-онъ тотчасъ попадетъ подъ судъ. Нашъ сводъ законовъ составляетъ крѣпкоскованную цѣпь беззаконій, цѣлую сѣть формальностей, совершенно-безполезныхъ для блага общаго,

часто кляузныхъ, и вообще *невозможныхъ къ точному исполненію.* Между тѣмъ неисполненіе ихъ влечетъ за собою отдачу подъ судъ; слѣдственно исправникамъ и городничимъ приходится покупать взятками свою безопасность, даже при честныхъ губернаторахъ, потому-что каждый совѣтникъ губернскаго правленія можетъ надѣлать имъ величайшее зло. Исправники обложены ежегодными оброками отъ тысячи до полутора тысячи рублей; оброкъ съ городничихъ взимается смотря по важности и богатству города, ввѣреннаго ихъ управленію; на примѣръ въ портовыхъ городахъ, на большихъ рѣкахъ, оброкъ городничаго доходитъ иногда до трехъ тысячь рублей, не считая обязанности угощать чиновниковъ, пріѣзжающихъ изъ губернскаго города, или, какъ говорится въ уѣздахъ, *изъ губерніи*, кормить ихъ отлично, и поить шампанскимъ*). Въ городахъ небогатыхъ, городничій платитъ оброку иногда не болѣе пятисотъ

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во Мценскѣ былъ городничимъ Николай Алексѣевичъ Бѣлаго, у коего всѣ обозы, проходящіе во Мценскѣ черезъ Оку и не принадлежащіе важнымъ господамъ, были обложены пошлиною въ его собственную пользу. О баркахъ, приходящихъ въ пристань Мценскую, уже и говорить нѣчего: это постоянныя оброчныя статьи.

рублей (разумѣется всѣ эти счеты на рубли серебромъ). Боже сохрани, если кто вздумаетъ платить неисправно! Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ купцы и мѣщане въ городѣ находятся въ полной зависимости отъ городничаго. По невозможности исполнить всѣ законныя формальности, нѣтъ торговца, къ коему городничій не могъ-бы привязаться подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, и запереть его лавку на сколько времени ему вздумается. Въ уѣздахъ, помѣщики, не имѣющіе большаго чина, или сильныхъ связей, обязаны дарить исправника (за весьма рѣдкими исключеніями): русская администрація щадитъ только тѣхъ, кого она боится. Но кого она не боится, тѣ непремѣнно должны откупаться: даже управители людей сильныхъ, но не пріѣзжающихъ ежегодно въ свои деревни, обязаны дарить, для избѣжанія ежедневныхъ непріятностей.

Въ Москвѣ, лѣтъ десять тому назадъ, графиня Закревская купила торговыя бани; возлѣ находился домъ небогатаго дворянина; грфаиня вздумала купить этотъ домъ, и предложила владѣтелю полъ-цѣны. Онъ отказался. Тогда ему дали знать подъ рукою, что графъ Закревскій, имѣющій у себя бланки Государя, сошлетъ его въ дальній городъ, подъ надзоръ полиціи, за вредныя поли-

тическія мнѣнія. Въ это время гнусной Николаевщины, тайная полиція царила въ Россіи и дѣлала что ей угодно; долго-ли было сослать человѣка? Бѣднякъ уступилъ, и продалъ домъ за полъ-цѣны.

Въ Тульской губерніи, невдалекѣ отъ Оки и близъ казеннаго селенія, находился въ полѣ огромный камень, вѣсомъ въ нѣсколько сотъ пудовъ. Однажды, окружный начальникъ пріѣзжаетъ, собираетъ казенныхъ крестьянъ, и объявляетъ имъ, что по Высочайшему повелѣнію они должны вести этотъ камень въ Петербургъ, на своихъ лошадяхъ. Крестьяне въ отчаяніи: „Батюшка, избавь отъ напасти, будемъ благодарны, отецъ родной!“ говорятъ они. Окружный умилостивился, взялъ обильную благостыню, обѣщалъ крестьянамъ, что будетъ ходатайствовать объ отмѣненіи Высочайшаго повелѣнія (!), и уѣхалъ. Само собою разумѣется, что Высочайшее повелѣніе было выдумкою.

Въ самую жаркую пору полевыхъ работъ, въ уборку хлѣба или въ сѣнокосъ, вдругъ грянетъ въ деревню земская полиція (или, если указенныхъ крестьянъ, ихъ начальство), и начнетъ производить слѣдствіе по какому-нибудь дѣлу. Требуютъ къ допросу самыхъ зажиточныхъ крестьянъ; держатъ ихъ трое, четверо сутокъ. Имъ необходимо

на свою работу, и они должны откупаться.

Недавно, на улицахъ Харькова, прохожаго иностранца опрокинулъ быкъ, свободно разгуливающій по стогнамъ городскимъ. Несчастнаго отнесли въ больницу, гдѣ онъ пролежалъ два мѣсяца. По выходѣ изъ больницы, полиція требуетъ съ него деньги за кормленіе быка, въ теченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ содержимаго въ полиціи, какъ соприкосновеннаго къ дѣлу объ ушибѣ и увѣчьѣ.

Въ Вяткѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, секретаремъ губернскаго правленія былъ Андрей Максимовичь Подаринъ. Когда мѣщанинъ или крестьянинъ приходилъ къ нему въ правленіе за дѣломъ, Подаринъ отвѣчалъ: *убирайся къ чорту!* Пока мѣщанинъ или крестьянинъ почесывалъ себѣ голову въ недоумѣніи, другій чиновникъ подходилъ къ нему, и спрашивалъ: *а что отвѣчалъ Андрей Максимовичь? — Да! Батюшка! отослалъ къ чорту! — Такъ надобно туда и сходить! — Какъ-такъ? — Да развѣ ты, любезный, незнаешь, что чортъ принимаетъ просителей по такимъ-то днямъ, по захожденіи солнца, въ старой банѣ, на дворѣ такого-то дома? Ступай туда: только не забудь, что чортъ любитъ, чтобы его отблагодарили.* Проситель отправлялся, въ извѣстный день,

въ назначенное мѣсто, входилъ въ старую баню. Обширная комната раздѣлялась перегородкою, изъ за-коей слышался голосъ: *что тебѣ нужно? — Батюшка чортъ! Дѣльцо есть: пришолъ просить,* и объяснялъ свое дѣло. *Клади деньги на столъ, и бѣги не оглядываясь; твое дѣло будетъ сдѣлано,* отвѣчалъ голосъ изъ-за перегородки. И просьба была уважена.

Наживъ, этимъ благороднымъ средствомъ, порядочное состояніе, Подаринъ поѣхалъ въ Петербургъ, поклонился кому-надобно, поднесъ благодарность кому-слѣдовало, и возвратился вице-губернаторомъ въ Вятку, свою родину, гдѣ онъ прежде исправлялъ должность чорта. Въ 1843 году, мы находились въ ссылкѣ въ Вяткѣ, и провели тамъ цѣлый годъ среди добрыхъ жителей Вятскихъ, столь привѣтливыхъ, столь гостепріимныхъ, радушный пріемъ коихъ никогда не изгладится изъ памяти нашего сердца. Подаринъ, за вакансіей губернаторскаго мѣста, исправлялъ должность, на этотъ разъ уже не чорта, а губернатора, и воровалъ безъ зазрѣнія совѣсти. Объ этомъ почтенномъ мужѣ мы будемъ говорить въ нашихъ запискахъ.

Всѣмъ извѣстно, какій обильный источникъ взятокъ представляютъ чиновной ордѣ винные откупа. Откупщикъ одного

уѣзда никогда не издерживаетъ на взятки менѣе пяти тысячь рублей, а откупщикъ цѣлой губерніи менѣе пятидесяти тысячь рублей въ годъ.

И рекрутскій наборъ, на чиновничьемъ языкѣ именуемый *сѣнокосомъ*, представляетъ обильный источникъ дохода чиновной ордѣ, въ особенности ордѣ министерства государственныхъ имуществъ. У казенныхъ крестьянъ жеребьевая система, но хорошіе билеты напередъ продаются сыновьямъ богатыхъ крестьянъ, которые только для формы принимаютъ участіе въ вынимани билетовъ.

Хотите-ли получить изъ присутственнаго мѣста справку, не только дозволенную, но иногда даже предписанную закономъ: вы должны платить, иначе не получите. Вносите вы подати: должны давать взятку, иначе будете дожидаться квитанціи цѣлыя недѣли. Въ матушкѣ Россіи все продается и все покупается.

Намъ хорошо извѣстно, что недостаточность жалованья ставитъ большинство чиновниковъ въ необходимость выбора между нищетою и взяточничествомъ. Необходимо уменьшить число чиновниковъ и увеличить оклады. Но не слѣдуетъ предаваться заблужденію, чтобы однимъ увеличеніемъ окладовъ можно было иско-

ренить взяточничество. Для коренаго излѣченія этой язвы, ведущей русское правительство къ его гибели, необходимы другія мѣры, другія реформы. Не одни мелкіе чиновники берутъ взятки; ихъ берутъ и высшіе сановники; берутъ и нѣкоторые изъ министровъ *). Зло, въ Россіи, коренится не столько въ людяхъ, сколько въ системѣ. Уничтожить его не возможно иначе, какъ слѣдующими средствами:

1. Избавить власть судебную отъ вмѣшательства власти административной, вмѣшательства, иногда доходящаго до настоящей опеки;
2. Учредить широкую гласность;
3. Учинить пересмотръ всѣмъ россійскимъ законамъ;
4. Учредить установленія прочныя и дѣльныя, о конхъ мы будемъ говорить въ послѣдней главѣ этой книги.

Одна изъ величайшихъ язвъ Россіи, это огромная централизація дѣлъ. Въ Россіи, все стянуто къ Петербургу, и все въ немъ рѣшается. Централизація слу-

---

*) Про покойную Графиню Нессельродъ, жену извѣстнаго министра, знаменитѣйшую взяточницу своего времени, говорили, что она ставитъ большое различіе между своими друзьями и своими врагами: что съ враговъ своихъ она *требуетъ* подарковъ, а отъ друзей ихъ *принимаетъ*.

житъ чиновной ордѣ средствомъ, коимъ орда эта растянула пагубную сѣть свою на всю Россію, и совершенно владычествуетъ, не только надъ министрами, но и надъ самимъ Государемъ. Въ Россіи, вся жизнь человѣческая, отъ колыбели до могилы, отдана подъ опеку властей, подчинена множеству бюрократическихъ формальностей и совершенно-опутана ими: личная инициатива, личная предпріимчивость парализированы и рѣдко находятъ себѣ исходъ. Еще недавно, а именно при Николаѣ Павловичѣ, Правительство смотрѣло на умъ какъ на общественнаго врага, гнало его, и требовало лишь однаго повиновенія, безпрекословнаго, рабскаго. Постоянно раздавалось слово: „не смѣть разсуждать“ и вслѣдствіе того, въ высшихъ сферахъ власти отучились разсуждать, и дѣйствуютъ безразсудно. Системы этой придерживается еще и нынѣ большая часть сановниковъ, и тѣмъ являетъ явное доказательство, до какой степени людямъ, тридцать лѣтъ сряду обдѣлывавшимъ, подъ покровомъ тайны и молчанія, свои мерзкія дѣлишки, совершенно невозможно дѣйствовать на пользу отечества гласно и при открытомъ свѣтѣ Божьемъ.

Если-бы какому-нибудь губернатору или министру, если-бы наконецъ самому Государю пришла мысль, не прочитывать,

а только пробѣгать половину бумагъ, ежедневно имъ подписываемыхъ, то на это ему-бы не было достаточно тридцати часовъ въ сутки. И потому Государь, мнимый самодержецъ, вовсе не имѣетъ времени, матеріально-необходимаго для разсмотрѣнія дѣлъ, и принужденъ во всемъ полагаться на министровъ, на губернаторовъ и на начальниковъ отдѣльныхъ частей. Съ своей стороны, министры, губернаторы и начальники отдѣльныхъ частей, не имѣя также времени, матеріально-необходимаго для разсмотрѣнія дѣлъ, принуждены во всемъ полагаться на чиновниковъ, и такимъ образомъ судьба Россіи и участь каждаго Русскаго преданы на произволъ чиновной орды, неспособной, подлой, жадной, всеграбящей, которая считаетъ право мошенничества своею законною собственностію, и скорѣе доведетъ Правительство до революціи, чѣмъ согласится добровольно на введеніе гласности и на учрежденіе хорошаго государственнаго порядка.

Необходимо уменьшить централизацію, предоставивъ разрѣшенію министровъ и центральной власти все, что касается до общаго состава управленія, до общихъ выгодъ Имперіи, или до общихъ выгодъ нѣсколькихъ губерній. Но разрѣшеніе дѣлъ, касающихся до одной губерніи от-

дѣльно, необходимо предоставить губернскому правленію, подчиненному, разумѣется, въ важныхъ случаяхъ, высшей власти, въ Петербургѣ находящейся. Однако подобный порядокъ вещей не можетъ быть введенъ съ нынѣшними губернскими правленіями, составленными, большею частію, изъ чиновниковъ бездарныхъ и жадныхъ, извѣстныхъ взяточниковъ, присылаемыхъ въ губернію изъ Петербурга. Необходимо составить губернское правленіе изъ лицъ, выбранныхъ всѣми сословіями: и владѣльцами поземельными, и городскими обывателями, безъ различія, дворяне-ли они или нѣтъ. Губернаторъ и вице-губернаторъ должны быть назначаемы правительствомъ, и въ случаѣ разногласія между ими и губернскимъ правленіемъ, дѣло должно быть представлено наразсмотрѣніе министра, если-оно касается одной администраціи, а если касается и закона, то на разсмотрѣніе Сената. Само собою разумѣется, что между властію административною и властію судебною должна быть проведена опредѣлительная и рѣзкая черта. Такимъ образомъ, интересы каждой губерніи ввѣрены были-бы жителямъ ея, лицамъ, облеченнымъ довѣріемъ своихъ земляковъ, хорошо знакомымъ со всѣмъ тѣмъ, что касается до мѣстныхъ вопросовъ и до

выгодъ мѣстныхъ, и гораздо болѣе способнымъ судить объ этихъ вопросахъ и рѣшать ихъ, чѣмъ способна на то чиновная сволочь, изъ Петербурга по губерніямъ разсылаемая.

Необходимо уничтожить министерство государственныхъ имуществъ, этотъ достойный преемникъ прежнихъ лѣсовъ Муромскихъ и Брынскихъ, истинный вертепъ воровъ и разбойниковъ. И крестьянъ казенныхъ, и крестьянъ крѣпостныхъ, должно избавить отъ самовластія, и подчинить власти законовъ, для всѣхъ равныхъ и одинаковыхъ. Надобно освободить крѣпостныхъ изъ-подъ ига помѣщиковъ, а казенныхъ крестьянъ изъ подъ ига гнусной чиновной русской орды.

Глава V.

О чинахъ.

Старинное мѣстничество уничтожено было, 12 Января 1682 года, Царемъ Ѳеодоромъ III Алексѣевичемъ. Но порядокъ вещей, столь долго существовавшій, не могъ быть внезапно вырванъ съ корнемъ: онъ, разумѣется, и послѣ оффиціальнаго уничтоженія своего сохранялъ еще свое вліяніе, даже свой гнетъ надъ общественнымъ мнѣніемъ. Для коренаго уничтоженія этого вліянія, Петру I оставалось одно средство: замѣнить мѣстничество какимъ-нибудь другимъ политическимъ учрежденіемъ. Онъ это и сдѣлалъ, въ 1722 году, установленіемъ *табели о рангахъ*, къ чему побудили его двѣ важныя причины. Вопервыхъ, ему необходимо было разбить въ-пухъ сильную оппозицію большей части тогдашняго дворянства, которое, не понимая еще въ то время необходимости преобразованій и европейскихъ

нововведеній, упорно отстаивало старину и уклоналось отъ службы. Во-вторыхъ, вызвавъ въ Россію множество иностранцевъ, многіе изъ коихъ оказали ему дѣйствительныя услуги, онъ долженъ былъ дать имъ прочное общественное положеніе, потому-что большая часть русскихъ, въ то время, взирала на чужеземцевъ съ глубокимъ отвращеніемъ, и не хотѣла съ ними якшаться. Но Петръ I былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять необходимости, для Правительства, употреблять на службѣ людей умныхъ, необходимости давать имъ ходъ; онъ понималъ, что Правительство, составленное изъ людей неспособныхъ, стремится къ своему разслабленію, а современемъ и къ паденію; что борьба противъ просвѣщенія неминуемо приводитъ Государство къ положенію человѣка, разбитаго параличемъ (что и доказано, между прочимъ, послѣднею крымскою войною, въ коей, не взирая на отмѣнное мужество и высокое самоотверженіе русскихъ солдатъ, мы потерпѣли столько пораженій и понесли столько стыда, благодаря разбою администраціи и неспособности Правительства, а причиною всему тридцатилѣтняя война Николая Павловича противъ здраваго смысла). Петръ I былъ слишкомъ уменъ чтобы сдѣлать пошлую глупость, сдѣланную его

преемниками и донынѣ существующую: связать себѣ руки въ выборѣ людей способныхъ; онъ постановилъ правиломъ, что Государь раздаетъ чины по своему благоусмотрѣнію. Въ царствованіе сумасшедшаго Павла Петровича, правило это было отмѣнено для службы гражданской, и сохранено единственно для придворнаго вѣдомства, для каммергеровъ и каммеръ-юнкеровъ, тоесть уничтожено тамъ, гдѣ оно было истинно-полезно Государству, и сохранено тамъ, гдѣ совершенно-безполезно. Александръ I, вмѣсто того, чтобы возстановить правило Петра I, отмѣнилъ его и при Дворѣ, въ 1809 году. И такъ, Русскій Царь, мнимый самодержецъ, лишенъ права, предоставленнаго не только монархамъ-конституціоннымъ, но и самимъ президентамъ республикъ, права выбора чиновниковъ по своему благоусмотрѣнію. Въ Россіи, чтобы занять мѣсто, необходимо имѣть соотвѣтствующій чинъ. Государь видитъ человѣка умнаго, способнаго, честнаго, могущаго быть весьма полезнымъ на такомъ-то мѣстѣ, но у него нѣтъ чина, и ему нельзя дать этого мѣста, а можно дать глупцу, подлецу или вору, имѣющему чинъ. Въ Европѣ чиновъ не знаютъ, и мѣста даются по способностямъ.

Чины-самый твердый оплотъ и вмѣстѣ

съ тѣмъ удобнѣйшая лѣствица для людей неспособныхъ, для взяточниковъ, и вѣрнѣйшее для нихъ средство совершить карьеру; за то нѣтъ и реформы, которая встрѣчала-бы большее противодѣйствіе состороны всемогущей чиновной орды. Въ Россіи, умъ и способности служатъ весьма часто помѣхою карьерѣ, въ особенности если съ ними соединено и чувство личнаго достоинства. Хитрость, отличительное свойство рабовъ, въ Россіи весьма развита и часто принимается многими за умъ и за способность, а самый умъ внушаетъ страхъ и ненависть этой массѣ глупцовъ, составляющихъ русскую высшую администрацію. Чувство человѣческаго достоинства принимается, царскою дворнею, за обиду личную; человѣкъ, пріобыкшій кланяться, унижаться, льстить, интриговать, неразборчивый на средства къ обогащенію, достигаетъ высшихъ чиновъ, и чѣмъ онъ подлѣе, тѣмъ быстрѣе совершаетъ свою карьеру.

И къ чему служатъ Россіи всѣ эти чины, всѣ эти регистраторы, всѣ эти секретари провинціальные, губернскіе и коллежскіе, всѣ эти ассессоры, всѣ эти совѣтники осьми разныхъ названій, списокъ глупцовъ — мандариновъ на китайскій ладъ, въ коемъ встрѣчается столько людей презрѣнныхъ и презираемыхъ? Нигдѣ

не существуетъ столько совѣтниковъ, какъ въ Россіи, и нигдѣ Правительство не спрашиваетъ такъ мало совѣтовъ.

Во всѣхъ странахъ образованныхъ, человѣкъ, посвятившій десять или пятнадцать лѣтъ своей жизни наукамъ, или путешествіямъ, или занятіямъ по части сельскаго хозяйства, по части промышленности, по части торговли, пріобрѣвъ познанія спеціальныя, хорошо изучивъ свою родину, вступаетъ въ службу, занимаетъ видное мѣсто, и приноситъ пользу отечеству. Въ Россіи, совсѣмъ не то. Человѣкъ, вышедшій на нѣсколько лѣтъ въ отставку, не можетъ вступить иначе въ службу, какъ прежнимъ чиномъ, какихъ-бы онъ ни былъ лѣтъ и способностей, а всякій глупецъ, всякій подлецъ, продолжающій считаться на службѣ, неминуемо достигаетъ высшихъ чиновъ. Отселѣ проистекаетъ странное зрѣлище: что въ Россіи, гдѣ народъ столь уменъ и одаренъ столь отмѣнными качествами души и сердца, администрація большею частію составлена изъ дураковъ и подлецовъ, и чѣмъ выше взираешь на ступени лѣствицы служебной, тѣмъ люди являются глупѣе и подлѣе: дѣйствительные тайные совѣтники, если снять съ нихъ лоскъ свѣтскаго навыка, явятся несравненно хуже коллежскихъ регистраторовъ, и сверхъ

того, приближаются уже къ настоящему полу-идіотизму. Послѣ этого неудивительно всеобщее презрѣніе къ системѣ чиновъ и къ большей части высшихъ сановниковъ, людей (за весьма немногими исключеніями) совершенно-бездарныхъ и замѣчательно-подлыхъ.

Въ Европѣ, молодый человѣкъ бѣдный, но образованный и желающій себѣ честнымъ образомъ составить состояніе, имѣетъ выборъ между разными честными поприщами: литературою, науками, изящными искусствами, адвокатурою, промышленностію, торговлею. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ пріобрѣлъ довольство, иногда даже изобиліе; вступаетъ въ службу; занимаетъ мѣсто сѣрьезное, приноситъ пользу отечеству. Принужденъ-ли онъ обстоятельствами политическими или частными выйти въ отставку, онъ возвращается къ прежнимъ своимъ занятіямъ; въ Европѣ, въ числѣ литераторовъ, въ числѣ негоціантовъ, въ числѣ адвокатовъ, мы видимъ бывшихъ сановниковъ, бывшихъ министровъ, людей уважаемыхъ, имѣющихъ почетъ и вѣсъ въ общественномъ мнѣніи.

А что видимъ мы въ Россіи? Молодый человѣкъ, желающій составить себѣ карьеру, вступаетъ въ службу; проводитъ цвѣтущія лѣта своей юности въ перепискѣ

бумагъ исходящихъ и регистратурѣ бумагъ входящихъ; если онъ одаренъ нѣкоторымъ умомъ, умъ этотъ тупѣетъ въ душной канцелярской сферѣ; если въ немъ есть капля честности и капля человѣчности, капли эти изсыхаютъ подъ пагубнымъ вліяніемъ всеворующей русской чиновной орды. Что видитъ онъ вокругъ себя? онъ видитъ, что умнымъ людямъ не даютъ хода, честныхъ людей гонятъ, посредственность и неспособность выдвигаютъ впередъ, взяточничеству покровительствуютъ, называя его именемъ ловкости и предусмотрительности. Если-бы онъ вздумалъ сохранить свое личное достоинство въ этой средѣ, то для него каррьера невозможна. Онъ начинаетъ гнуться, кланяться, извиваться, льстить, подличать и мало-по-малу доползаетъ до титла Превосходительства, что, въ случаѣ пріѣзда въ провинцію, даетъ ему право быть величаему *генераломъ* (почему-же не адмираломъ?). При нѣкоторомъ счастіи, онъ доползаетъ и до тайнаго совѣтника; иногда даже догниваетъ до *высокопревосходительства.* Разъ сдѣлавшись тайнымъ совѣтникомъ, онъ уже считаетъ себя русскимъ вельможею; иногда даже дѣлается сочинителемъ, тоесть сочиняетъ себя родословную; въ наивномъ убѣжденіи, что онъ вельможа, оканчи-

ваетъ безполезный вѣкъ свой, и нѣкоторыя газеты печатаютъ: „что скончался N. N., и Россія лишилась однаго изъ достойнѣйшихъ сыновей своихъ!“ Хороши достойные сыны, отцы отечества, нѣчего сказать! Но въ Россіи, точно какъ въ Азіи, не существуетъ должностей пожизненныхъ; всякій сановникъ, безъ исключенія, можетъ быть уволенъ по прихоти правительства, тоесть можетъ получить въ одно прекрасное утро бумагу, изъ коей съ удивленіемъ узнаетъ, что онъ просилъ объ увольненіи по случаю совершенно-разстроеннаго здоровья, и что ему Всемилостивѣйше даровано увольненіе. При этомъ случаѣ иногда получаетъ онъ и рескриптъ, въ коемъ объявляется, что имъ оказаны такія-то и такія-то заслуги, окоихъ онъ и воснѣ невидалъ. Для избѣжанія подобнаго непріятнаго сюрприза, огромное большинство русскихъ сановниковъ подличаетъ передъ временщиками, и ликуетъ, получивъ какую-нибудь ленту къ свѣтлому празднику, къ новому году, ко дню тезоименитства Государя или кодню коронованія. Бляха на груди, и съ нею тафта черезъ плечо, какая-бы ни была тафта: красная-ли она, голубая, или пестрая, не имѣютъ никакого значенія, но пріятны сановнику потому, что бѣсятъ тѣхъ изъ его товарищей, которые

еще не получили этой тафты, или этой бляхи.

Легко можно посудить, что достигнувъ семидесяти или осьмидесяти лѣтъ, сановники эти заклятые враги всякаго прогресса, всякаго улучшенія, и всѣ усилія ихъ хитрости употреблены единственно лишь къ тому, чтобы ставить оплоты всякимъ преобразованіямъ. Они не могутъ не сознаться, что анархія, безурядица, именуемая въ Россіи Правительствомъ, долго существовать не можетъ; что въ неотдаленномъ будущемъ ей грозитъ разрушеніе; что полу-мѣры не только не полезны, но еще и положительно вредны, но сановники эти стары, равнодушны ко всему, кромѣ денегъ, самолюбія и собственнаго покоя, и повторяютъ себѣ: *на нашъ вѣкъ станетъ, а тамъ хоть трава не расти!*

Уничтоженіе гражданскихъ чиновъ составляетъ для Россіи вопросъ первостепенной важности и безотлагательной необходимости. Чины, въ настоящее время, ничто иное — какъ парникъ дураковъ и мошенниковъ.

Глава VI.

Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія.

Мы находились въ Петербургѣ, 18 февраля 1855 года, въ тотъ счастливый для Россіи день, когда Николай Павловичъ, (одними прозванный *незабвенный*, а другими *неудобозабываемый*), отправился къ предкамъ своимъ. Мы помнимъ всеобщую радость, подобно электрическому току охватившую всѣхъ честныхъ и благомыслящихъ людей въ Россіи; мы помнимъ ликованіе всеобщее. Всякій чувствовалъ, что бремя тяжелое, неудобоносимое, свалилось у него съ плечь, и дышалъ свободнѣе. Со смертію Николая оканчивалась цѣлая эпоха деспотизма, и какаго ужаснаго деспотизма! Надобно было прожить эту эпоху чтобы понять, что мы перечувствовали, что мы перестрадали! На книгопечатаніе, на свободу бесѣды, на свободу совѣсти наложены были

тяжкія цѣпи; всѣ благороднѣйшія чувства и желанія, какія только могутъ возникнуть въ груди человѣческой, были попраны, часто свирѣпымъ образомъ, и обращены въ государственныя преступленія. Тайная полиція властвовала во всей Россіи, однихъ держала на постоянномъ откупу, другихъ тѣснила и прижимала; крѣпостное состояніе, не взирая на желаніе Николая Павловича уничтожить его, было поддерживаемо на основаніи того гнуснаго политическаго правила, что Русскій Царь не иначе можетъ угнетать дворянство, какъ предоставивъ дворянству право угнетать низшія сословія; финансы уже были въ разстройствѣ; война съ Франціею и съ Англіею была глупо-начата, глупо-ведена; генералитетъ составленъ большею частію изъ дураковъ; наши храбрые солдаты, столь достойные уваженія и почтенія, не только за свое беззавѣтное мужество, но и за свое высокое самоотверженіе, часто лишены были необходимаго, между тѣмъ какъ начальники ихъ жили роскошно, пріобрѣтая эту роскошь грабежемъ насчетъ бѣдныхъ солдатъ; союзъ съ Австріею ставилъ Россію въ затруднительное и неприличное положеніе: во первыхъ потому, что основою ему служила система политики отсталой и вредной, а во-вторыхъ потому,

что Австрія, въ теченіи цѣлаго полу-тора вѣка, обманывала постоянно Россію и привсякомъ случаѣ измѣняла ей. Наконецъ, во всей Европѣ, общественное мнѣніе возстало противъ Россіи, раздраженное дерзостію и глупостію Николая Павловича, который, обративъ себя въ европейскаго оберъ-полиціймейстера самодержавія, вздумалъ предписывать всѣмъ Императорамъ и Королямъ какимъ образомъ они должны дѣйствовать и поступать, и, какъ мы сказали выше, считалъ всѣ благородныя чувства государственными преступленіями. Вотъ положеніе Россіи при восшествіи на престолъ Александра II.

Язва крѣпостнаго состоянія разъѣдала Россію, и необходимо было поскорѣе искоренить эту язву. Но въ большое заблужденіе впали тѣ, которые воображаютъ, что можно заняться однимъ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, не приступая немедленноже къ преобразованію частей судебной и административной, не приведя финансы въ порядокъ, не посадивъ на высшія должности людей честныхъ и способныхъ. Мы часто слышимъ слова: „да нельзя дѣлать всего вдругъ!“ Правда, задача трудная, но избѣжать ея никакъ невозможно; прежнее царствованіе довело дѣла до того, что все общественное зданіе

грозитъ разрушеніемъ, если не приступятъ къ немедленной перестройкѣ всѣхъ частей его; подпорки, полу-мѣры уже никуда не годятся, и только могутъ ускорить паденіе зданія. Остается одно средство спасенія: приступить къ перестройкѣ немедленной и разумной, тоесть учинить реформы дѣльныя, мудрыя, учинить ихъ твердо и неуклонно, прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія и слѣдуя ему.

Дворянство губерній Виленской, Гродненской и Ковенской, сосѣднее съ Пруссіею, могло ясно видѣть въ своемъ сосѣдствѣ благотворное дѣйствіе правленія конституціоннаго, основаннаго на свободѣ личной и на правахъ гражданскихъ; при учрежденіи комитетовъ о введеніи инвентарей, оно рѣшилось просить Правительство о совершенномъ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Рескриптомъ 20 Ноября 1857 года разрѣшено было дворянству этихъ трехъ губерній исполнить свое желаніе и для этого составить губернскіе комитеты. Стародуры переполошились, тѣмъ болѣе, что Главный крестьянскій комитетъ, учрежденный 2 Января 1857 года, въ теченіи десяти мѣсяцевъ засѣданій, ровно ничего не сдѣлалъ: большая часть членовъ этаго комитета и самъ предсѣдатель его, Князь Орловъ, съ него-

дованіемъ взирали на уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Стародуры прибѣгли къ тому средству, которое имъ такъ хорошо удавалось при Николаѣ Павловичѣ: они стали кричать о неизбѣжности мятежей между крестьянами, будто крестьяне, имѣющіе въ виду близкое освобожденіе, стали-бы скорѣе бунтовать чѣмъ въ своемъ прежнемъ, безвыходномъ положеніи. Своими интригами, стародуры достигли до того, что Правительство, во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, замѣнило слово: *освобожденіе* (помѣщенное въ рескриптахъ, данныхъ дворянству губерній Виленской, Гродненской и Ковенской) словомъ *улучшеніе быта Крестьянъ*. Ничего не могло быть смѣшнѣе и глупѣе подобной полумѣры, принятой подъ напоромъ закоренѣлыхъ стародуровъ.

Стародуры надѣялись, что большинство провинціальнаго дворянства не будетъ сочувствовать реформамъ, и успѣетъ остановить дѣйствіе ихъ. Они не ошиблись въ первомъ своемъ предположеніи, но совершенно ошиблись во второмъ. Большинство провинціальнаго дворянства возстало противъ эманципаціи, но образованное меньшинство, въ соединеніи съ общественнымъ мнѣніемъ обѣихъ столицъ, съ журналистикою, со всѣми честными и здраво-мыслящими людьми Россіи, рѣ-

шительно двинулось по стезѣ реформъ. Это была блистательная минута въ исторіи нашего отечества: цѣлая нація рабовъ очнулась отъ долговременнаго сна и устремилась по пути, долженствующему привести ея къ положенію націи свободной. Что всего поразительнѣе, это то, что долговременное рабство не погасило ни благородныхъ чувствъ, ни свѣтлыхъ мыслей въ этомъ народѣ, столь богато-одаренномъ отъ природы. Исполненный твердой увѣренности въ будущее, онъ ожидаетъ, въ величавомъ спокойствіи, результата работъ всѣхъ комитетовъ и всѣхъ коммиссій, коимъ ввѣрена грядущая судьба его. Но не совѣтуемъ стародурамъ впадать въ ошибку, и воображать себѣ, что народу неизвѣстны и его человѣческія права и его могущество. Вчерашніе рабы содѣлались людьми; они ждутъ своего освобожденія, и горе Россіи, если-бы стародурамъ удалось исполнить свои неразумныя желанія, состоящія въ томъ, чтобы обмануть крѣпостныхъ людей дарованіемъ имъ, вмѣсто настоящаго освобожденія, ложной свободы прикрытой именемъ *обязанной работы*. Если-бы стародурамъ, чего Боже упаси! удалось привести желанія свои въ исполненіе, то по нашему несчастному отечеству потекли-бы рѣки крови.

Это направленіе стародуровъ выразилось въ безтолковомъ циркулярѣ Главнаго крестьянскаго комитета отъ 17 Апрѣля 1858 года, совершенно-безразсудномъ, равно какъ съ точки зрѣнія политической, такъ и съ точки зрѣнія хозяйственной. Циркуляръ этотъ, предписывающій всѣмъ губернскимъ комитетамъ дѣйствовать на основаніи принципа обязанной работы, принятъ былъ людьми образованнымы и благонамѣренными съ чувствомъ глубокой грусти, а стародурами съ ликованіемъ.

Когда Правительство рѣшилось наконецъ приступить къ разрѣшенію вопроса столь важнаго, столь исполинскаго, какъ освобожденіе цѣлой трети населенія Имперіи, освобожденіе двадцати-двухъ милліоновъ людей, рѣшилось приступить къ разрѣшенію вопроса, влекущаго за собою не минуемое преобразованіе всѣхъ частей управленія, чего казалось проще, логичнѣе, естественнѣе, какъ пригласить къ себѣ въ сотрудники общественное мнѣніе, предоставивъ ему выражаться посредствомъ гласности. Самый здравый смыслъ указывалъ на подобный исходъ. Поступать иначе, дѣйствовать подъ покровомъ тайны, значило добровольно итти на всякія препятствія. Но стародуры, къ числу коихъ принадлежатъ и чиновная

орда и царская дворня, не хотѣли слышать о эманципаціи; всѣми силами старались ставить ей преграды, и пользуясь неразумiемъ Правительства, убѣдили его воспретить журналистикѣ разсмотрѣніе крестьянскаго вопроса съ иной точки зрѣнія, какъ съ точки обязанной работы. Это нелѣпое запрещеніе, нѣсколько разъ снятое, но потомъ почти немедленно возстановляемое, много содѣйствовало къ затемнѣнію крестьянскаго вопроса.

Въ Циркулярѣ 17 Апрѣля ничего не было сказано о гласности засѣданій губернскихъ комитетовъ. Казалось, само приличіе требовало допускать къ присутствію при ихъ засѣданіяхъ покрайней-мѣрѣ дворянъ той губерніи, члены комитета коей и засѣдали тольковъ званіи представителей этихъ дворянъ. Но стародуры столь ненавидятъ гласность и столь боятся ея, что за исключеніемъ весьма немногихъ губерній, напримѣръ Тверской, Орловской, Нижегородской, большинство членовъ въ прочихъ губерніяхъ требовало и достигло тайны засѣданій. Даже комитеты Московскій и Петербургскій, этихъ двухъ столицъ, въ коихъ находится столь значительное число людей образованныхъ, совершали свои занятія подъ покровомъ оффиціальной тайны вполнѣ достойной смѣха! Исходъ можно было

предвидѣть: большинство губернскихъ проэктовъ было запечатлѣно явнымъ желаніемъ обратить эманципацію въ пуфъ.

Мы нарочно употребляемъ выраженіе: *оффиціальной тайны.* Надобно быть столь чуждымъ всѣмъ здравымъ государственнымъ понятіямъ, какъ стародуры, чтобы вообразить себѣ какуюнибудь возможность сохраненія тайны, въ вопросѣ столь важномъ и столь близкомъ ко всѣмъ интересамъ, какъ частнымъ, такъ и общественнымъ. Во время засѣданій губернскихъ комитетовъ, мы проѣзжали черезъ Тулу и черезъ Москву, мы жили въ Петербургѣ, и можемъ увѣрить господъ стародуровъ, что всѣ подробности засѣданій извѣстны были, не только людямъ, имѣющимъ свѣтскія связи, но и вообще всей массѣ публики. Единственнымъ послѣдствіемъ оффиціальной тайны было раздраженіе общественнаго мнѣнія, видѣвшаго, что большинство членовъ комитетовъ не только не исполняетъ своего долга передъ отечествомъ, но еще и не имѣетъ яснаго понятія о своихъ собственныхъ выгодахъ. Надобно отдать справедливость меньшинству членовъ почти всѣхъ комитетовъ: они требовали гласности, и не получивъ ея, благородными протестами сняли съ себя всякую отвѣтственность передъ отечествомъ и въ глазахъ исторіи.

По окончаніи засѣданій комитетовъ и по составленіи ими проэктовъ, что оставалось дѣлать правительству? Проэкты, по законному порядку, слѣдовало представить наразсмотрѣніе Главнаго комитета по крестьянскому Дѣлу. Но не говоря уже о томъ, что большинство членовъ этого комитета, начиная съ предсѣдателя, отличалось упорствомъ, у однихъ явнымъ, у другихъ скрытымъ, противъ реформъ и противъ идей новыхъ и здравыхъ, кромѣ того, изъ всѣхъ членовъ этаго комитета, не было ниоднаго, который бы живалъ въ деревнѣ, и мало-мальски знакомъ былъ съ условіями и потребностями жизни сельской въ Россіи.

Правительству толькои оставалось: вручить разрѣшеніе крестьянскаго вопроса комитету новому, составленному изъ людей болѣе способныхъ и болѣе уважаемыхъ, чѣмъ большинство членовъ Главнаго крестьянскаго комитета; оставалось пригласить въ этотъ новый комитетъ людей, выказавшихъ, въ засѣданіяхъ губернскихъ комитетовъ, свои способности и свое знаніе дѣла; поставить новый комитетъ подъ благотворное вліяніе общественнаго мнѣнія, предоставивъ его засѣданіямъ нѣкоторую публичность, а протоколамъ его гласность полную и безграничную, и пригласить журналы содѣйство-

вать работамъ комитета, разсмотрѣніемъ всѣхъ вопросовъ, какія только могли представиться. Правительство не послѣдовало по этому пути, который одинъ могъ вести къ правильному и логическому разрѣшенію исполинскаго вопроса эманципаціи. Правительство учредило новый комитетъ, коему дало названіе *редакціонной коммиссіи*, съ цѣлію, этимъ новымъ названіемъ, пощадить самолюбіе бездарныхъ стариковъ, засѣдающихъ въ Главномъ крестьянскомъ комитетѣ. Редакціонной коммиссіи предписано было приготовить проэкты, будто-бы предназначенные къ окончательному разсмотрѣнію въ Главномъ комитетѣ. Редакціонная коммиссія раздѣлена была на четыре отдѣленія: хозяйственное, юридическое, административное и финансовое; отдѣленія эти иногда имѣли засѣданія отдѣльныя; иногда общія, но правительство не допустило гласности, и ограничилось раздачею и разсылкою протоколовъ тѣмъ лишь лицамъ, коимъ предсѣдателю коммиссіи угодно было ихъ сообщать. Ни публика, ни журналистика не были призваны къ участію въ разрѣшеніи вопроса, отъ коего зависитъ вся будущность Россіи. Правительство и тутъ не умѣло вполнѣ освободиться отъ жалкихъ и вредныхъ преданій бюрократіи и оффиціальной тайны.

А между тѣмъ, въ рѣдкіе промежутки времени, когда русская цензура приходила, случайно, въ состояніе здраваго разсудка, когда журналамъ и писателямъ разрѣшено было разсуждать объ эманципаціи во всѣхъ ея возможныхъ видахъ, должно сказать къ чести русскихъ писателей, что они разсматривали этотъ вопросъ, какъ и всѣ прочіе, съ благородствомъ и возвышенностію чувствъ, вполнѣ достойныхъ уваженія, разсматривали съ высокой точки зрѣнія и съ ясностію взгляда, вполнѣ достойныхъ публицистовъ самыхъ образованныхъ странъ Европы. Этими не продолжительными смягченіями цензурной строгости, русскіе писатели воспользовались для разсмотрѣнія и обсужденія вопроса эманципаціи со всѣхъ его сторонъ, и если, въ настоящее время, вопросъ этотъ уяснился въ глазахъ общественнаго мнѣнія, если понятія справедливости, правды, человѣчности пустили въ Россіи глубокіе корни, то всѣмъ этимъ обязаны мы русскимъ писателямъ. Какія необъятныя заслуги могла-бы оказать еще русская литтература, если-бы правительство не зажимало ей уста, и призвалобы себѣ въ содѣйствіе ея способности и отчизнолюбіе!

При учрежденіи редакціонной коммиссіи возникали два важные вопроса: о ея

составѣ и о кругѣ дѣйствій ея. Нельзя было ограничиваться разсмотрѣніемъ одних губернскихъ проэктовъ; надобно было итти прямо къ цѣли, и за извѣстною всѣмъ неспособностію Главнаго комитета совершить что-либо дѣльное и практическое, необходимо было составить въ редакціонной коммиссіи проэктъ полный, во всѣхъ его частяхъ. Правительство, подъ вліяніемъ чиновной орды, совершило новую, огромную ошибку: оно приняло за основаніе невозможный и опасный принципъ работы обязанной, или оброка прямо платимаго крестьянами своимъ бывшимъ помѣщикамъ, и объявило невозможнымъ немедленный выкупъ, составляющій единственный возможный и мирный исходъ, единственный путь, какоемъ правительство неподвержено опасности встрѣтить революцію. На этомъ основаніи совершенъ былъ и выборъ членовъ: вмѣсто того, чтобы имѣть въ коммиссіи представителей всѣхъ мнѣній, она составлена была исключительно изъ противниковъ немедленнаго выкупа, а защитники его не были приглашены къ засѣданію въ коммиссіи.

Коммиссія эта была составлена, большею частію, изъ чиновниковъ образованныхъ, но совершенно-чуждыхъ знанію потребностей, нуждъ и необходимостей

жизни сельской. Меньшинство коммиссіи составлено было изъ помѣщиковъ, которые могли-бы знать жизнь сельскую, но раздѣляли всѣ заблужденія своихъ товарищей-горожанъ, и вовсе не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ. Коммиссія допускала выкупы частные, отдѣльные, совершающіеся по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, но не допускала выкупа общаго, немедленнаго, обязательнаго; она не видѣла, что послѣ эманципаціи, сохраненіе обязанной работы-естьнелѣпость, и нелѣпость вредная; что это значитъ ставить оба сословія помѣщиковъ и крестьянъ въ положеніе вражды взаимной, постоянной, вражды, неимѣющей другаго исхода, какъ раззореніе помѣщиковъ и революцію въ Государствѣ. Коммиссія не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ, и породила проэкты самые нелѣпые; занятія ея являли зрѣлище постоянной борьбы теорій противъ дѣйствительности; бюрократическихъ соображеній противъ здраваго смысла, и, къ довершенію бѣды, правительство, запретивъ литературѣ вмѣшиваться въ разсмотрѣніе крестьянскаго вопроса, лишило редакціонную коммисію единственнаго свѣточа, который-бы могъ озарять ея труды и указывать онымъ полезное направленіе.

Каждому губернскому комитету пред-

писано было послать въ Петербургъ двухъ депутатовъ для совѣщанія съ редакціонною коммиссіею. Мѣра эта, сама по-себѣ прекрасная, далеко не могла замѣнить неисчислимыхъ выгодъ гласности, безъ коей Коммиссія безпрестанно-заблуждалась. Девятнадцать губерній, прежде другихъ окончившія свои занятія, были приглашены послать въ Петербургъ депутатовъ. Это были губерніи:

Московская
С. Петербургская.
Астраханская
Владимірская
Воронежская
Вятская
Костромская
Нижегородская
Новгородская
Полтавская
Псковская
Рязанская
Саратовская
Симбирская
Тамбовская
Тверская
Харьковская
Черниговская
Ярославская.

Замѣчанія на проэкты редакціонной коммиссіи, представленныя губернскими депутатами, приняты были этою коммиссіею свысока и почти съ презрѣніемъ, которое могло-бы показаться необъяснимымъ, если-бы не были давно извѣстными надменность и чванство русской бюрократіи. Правительство дошло до смѣшнаго въ отказѣ, имъ сдѣланномъ, дозволить депутатамъ оффиціально собираться всѣмъ вмѣстѣ для разсужденія о крестьянскомъ

вопросѣ. Коммиссія приглашала отдѣльно депутатовъ, предлагала имъ вопросы каждому порознь, но никакъ не приглашала всѣхъ депутатовъ, общимъ собраніемъ, къ участію въ ея трудахъ. (Совѣтуемъ прочесть любопытную брошюру, напечатанную въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: *Депутаты и редакціонная коммиссія).* Пятеро изъ нихъ: бывшій въ то время Тверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Алексѣй Михайловичъ Унковскій; Ярославскіе депутаты Г. г. Павелъ Дубровинъ и Демосѳенъ Васильевъ, и Харьковскіе депутаты Г. г. Дмитрій Хрущовъ и Александръ Шретеръ, представили Государю письмо, замѣчательное по ясному пониманію дѣла и поздравому направленію мыслей. Вотъ оно:

Всемилостивѣйшій Государь!

Державнымъ словомъ Вашего Императорскаго Величества объ освобожденіи крестьянъ, Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ въ исторіи нашего Отечества. Ему предстоятъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій.

Первый изтекаетъ изъ любви Вашей, Государь, къ Россіи и ея счастію.

Второй можетъ быть послѣдствіемъ

неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа.

Въ неизрѣченной милости Вашей, великодушный Монархъ, къ дворянству, вы призвали наше сословіе къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразованія быта земледѣльцевъ.

Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ отъ Дворянскихъ комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданнически высказать Вашему Величеству мнѣнія наши о направленіи, полученномъ нынѣ крестьянскимъ дѣломъ.

Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ Вамъ, Государь, и живой преданности къ престолу и отечеству.

Да будетъ надъ нами судъ Вашего Величества.

Согласно Высочайше утвержденной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ инструкціи, мы представили въ Редакціонныя коммиссіи нашѣ подробныя соображенія и замѣчанія, но изъ внимательнаго изученія заключеній коммиссій, мы убѣдились, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей, въ большей части губерній, помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ

вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ; и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ быть свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками: ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословій.

Вѣруя въ благодушіе Вашего Величества; зная волю Вашу, Государь, чтобъ Россія шла путемъ мирнаго развитія; убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность, и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда, мы дерзаемъ, Государь, всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о нижеслѣдующемъ:

1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ.
2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.
3. Учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, со введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства, и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ, и
4. Дать возможность обществу, путемъ печатной гласности, доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ нами основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше,

Государь, наши откровенныя убѣжденія, въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе Ваше къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльною любовью къ престолу и Отечеству."

Подлинное подписали:

Дмитрій Хрущовъ, членъ Харьковскаго Комитета.
Александръ Шретеръ, членъ Харьковскаго Комитета.
Алексѣй Унковскій, Предсѣдатель Тверскаго Комитета.
Демосѳенъ Васильевъ, членъ Ярославскаго Комитета.
Павелъ Дубровинъ, членъ Ярославскаго Комитета.

Октября 16 дня 1859 года.

Это письмо, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь почтительное къ особѣ Царской, сильно раздражило всемогущуючиновную орду, которая, черезъ царскую дворню и черезъ интриги сей послѣдней, побудила Государя велѣть объявить замѣчаніе пяти истинно-почтеннымъ лицамъ, подписавшимъ это письмо, *за неправильныя и неумѣстныя ихъ домогательства.* Осмнадцать другихъ депутатовъ, ходатайствовавшихъ о дозволеніи имѣть общія засѣданія, получили отъ начальниковъ губерній отношенія *съ разъясненіями,* по Высочайшему повелѣнію, *что имѣя въ виду Высочайшею*

властію одобренный порядокъ своихъ дѣйствій, они не должны были утруждать Его Императорское Величество ходатайствомъ, къ измѣненію сего порядка клонящимся, и что члены не имѣли права подавать подобную просьбу за общимъ ихъ всѣхъ подписомъ.

Возвратясь въ свои губерніи, депутаты разсказали о всемъ происшедшемъ, о пріемѣ, имъ сдѣланномъ, о полученныхъ ими замѣчаніяхъ. .Этотъ деспотизмъ Петербургской чиновной орды раздражилъ всѣхъ; негодованіе распространилось по губерніямъ, и всѣ честные и благомыслящіе люди пришли къ тому заключенію: что хотя у Александра Николаевича намѣренія хорошія, но окружающіе его люди никуда не годятся, и что русскіе чиновники достойны презрѣнія, которое еще возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ взираешь на лицъ, занимающихъ высшія ступени служебной іерархіи.

6 Февраля 1860 года скончался Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ, учредитель и предсѣдатель редакціонной коммиссіи. Человѣкъ съ весьма добрымъ сердцемъ; очень любимый въ частной жизни за свои личныя качества, за свою обязательность, за свою вѣжливость, съ умомъ весьма недальнимъ, онъ былъ одаренъ тончайшею хитростію. Искусный и ловкій царедворецъ,

онъ съумѣлъ пріобрѣсти вполнѣ личное расположеніе и довѣріе Александра Николаевича, и положеніе его было весьма блистательно, доколѣ невозникли въ Россіи политическіе вопросы. Когда эти вопросы возникли, когда Россіи пришлось итти по стезѣ новой, хитрости и ловкости было уже недостаточно; необходимы были способности человѣка государственнаго, а этихъ способностей совершенно недоставало генералу Ростовцову. Желая, по своему доброму сердцу, всѣмъ угодить и всѣмъ нравиться, онъ надѣялся достигнуть невозможнаго: тоесть заслужить репутацію либерала, не перессорясь со стародурами. На политическомъ поприщѣ, человѣкъ, желающій всѣмъ нравиться, неминуемо достигаетъ до того, что со всѣми перессорится: такъ и случилось съ генераломъ Ростовцовымъ. Въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, приверженцами его остались лишь тѣ люди, которые разсчитывали на его вліяніе при Дворѣ для успѣха своихъ личныхъ видовъ. Эта совершенная неудача исполнила сердце его горестію; настигнутый тяжкою болѣзнію (карбункуломъ), онъ быстро клонился къ концу, и умеръ, оставивъ по себѣ память человѣка добраго, но имѣвшаго не осторожность принять на рамена свои бремя, слишкомъ для него тяжелое.

На мѣсто Ростовцова назначенъ былъ, къ радости стародуровъ, къ огорченію и ужасу людей просвѣщенныхъ, и къ неописанному удивленію всѣхъ, одаренныхъ здравымъ разсудкомъ-Ханъ-Панинъ! Ввѣрить исполненіе самой исполинской реформы, о коей только шла рѣчь когда-либо въ русскои исторіи, и съ коею неразрывно связана вся будущность Россіи, ввѣрить это человѣку, всѣмъ извѣстному за врага заклятаго всѣхъ реформъ, всѣхъ улучшеній, всѣмъ извѣстному за приверженца закоснѣлаго всѣхъ злоупотребленій, всѣхъ стародурствъ, наконецъ человѣку съ разстроеннымъ разсудкомъ, полупомѣшанному, это такая ошибка, что для оцѣнки ея по всей справедливости невозможно найти приличныхъ выраженій!

Для увеличенія огромнаго числа ошибокъ правительства, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ угожденіе стародурамъ и царской дворнѣ, имѣлъ нелѣпость присовѣтывать Государю запретить всякое разсужденіе о крестьянскомъ вопросѣ на тѣхъ изъ губернскихъ дворянскихъ выборахъ, коимъ слѣдовало происходить зимою 1859 — 1860 года. Въ Тверской губерніи, (комитетъ коей, по уму, практичности и отчизнолюбію, безспорно занялъ первое мѣсто между всѣми губернскими комитетами и пріобрѣлъ себѣ почетную страницу

въ русской исторіи), на дворянскихъ выборахъ, лишь только, 12 Декабря, нѣкоторые дворяне предложили собранію разсмотрѣніе современнаго положенія крестьянскаго вопроса, имъ тотчасъ прочитано было отношеніе губернатора графа Баранова къ Тверскому губернскому предводителю, почтенному Алексѣю Михайловичу Унковскому, въ коемъ сказано, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Ланской, увѣдомилъ губернатора о томъ, что по Высочайшему повелѣнію, *дворянство, на собраніяхъ своихъ, недолжно входить ни въ какія сужденія по предметамъ, до крестьянскаго вопроса касающимся.* Тогда одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ Тверской губерніи, Александръ Ивановичъ Европеусъ, сказалъ: „Господа! По прочтеніи 77й статьи I тома Законовъ основныхъ было сказано, что такъ какъ въ ней упомянуто о представленіи г. министру настоящаго случая не чиня исполненія, то предполагаютъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ, не смотря на запрещеніе. По моему мнѣнію, то мѣсто 77й статьи, гдѣ говорится“ не чиня исполненія“ не значитъ именно, что можно намъ поступать прямо вопреки высочайшей волѣ, но что это означаетъ только, что мы должны пріостановиться въ сужденіяхъ нашихъ до разрѣшенія недоумѣнья

этого административнымъ порядкомъ, указаннымъ 77й статьею. Настало время, господа, понять, что пользованіе законнымъ правомъ нашимъ не есть исключительная привиллегія одного сословія, но исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ко всему обществу. Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы, и служитъ единственной законной гарантіей противъ произвола бюрократіи всеугнетающей, ничего не понимающей, ничего неисполняющей и всего боящейся; бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества и воли государя императора. Изъ разсмотрѣнныхъ нами сегодня вопросовъ о земскихъ повинностяхъ и нашемъ капиталѣ, вы можете видѣть, господа, до какой степени простирается ея произволъ и неисполненіе Законовъ. Не станемъ же подражать въ нашихъ дѣйствіяхъ этой бюрократіи, которая для своихъ выгодъ искажаетъ, Законы, дѣйствуя придирками. Докажемъ нашими дѣйствіями, что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими и что мы можемъ, со всѣмъ достоинствомъ правильнаго совѣщательнаго собранія, протесто-

вать оффиціальнымъ образомъ и на основаніи Закона. Это составляетъ нашъ долгъ передъ лицемъ общества и всей Россіи. Въ заключеніе прошу позволенія прочесть слѣдующее предложеніе: циркуляромъ г. министра вн. дѣлъ воспрещается губернскому собранію входить въ какія бы то ни было сужденія, относящіяся до крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, по установленной Закономъ очереди занятій нашихъ, мы должны теперь приступить къ сужденію о нуждахъ и пользахъ дворянства, о которыхъ мы не можемъ ничего сказать, не нарушая означеннаго запрещенія, по причинѣ тѣсной и неразрывной его связи со всѣми интересами нашими. А потому принимая во вниманіе, что ограниченіе это нарушаетъ свободу пользованія нашими правами и прямо отмѣняетъ 112 и 135 статьи IX т. св. Зак. (изд. 1857 года) я, на основаніи 72й, 73й и 77й статьи I т. св. Зак., предлагаю просить г. губернскаго предводителя немедленно пріостановить собраніе, и поступить поточному смыслу 77й ст. I т., телеграфируя г. министру, а предложеніе это прошу балотировать.“

Во время этой рѣчи два раза раздавались громкія рукоплесканія. Предложеніе Г. Европеуса балотировано. Всего находилось въ собраніи 281 дворянъ; 184

подали голосъ въ пользу предложенія, 54 противъ, а 43 *струсили*, и не принимали участія въ балотировкѣ.

Губернаторъ графъ Барановъ, отношеніемъ отъ 13 Декабря увѣдомилъ губернскаго предводителя, что не находитъ нужнымъ входить съ представленіемъ къ министру, но отправилъ къ нему копію съ отношенія губернскаго предводителя; если-же Г. Предводитель считаетъ постановленіе дворянства законнымъ и находитъ себя вправѣ, то можетъ представить обо всемъ Г. министру посредствомъ телеграфа.

14 Декабря, по прочтеніи отношенія губернатора, дворянство разсуждало, что ему дѣлать. Г. Европеусъ сказалъ: „Г. Начальникъ губерніи можетъ понимать Законы *въ иномъ смыслѣ* чѣмъ мы, и не находить противорѣчія 77й статьи. Какъ административное лице онъ даже обязанъ такъ понимать, но онъ признаетъ и нашу свободу пониманій, указывая путь, которымъ мы можемъ разрѣшить сомнѣнія, прямымъ обращеніемъ къ верховной власти; а что недоразумѣнія существуютъ, подтверждается двойственностію взгляда, и слѣдовательно требуетъ настоятельно разрѣшенія. Что-же касается высказанной въ отношеніи губернатора мысли, что какъ вопросъ этотъ, сдѣлавшись обще-

ственнымъ, не даетъ права дворянству входить въ его разсмотрѣніе, то это невѣрно, ибо прямой смыслъ 135 ст. возлагаетъ обязанность на дворянство помогать правительству въ общественныхъ вопросахъ, чего мы не можемъ достигнуть молчаніемъ, которое ничему не способствуетъ и ничего не доказываетъ. Обѣщаніе, данное нами лично Государю, способствовать ему въ разрѣшеніи возбужденныхъ имъ вопросовъ, можетъ быть исполнено только свободнымъ обсужденіемъ ихъ въ нашей средѣ. Безсмысленное, мертвое молчаніе, въ этомъ важномъ случаѣ, было-бы нарушеніемъ нравственнаго нашего долга."

Предложено было послать прошеніе прямо къ Государю. На балотировкѣ, изъ 305 дворянъ находящихся въ этотъ день въ собраніи, 231 были въ пользу предложенія; 54 противъ, 20 *струсили*, и не принимали участія въ балотировкѣ. Прошеніе было немедленно составлено; подписано 155 дворянами и послано съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги на другой день, 15 Декабря. Вотъ его содержаніе:

Ваше Императорское Величество,
Всемилостивѣйшій Государь

Дворянство Тверской губерніи глубоко

проникнуто сознаніемъ о непоколебимости постановленій, исходящихъ отъ верховной власти. Эти постановленія опредѣляютъ положительно отношенія всѣхъ сословій и учрежденій къ лицамъ, имѣющимъ счастіе объявлять высочайшія вашего императорскаго величества повелѣнія. Сознавая, что право разсужденія о своихъ нуждахъ и пользахъ, дарованное дворянству прямымъ смысломъ 112 и 135 ст. IX т. св. Законовъ о состояніяхъ, по неразрывной связи своей съ крестьянскимъ вопросомъ, ограничивается нынѣ высочайшимъ повелѣніемъ вашего императорскаго величества, объявленнымъ циркулярнымъ предписаніемъ г. министра внут. дѣлъ, дворянство Тверской Губерніи считаетъ святымъ долгомъ слѣдовать указаніямъ положительныхъ узаконеній (77 ст., I т., Iй части Свода Законовъ основныхъ и 112 и 113 ст. IX т. Св. Зак. о состояніяхъ,) и повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе вашего императорскаго величества всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи губернскому собранію дворянства имѣть сужденіе о своихъ нуждахъ и пользахъ, не стѣсняясь возможною соприкосновенностію ихъ съ крестьянскимъ вопросомъ.

Хотя дворянство и было призвано къ участію въ разрѣшеніи этого вопроса посредствомъ губернскаго комитета, но

нынѣ находясь въ полномъ своемъ составѣ въ губернскомъ собраніи, при тѣхъ практическихъ свѣденіяхъ, которыя пріобрѣтены имъ въ сельско-хозяйственной жизни, и вынесены изъ соприкосновеній съ мѣстною администраціей, оно могло бы однимъ откровеннымъ обмѣномъ своихъ мыслей подготовить разрѣшеніе значительной части вопросовъ, которые представляютъ важныя затрудненія по крестьянскому дѣлу. Такимъ образомъ дворянство имѣло бы большую возможность выполнить обѣщанія, лично данныя имъ вашему императорскому величеству 11 Августа 1858 года, въ г. Твери. Если дворянство принимаетъ смѣлость обратиться прямо къ вашему императорскому величеству, то это оно дѣлаетъ вслѣдствіе знаменательныхъ словъ, сказанныхъ вами, всемилостивѣйтій государь, Псковскому дворянству. Тверское губернское собраніе съ полною надеждою ожидаетъ всемилостивѣйшаго разрѣшенія вашего императорскаго величества на всеподданнѣйшее свое прошеніе. Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣемъ счастіе именоваться

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданными.

Въ Петербургѣ, изъ числа министровъ, Ханъ-Панинъ, всесорящійся Чевкинъ, политическій хамелеонъ Мих. Ник. Му-

равьевъ и тупоумный Князь Василій Андреевичь Долгоруковъ сильно возстали противъ Тверскаго дворянства и Государь, подъ ихъ пагубнымъ вліяніемъ, разрѣшилъ министру внутреннихъ дѣлъ, слабоумному старцу Ланскому написать, *что всеподданнѣйшее прошеніе оставлено Государемъ безъ послѣдствій.* И немедленно за этою фразою, объявлены тутъ же послѣдствія прошенія: *немедленное удаленіе Г. Унковскаго отъ должности тверскаго губернскаго предводителя, вмѣняя ему между прочимъ въ обвиненіе, что онъ первый подписалъ прошеніе.* Такимъ образомъ, высшее Правительство оказало совершенное незнаніе русскаго языка, потому что смѣшало слово *послѣдствіе* сословомъ *вниманіе* (оно вѣроятно хотѣло сказать, что оставляетъ прошеніе безъ вниманія), и совершенное незнаніе русскихъ законовъ, потому-что губернскій предводитель не можетъ подписаться иначе, какъ первымъ. Возможно-ли надѣяться на возстановленіе въ Россіи хорошаго порядка, доколѣ высшее Правительство будетъ отличаться совершеннымъ незнаніемъ, и законовъ отечественныхъ и самаго языка?

Нелѣпое и дерзкое отношеніе Ланскаго, отъ 18 Декабря, было сообщено губернаторомъ графомъ Барановымъ Г. Унковскому 19 Декабря, и прочтено въ Собра-

нiи Дворянства 20 Декабря. Г. Унковскiй оставилъ предводительское кресло, которое занялъ Тверскiй уѣздный предводитель. На слѣдующiй день, 21 Декабря, происходили выборы, и въ осьми уѣздахъ выборовъ въ предводители и депутаты не состоялось; большая часть дворянъ не хотѣла принять этихъ должностей, а тѣ, которые соглашались принять, были забалотированы. Въ четырехъ уѣздахъ, Кашинскомъ, Бѣжецкомъ, Колязинскомъ и Зубцовскомъ, наполненныхъ стародурами, выборы состоялись. Въ губернскiе предводители просились двое: обоихъ забалотировали, и Зубцовскiй уѣздный предводитель Клокачевъ, извѣстный стародуръ, вступилъ въ исправленiе должности губернскаго предводителя.

Дворяне, въ знакъ признательности къ Г. Унковскому, постановили учредить двѣнадцать стипендiй въ Московскомъ университетѣ подъ названiемъ *стипендiй Унковскаго*, съ предоставленiемъ ему права назначенiя лицъ на эти стипендiи. 22 Декабря, большинство дворянъ поѣхало къ Г. Унковскому благодарить его за полезную дѣятельность; потомъ отправилось къ Губернатору, и объявило ему, что просятъ объяснить правительству, что дворянство не находитъ своихъ дѣйствiй незаконными, но если правительство на-

ходитъ дѣйствія Г. Унковскаго неправильными, то вина Г. Унковскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вина всего Дворянства!

Исправляющій должность губернскаго предводителя Клокачевъ хотѣлъ, въ противность всѣмъ законамъ, уничтожить постановленіе большинства дворянства о учрежденій Унковскихъ стипендій и писалъ доносы на тверское дворянство. Въ слѣдствіе этихъ гнусностей Г. Клокачева, Г. г. Унковскій и Европеусъ были схвачены ночью жандармами, и отправлены въ ссылку: Унковскій въ Вятку, а Европеусъ въ Пермь. Г. Головачевъ, помѣщикъ Корчевскаго уѣзда, также человѣкъ замѣчательнаго ума, за свое противодѣйствіе мерзостямъ Г. Клокачева, посаженъ, по распоряженію правительства, на три мѣсяца на гауптвахту.

Теперь спрашивается, гдѣ тутъ состороны правительства законность, справедливость, политическій умъ, здравый разсудокъ? Чиновная орда и нѣкоторое число мошенниковъ и глупцовъ въ лентахъ вертятъ Государемъ по своей прихоти, и распоряжаются въ Россіи точно въ Хивѣ или въ Бухарѣ.

Возвратимся къ редакціонной коммиссіи, которая съ своей стороны не осталась въ долгу нелѣпостей передъ правительствомъ. Бюрократическая страсть

брать жизнь народную въ полную опеку, распоряжаться ею, водить народъ на помочахъ, какъ дитя неразумное, опутывая и стѣсняя его сѣтію формальностей неисполнимыхъ, страсть эта вполнѣ выразилась въ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ редакціонной коммиссіи, и вовлекла ее въ большіе промахи, которые были-бы весьма смѣшными, если бы не заключали въ себѣ, въ тоже время, зародыша великихъ опасностей въ будущемъ. Вотъ нѣкоторыя постановленія редакціонной коммиссіи:

1. Если крестьяне не исполняютъ обязанной работы, то помѣщикъ можетъ нанять вольнорабочихъ (*Развѣ на это необходимо разрѣшеніе?*)

2. Въ этомъ случаѣ, помѣщикъ можетъ принести жалобу (*еще-бы ему запрещено было жаловаться*); производится слѣдствіе, и если жалоба окажется справедливою, то помѣщикъ имѣетъ право на вознагражденіе (*вотъ зародышъ безчисленныхъ тяжбъ, этихъ золотыхъ пріисковъ чиновной орды*).

3. Если крестьянинъ дурно исполнитъ работу, помѣщикъ можетъ требовать свидѣтельства о томъ отъ сельскаго старшины и отъ понятаго со стороны, и виновный долженъ будетъ снова исполнить работу, или подвергнется взысканію. (*Но если помѣщикъ будетъ утверждать, что*

поле вспахано дурно, а старшина и понятый будутъ спорить, что оно вспахано хорошо, то придется начинать тяжбу, а поле оставлять незасѣяннымъ, для судебнаго освидѣтельствованія! Если помѣщикъ будетъ утверждать, что хлѣбъ въ полѣ или трава на лугу дурно скошены, а старшина съ этимъ не будетъ соглашаться, то придется начинать тяжбу, а хлѣбъ или траву оставлять нарядахъ, на порчу дождямъ, или на съѣденіе мышамъ! Вотъ до какихъ нелѣпостей доводитъ обязанная работа!)

4. Если община пошлетъ на помѣщичью работу работника неспособнаго, слабосильнаго, помѣщикъ можетъ требовать на смѣну его другаго (*а если община будетъ утверждать, что присланный ею работникъ годенъ, придется опять начинать процессъ? Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи борьбы ежедневной, упорной, неисходной, поставлены будутъ помѣщики къ своимъ обязаннымъ работникамъ!)*

5. Крестьяне должны имѣть закономъ опредѣленное право рубки въ лѣсахъ помѣщичьихъ (по истинѣ непонятно, какимъ образомъ редакціонная коммиссія не могла видѣть, ни даже постичь всей огромности злоупотребленій, вызываемыхъ подобнымъ закономъ, явнымъ послѣд-

ствіемъ коего будетъ, что за отсутствіемъ хорошаго лѣснаго устава (почти невозможнаго въ Россіи за ея обширностію и малонаселенностію) большинство помѣщиковъ поспѣшитъ вырубать свои лѣса, въ особенности въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ лѣсный матеріалъ дорогъ, и потому лѣса необходимѣе).

Вотъ до какихъ нелѣпостей достигнула коммиссія, составленная изъ людей весьма свѣдущихъ по многимъ и разнообразнымъ предметамъ, но большинство коихъ никогда не живало въ деревнѣ, совершенно чуждо условіямъ, потребностямъ и необходимостямъ жизни сельской, а нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи заражены и этою пагубною бюрократическою рутиною, отъ коей умъ тупѣетъ, сердце изсыхаетъ, и умные люди окончательно дурѣютъ.

Если бы, въ какой нибудь Европейской странѣ, желая учредить флотъ, составили-бы для этой цѣли комитетъ изъ земледѣльцевъ, никогда не видавшихъ ни одного морскаго залива, или, желая учредить фабрики химическихъ продуктовъ, составили бы для того комитетъ изъ людей, совершенно-чуждыхъ первымъ элементамъ химіи, что сказало-бы общественное мнѣніе? Въ Россіи, подобные факты-вещь обыденная, и потому спокойствіе на-

шего отечества находится въ опасности, которая грозитъ ему ближе, чѣмъ полагаютъ.

Приступая къ великому и почтенному дѣлу уничтоженія крѣпостнаго состоянія, правительство имѣло передъ собою, на выборъ, три пути:

1. Освободить крестьянъ безъ земли, предоставляя каждому пріобрѣсти себѣ собственность своимъ трудомъ;
2. Освободить крестьянъ съ землею, предоставивъ имъ прямо отъ себя вознаградить помѣщиковъ, обязанною работою, а кто въ состояніи, тои деньгами, капитализируя работу по цѣнѣ, закономъ опредѣленной.
3. Освободить крестьянъ съ землею, обязавъ ихъ платить, въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ, извѣстную сумму правительству, которое, съ своей стороны, немедленно вознаградитъ помѣщиковъ посредствомъ финансовыхъ оборотовъ.

Правительство избрало вторый путь. Разсмотримъ, разумно-ли оно поступило.

Крѣпостное состояніе противно и закону Божію и здравому правосудію человѣческому; крѣпостные люди имѣютъ неотъемлемое, священное право на полную и немедленную свободу. Это безспорно, но конечно они вовсе не имѣютъ ни малѣй-

шаго права на землю помѣщичью. Теперь возникаетъ вопросъ политическій. Согласно-ли съ осторожностію и съ мудростію истинно-государственными превращеніе двадцати-двухъ милліоновъ соотечественниковъ, тоесть цѣлой трети населенія Имперіи, въ бездомныхъ пролетаріевъ, однимъ словомъ учрежденіе, въ Россіи, новой Ирландіи въ обширныхъ размѣрахъ? Доселѣ, эти двадцать-два милліона Русскихъ не были людьми: они были вещами, не пользовались никакими гражданскими правами, и мы, ихъ господа, располагали ими по нашему произволу, частонеобузданному. Зато, они пользовались вполнѣ, на нашъ счетъ, пищею, одеждою и жилищемъ, а въ случаѣ несчастій непредвидѣнныхъ, подобно пожару и скотскому падежу, мы должны были имъ оказывать помощь, часто для насъ весьма убыточную. Сверхъ того, мы должны были отвѣчать, передъ правительствомъ, за ихъ подати и повинности. Нынѣ, отпуская ихъ на волю, отбирая отъ насъ власть, которую намъ никогда и не слѣдовалобы предоставлять надъ ними, но вмѣстѣ съ тѣмъ и снимая съ насъ всякія обязанности въ отношеніи къ нимъ, обязанности иногда для насъ убыточныя, согласноли съ правилами политики осторожной и предусмотрительной, ставить

эти двадцать-два милліона людей, цѣлую треть населенія Имперіи, въ положеніе работниковъ-бездомныхъ, пролетаріевъ, подверженныхъ вліянію всѣхъ колебаній цѣнъ найма? А въ случаѣ болѣзни, имъ придется умирать съ голода? Гласъ здравой политики не предписываетъ-ли непремѣнно воспользоваться минутою, единственною въ исторіи Россіи; минутою, которая уже никогда не повторится, для удаленія, покрайней мѣрѣ на долгій срокъ, опасностей пролетаріата, нынѣ угрожающаго бѣдствіями столь многимъ странамъ Европы? Дать крестьянамъ землютѣмъ необходимѣе и неизбѣжнѣе, что русскій крестьянинъ не понимаетъ свободы безъ земли; если ему недадутъ земли, онъ ее самъ себѣ возметъ, и никакая человѣческая сила ему въ этомъ помѣшать не можетъ. Имѣя землю, онъ, въ случаѣболѣзни, не будетъ шататься по мірубродягою, а найдетъ себѣ честное пристанище на этой землѣ, и между тѣмъ, землю эту онъ пріобрѣтетъ своимъ трудомъ, потому-что содѣлается владѣтелемъ ея лишь по совершенной уплатѣ слѣдующихъ за нее денегъ. Ознакомясь, черезъ трудъ свой, съ выгодами и наслажденіями собственности, онъ содѣлается трудолюбивымъ, и будетъ постепенно пріобрѣтать довольство и благосостояніе.

Мы видѣли примѣромъ Царства Поль-

скаго, что̀ значитъ свобода крестьянъ безъ земли? При введеніи, въ этой странѣ, въ 1807 году, Наполеонова кодекса, всѣ крестьяне получили свободу, но не получили земли, и положеніе ихъ сдѣлалось весьма тягостнымъ; они попали въ полную зависимость отъ помѣщиковъ, между тѣмъ какъ въ Пруссіи, гдѣ крестьяне освобождены были съ землею, положеніе ихъ значительно улучшилось, и цѣнность самыхъ помѣщичьихъ имѣній значительно поднялась, по причинѣ улучшенія сельскаго хозяйства, пріобрѣтенія чувства безопасности, и возникшаго вслѣдъ затѣмъ общаго благосостоянія. Крѣпостный человѣкъ, въ Россіи, вовсе не находился въ человѣческомъ положеніи: онъ уподоблялся лошади, закоей имѣютъ нѣкоторый уходъ, которую кормятъ чтобы пользоваться ея работою, но по крайней мѣрѣ онъ не нуждался въ физическихъ потребностяхъ, въ пищѣ, въ одеждѣ и въ укромномъ уголкѣ. Отпустить его на свободу, поставивъ въ опасность нуждаться въ пищѣ, въ одеждѣ и въ домовьѣ, не было-бы вовсе улучшеніемъ, но просто-на-просто ухудшеніемъ его быта, а дѣло идетъ объ цѣлой трети народонаселенія Имперіи! Притомъ, какъ мы сказали выше, русскій крестьянинъ имѣетъ твердое намѣреніе не принимать свободы безъ земли, и если

ему земли не дадутъ, онъ ее самъ за себя возметъ.

Крѣпостное состояніе учреждено было правительствомъ, почти три вѣка тому назадъ; поддерживаемо было законами, иногда достигающими до жестокости; до 1801 года оно было развиваемо всѣми возможными мѣрами, а болѣе всего раздачею цѣлыхъ селеній и волостей въ частное владѣніе. Наконецъ, до 1857 года, всякое гласное порицаніе крѣпостнаго состоянія считалось преступленіемъ противъ закона, и подвергало человѣка суду уголовному. Нынѣ правительство, постигнувъ наконецъ весь вредъ крѣпостнаго состоянія, провозгласило свое намѣреніе уничтожить этотъ пагубный политическій и гражданскій анахронизмъ. Но такъ какъ во всей Россіи, доходы помѣщичьи основаны, или на барщинѣ, или на оброкѣ, то необходимо, и по закону и по совѣсти, дать помѣщикамъ вознагражденіе, съ помощію коего русскіе помѣщики, большею частію неимѣющіе запаснаго капитала, могли-бы замѣнить барщину и оброкъ трудомъ вольнонаемнымъ, безъ капитала невозможнымъ. Опасно предаваться мечтаніямъ, и воображать себѣ, что съ отмѣненіемъ крѣпостнаго состоянія помѣщикамъ останется какая-либо возможность видѣть обязанную работу исполненную хорошо или получить оброкъ

исправно. Если Правительство не постановитъ выкупа немедленнаго и обязательнаго, то неминуемо, вмѣстѣ съ обязанною работою, возникнетъ множество тяжбъ, выгодныхъ лишь для одной чиновной орды, а вскорѣ дѣло дойдетъ и до кровавыхъ столкновеній между двумя сословіями помѣщиковъ и крестьянъ. Таковы будутъ неминуемыя послѣдствія сохраненія обязанной работы послѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія; таковъ будетъ окончательный результатъ дѣйствій редакціонной коммиссіи.

Дѣйствія эти еще можно было-бы понять, если-бы въ Россіи не знали, что такое обязанная работа? Но мы ее знаемъ, мы видѣли, къ чему она ведетъ! Помѣщики, имѣющіе полную власть надъ своими крѣпостными людьми, могущіе ихъ наказывать тѣлесно, могущіе ихъ ссылать, никогда не могли добиться, чтобы на барщинѣ работали хорошо и усердно. Всѣмъ, кто живалъ въ деревнѣ, извѣстно, что трое работниковъ вольно-наемныхъ, въ теченіи недѣли, наработаютъ болѣе, чѣмъ девять или десять тяголъ барщинныхъ. А редакціонная коммиссія, не взирая на всѣ эти неудобства, хочетъ сохранить обязанную работу послѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія! Тутъ явны продѣлки чиновной орды, хорошо вѣдающей, что уничтожая крѣпостное состояніе и сохраняя вмѣстѣ

съ тѣмъ работу обязанную, она подчиняетъ всѣхъ крестьянъ своей собственной власти, и что безчисленныя ссоры и тяжбы, какія неминуемо возникнутъ между помѣщиками и крестьянами, будутъ соотвѣтствовать, для чиновной орды, открытію новыхъ золотыхъ пріисковъ.

Редакціонная коммиссія постановила: что крестьянинъ можетъ выкупить свою обязанную работу или свой оброкъ, капитализируя ихъ по цыфрѣ, закономъ опредѣленной. Но у большей части крестьянъ нѣтъ денегъ; имъ самимъ выкупаться невозможно; все что для нихъ доступно, это ежегодные платежи въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ. Если сборъ этихъ платежей возложить на самихъ помѣщиковъ, то крестьяне платить будутъ неисправно, а во многихъ мѣстахъ и вовсе платить не будутъ. Возникнетъ множество столкновеній и тяжбъ, а этого-то и смертельно хочется чиновной ордѣ. Освобожденіе крестьянъ съ землею есть мѣра, по нашему мнѣнію, необходимая для безопасности будущихъ временъ, но это отчужденіе собственности помѣщичьей въ руки крестьянскія требуетъ вознагражденія, и вознагражденія дѣйствительнаго, настоящаго. Дать призракъ вознагражденія, какъ хочетъ редакціонная коммиссія, былобы ничѣмъ инымъ, какъ настоящимъ

грабежемъ. Почему не обязать крестьянъ ежегоднымъ платежемъ правительству, на извѣстное число лѣтъ, извѣстной суммы, а правительство вознаградитъ помѣщиковъ посредствомъ финансовыхъ мѣръ? Вѣдь язвою крѣпостнаго состоянія Россія обязана правительству, и вдругъ, когда дѣло идетъ объ излѣченіи этой язвы, правительство отказываетъ въ своемъ посредничествѣ въ предпріятіи, самомъ важномъ и самомъ благородномъ, какое только можетъ встрѣтиться на скрижаляхъ исторіи, въ предпріятіи самомъ полезномъ и спасительномъ для Россіи? Но подобный образъ дѣйствій совершенно недостоинъ правительства, образованность и на имѣющаго притязаніе на общественное уваженіе?

Когда Англія уничтожала рабство негровъ въ своихъ колоніяхъ, то заплатила владѣльцамъ денежное вознагражденіе, и даровала имъ, въ видѣ переходнаго состоянія на нѣсколько лѣтъ, право обязанной работы со стороны негровъ. Тогда (что именно и подтверждаетъ наши слова и нашъ протестъ противъ обязанной работы), сами владѣльцы, гораздо прежде истеченія срока, просили объ отмѣненіи этой работы, въ видахъ личной своей безопасности. Стремиться въ Россіи къ пугачевщинѣ и къ революціи, для насыщенія денежной алчности чиновной орды,

было бы явнымъ доказательствомъ и неоспоримаго слабоумія и совершеннаго недостатка всякой энергіи. Намъ случалось, въ Россіи, слышать отъ нѣкоторыхъ сановниковъ, что будто правительство не въ силахъ взимать съ крестьянъ ежегодные платежи. Но если правительство, имѣющее въ рукахъ своихъ нѣсколько сотъ тысячь войска и всѣ силы Государства, не въ состояніи собирать оброка съ крестьянъ, какъ же будетъ возможенъ его сборъ помѣщикамъ? Если люди, окружающіе Государя, считаютъ себя неспособными къ управленію Государствомъ (и въ этомъ случаѣ мнѣніе ихъ впервые совпадетъ со мнѣніемъ общественнымъ), то пусть они подадутъ въ отставку и уступятъ мѣста свои людямъ болѣе способнымъ. Удаленіе большей части нынѣшнихъ министровъ и сановниковъ преисполнило-бы восторгомъ сердца всѣхъ людей честныхъ и здравомыслящихъ, коихъ весьма много въ Россіи.

Главнымъ возраженіемъ противъ выкупа служитъ обыкновенно указаніе на плохое состояніе русскихъ финансовъ, состояніе недопускающее, будто-бы, исполненія финансоваго оборота, для выкупа необходимаго. На это должно сказать, вопервыхъ: что плохое состояніе русскихъ финансовъ вовсе не происходитъ отъ не-

достатка средствъ въ Государствѣ; напротивъ того, Россія богата и обильна во всѣхъ отношеніяхъ: недостаетъ только у нашей администраціи умѣнья разумно пользоваться этими богатствами, этимъ обиліемъ. Причинами плохаго состоянія финансовъ-казнокрадство, организованное и приведенное въ цѣлую и полную систему; отсутствіе гласности, влекущее за собою невозможность контроля, наконецъ смѣшная и дикая система содержать бюджетъ въ тайнѣ. Во-вторыхъ, въ Россіи находится обильный недвижимый капиталъ, весьма мало приносящій дохода Государству и страшнымъ-образомъ разкрадываемый чиновною ордою: мы говоримъ о государственныхъ имуществахъ, неприносящихъ казнѣ и полутора процента, между тѣмъ, какъ въ частныхъ рукахъ они могли-бы приносить по-крайней мѣрѣ шесть процентовъ дохода. Имущества эти слѣдовало-бы продать съ публичнаго торгу, и вырученныя суммы употребить на священную цѣль крестьянскаго выкупа.

Казенныя земли раздѣляются на два разряда. Однѣ отданы крестьянамъ казеннымъ въ вѣчное пользованіе за установленный оброкъ: этихъ земель не только не слѣдуетъ у нихъ отнимать, но еще весьма полезно было-бы, по нашему мнѣнію, отдать ихъ крестьянамъ въ потом-

ственное владѣніе, капитализируя ренту на извѣстной цифрѣ для выкупа крестьянами этихъ земель. Другаго рода земли (оброчныя статьи), отдаются въ аренду съ публичнаго торга болѣе или менѣе мнимаго; казна получаетъ съ нихъ весьма мало, а чиновники взимаютъ ужаснѣйшія взятки. Эти оброчныя статьи слѣдуетъ непремѣнно продать съ публичнаго торга, предоставляя право покупки всѣмъ, безъ различія сословій, и какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, что значительно возвыситъ цѣну на продажѣ. На томъ же самомъ основаніи слѣдовалобы продать всѣ казенныя соленыя озера, рыбныя ловли, фабрики, заводы, столь мало приносящіе дохода казнѣ и служащіе чиновной ордѣ предметомъ грабежа. Казенныхъ земель считается до шестидесяти милліоновъ десятинъ, кромѣ лѣсовъ казенныхъ, занимающихъ пространство ста осьми милліоновъ десятинъ. Чиновная орда сильно возстаетъ противъ продажи государственныхъ имуществъ, и это понятно: она трепещетъ при одной мысли о возможности лишиться столь обильныхъ источниковъ дохода. Мы видимъ, что въ Россіи, на какую-бы вѣтвь государственнаго управленія мы ни обратили взоры, вездѣ встрѣчаемъ невѣжественную, жадную и наглую чиновную орду помѣ-

хою всѣмъ здравымъ реформамъ, всякому истинному прогрессу.

Вознагражденіе для помѣщиковъ тѣмъ необходимѣе, что слишкомъ двѣ трети недвижимыхъ имуществъ находятся въ залогѣ въ казенныхъ кредитныхъ установленіяхъ. Если помѣщикамъ не будетъ дано вознагражденія, то при совершенной невозможности (признанной всѣми истинно-дѣльными людьми въ Россіи), пустить въ хорошій ходъ обязанную работу или исправно взимать оброкъ послѣ эманципаціи, помѣщики окажутся въ полной несостоятельности даже къ платежу процентовъ своихъ займовъ, и принадлежащія имъ имѣнія будутъ проданы съ публичнаго торгу. Въ сумму вознагражденія необходимо, разумѣется, включить и казенный долгъ, что значительно облегчитъ расчетъ.

По нашему мнѣнію, полезно было-бы принять слѣдующія мѣры къ эманципаціи:

1. Крестьянамъ предоставить въ собственность, въ барщинныхъ имѣніяхъ, количество земли, коимъ они пользуются нынѣ, а для имѣній оброчныхъ, гдѣ они доселѣ пользовались всею землею, назначить, въ каждой губерніи, количество земли, долженствующей поступить въ собственность крестьянъ (женамъ, доче-

рямъ и вдовамъ крестьянъ предоставить полную свободу, немедленную и даровую).

2. Дворовымъ людямъ предоставить выборъ между двумя родами эманципаціи: или съ полученіемъ тогоже количества земли, для каждаго, какое предоставлено будетъ, въ той губерніи, каждому крестьянину, съ принятіемъ на себя тѣхъ же самыхъ обязанностей платежа, или освобожденіе безземельное, но за то даровое.

3. Назначить годичный срокъ для окончательной эманципаціи. Срокъ этотъ необходимъ для предоставленія помѣщикамъ времени запастись вольно-наемными работниками, лошадьми, волами и земледѣльческими орудіями.

4. За каждую ревижскую душу можно заплатить помѣщику сто рублей серебромъ. По десятой ревизіи, 1857 года, число крѣпостныхъ людей въ Россіи простирается до 10,850,000, изъ числа коихъ 725,000 дворовыхъ. Многіе изъ дворовыхъ вѣроятно пожелаютъ эманципаціи даровой, безъ земли, но въ невозможности знать напередъ ихъ число, мы примемъ для нашихъ расчетовъ цифру выкупа самую высокую: 1,085,000,000 рублей, и разложимъ ее слѣдующимъ образомъ:

а) Долгъ помѣщиковъ кредитнымъ установленіямъ	500,000,000 рублей.
Заемъ 5 %, внутри Россіи и за границею	200,000,000 „
Выпускъ земскихъ билетовъ, приносящихъ 3 %, на сумму	385,000,000 „
Итого:	1,085,000,000 рублей.

Правительство должно было-бы всегда и вездѣ принимать эти земскіе билеты за ихъ нарицательную цѣну, предоставивъ пріемъ ихъ между частными людьми свободной волѣ каждаго, и съ правомъ, для правительства, всегда и во всякое время изъять эти земскіе билеты изъ обращенія за ихъ нарицательную цѣну. По прошествіи пятнадцати лѣтъ, можно бы приступить къ погашенію двухъ-сотъ милліоннаго займа.

5. Каждый крестьянинъ долженъ платить правительству, въ теченіи тридцати-трехъ лѣтъ, пять рублей съ ревижской души, и по совершеніи всѣхъ этихъ платежей дѣлается владѣтелемъ своего участка земли.

6. Впрочемъ, каждому крестьянину слѣдуетъ предоставить его участокъ зем-

ли во владѣніе, если онъ внесетъ, немедленно, сто рублей серебромъ за каждую ревижскую душу своего семейства.

7. Правительство будетъ взимать съ крестьянъ эти пять рублей вмѣстѣ съ податями.

8. Правительство должно продавать съ публичнаго торга государственныя имущества (какъ сказано выше), до суммы 350,000,000 рублей серебромъ, и принявъ при продажѣ, за норму, 3 % доходъ съ этихъ имуществъ. Не взирая на высокую норму капитализаціи, продажа должна пойти весьма успѣшно, по той причинѣ, что истинный доходъ, какъ всѣмъ извѣстно, несравненно выше дохода оффиціальнаго, казною получаемаго.

9. Къ покупкѣ этихъ имуществъ слѣдуетъ допускать всѣхъ безъ изъятія, безъ всякаго различія сословій и происхожденія, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ; но дозволять покупку неиначе, и ни подъ какимъ видомъ, какъ на земскіе билеты, нами выше предложенные. Такимъ образомъ почти всѣ земскіе билеты, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, возвратятся въ казну, коей останется выкупать лишь незначительное количество этихъ билетовъ.

10. Продажею государственныхъ имуществъ, казна лишается десяти съ поло-

виною милліоновъ рублей ежегоднаго дохода, и могла-бы вознаградить эту утрату слѣдующими двумя средствами: а) удвоеніемъ пошлинъ съ продажи частныхъ недвижимыхъ имуществъ, то есть взиманіемъ 8% вмѣсто нынѣшнихъ 4%, и б) учрежденіемъ пошлины съ наслѣдствъ, весьма умѣренной для наслѣдствъ въ прямой линіи, и постоянно-возрастающей по мѣрѣ отдаленія родства наслѣдника.

Мы уже сказали, что нельзя допустить логичности и справедливости любимаго довода чиновной орды и клевретовъ ея, о невозможности правительству собирать деньги съ крестьянъ, и о невозможности крестьянамъ платить эти деньги. Крестьяне легко могутъ платить пять рублей съ души, когда будутъ совершенно-избавлены отъ всякой барщины и отъ всякаго оброка помѣщику, и совершенно-изъяты отъ всякой помѣщичьей зависимости. Если-же правительству нельзя взимать съ крестьянъ узаконенныхъ платежей, то возможно-ли помѣщикамъ взимать эти платежи или принудить крестьянъ къ исполненію обязанной работы? Конечно нѣтъ. Для правительства, сознаніе невозможности управлять равняется нравственному отреченію отъ власти, и влечетъ за собою близкую анархію и безурядицу.

Предлагаемый нами заемъ двухъста

милліоновъ рублей, отчасти сдѣланный за границею, принесетъ большую пользу привлеченіемъ въ Россію монеты, столь необходимой и почти исчезнувшей изъ обращенія.

Нельзя также никакъ принять довода нѣкоторыхъ лицъ противъ выпуска земскихъ билетовъ: что этимъ еще увеличится и безъ того уже огромное въ Россіи количество бумажныхъ знаковъ. Бумажными знаками называются ассигнаціи, или кредитные билеты безпроцентные, а земскіе билеты будутъ билетами ренты, билетами приносящими извѣстный процентъ. Ручательствомъ за нихъ служатъ земли, предназначенныя къ поступленію во владѣніе крестьянъ, и сами земскіе билеты, по мѣрѣ продажи государственныхъ имуществъ съ публичнаго торга, будутъ исчезать изъ обращенія, возвращаясь въ казну. Правительство наше, во время послѣдней войны, столь безтолково имъ веденной, непоколебалось выпустить въ обращеніе почти на 400,000,000 рублей кредитныхъ билетовъ; эта необдуманная мѣра произвела упадокъ цѣнности кредитныхъ билетовъ, возвысила цѣны на всѣ предметы торговли, произвела страшную дороговизну, и въ соединеніи съ неспособностью высшей администраціи и съ дикою, смѣшною тайною, коею облеченъ бюджетъ,

породила нынѣшній финансовый кризисъ, столь сильный и столь опасный. И это самое правительство, которое не поколебалось передъ выпускомъ такой массы кредитныхъ билетовъ, на предметъ столь вредный какъ война, не хочетъ приступить къ мѣрамъ столь полезнымъ, какъ выпускъ земскихъ билетовъ и продажа государственныхъ имуществъ, единственно потому, что чиновная орда и царская дворня, посредствомъ министровъ неспособныхъ, управляютъ Государемъ по своему произволу!

Наконецъ противники продажи государственныхъ имуществъ говорятъ, что продажа эта неминуемо уронитъ, на нѣсколько лѣтъ, цѣны на недвижимыя имущества. Но если не производить продажи государственныхъ имуществъ, то не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ вознагражденіи для помѣщиковъ. И такъ правительство, нарушая священную обязанность свою, отклонитъ отъ себя посредничество между крестьянами и помѣщиками, и вопреки здравымъ понятіямъ политики, предоставитъ имъ вѣдаться между собою. Тогда эти два сословія будутъ поставлены, обязанною работою и прямымъ платежемъ оброка, въ положеніе ежедневныхъ столкновеній, борьбы упорной, съ невозможностію мирнаго исхода; вознагражденіе бу-

детъ мнимое, обратится въ пуфъ; помѣщики будутъ разворены; неудовольствіе умовъ породитъ безпорядки, а безпорядки доведутъ до революціи. Теперь мы спросимъ: какова будетъ цѣна на недвижимыя имущества во время революціи? Изъ двухъ золъ, непремѣнно слѣдуетъ выбирать меньшее. Въ Россіи положеніе дѣлъ достигло до той точки, что полумѣры ни къ чему не ведутъ, а надобно прямо приступить къ реформамъ самымъ важнымъ и самымъ дѣйствительнымъ. Путникъ, надѣвшій себѣ повязку на глаза и упорно ее сохраняющій, недостигнетъ цѣли своего путешествія, а напротивъ, подвергается опасности упасть въ ровъ и сломать себѣ шею.*)

*) Въ Декабрѣ 1858 года, мы представили Государю проэктъ освобожденія крестьянъ, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ посредствомъ продажи государственныхъ имуществъ. Государь приказалъ отослать этотъ проэктъ на разсмотрѣніе Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Желая напечатать нашъ проэктъ, мы его представили цензурѣ, получили ея одобреніе, и проэктъ уже печатался, какъ вдругъ Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, именемъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, объявилъ намъ, что проэктъ нашъ, хотя и одобренный цензурою, не будетъ выпущенъ въ свѣтъ, если мы не согласимся вычеркнуть изъ него все, относящееся до продажи государственныхъ имуществъ. Это все равно, если-бы ска-

У насъ въ Россіи теперь идетъ жаркій споръ между приверженцами и врагами системы общиннаго владѣнія. Надобно быть слѣпымъ, чтобы не видать огромныхъ невыгодъ сохраненія на-всегда, во всей ея полнотѣ, системы общиннаго владѣнія и въ особенности системы земельныхъ передѣловъ, принадлежащей къ первобытной эпохѣ гражданскихъ обществъ. Система общинная, система земельныхъ передѣловъ, если ее сохранить безсрочно, будетъ помѣхою и успѣхамъ земледѣлія и развитію промышленности, и поощреніемъ къ лѣни и тунеядству. Мы полагаемъ, что необходимо сохранить общинную систему на тридцать или тридцать-пять лѣтъ послѣ эманципаціи, доколѣ община не выплатитъ всей суммы выкупа. По уплатѣ же этой суммы, можно будетъ раздѣлить землю, окончательно и въ потомственное владѣніе, между всѣми мужчинами, составляющими въ то время общину. Само собою разумѣется, что всякая собственность, пріобрѣтенная крестьяниномъ на

зали лѣтнему извощику: „Любезный! мы снимемъ колеса у твоихъ дрожекъ, а потомъ можешь продолжать свой путь.“ При видѣ подобной глупости, намъ оставалось лишь отказаться отъ печатанія своего проэкта въ Россіи. Мы такъ и сдѣлали, тѣмъ охотнѣе, что уже собирались весною выселиться за границу.

свои деньги, должна принадлежать исключительно ему и его наслѣдникамъ.

Если крестьянамъ, тотчасъ послѣ освобожденія, и до совершенной уплаты ими суммы выкупа, предоставить землю въ полную личную собственность, нѣтъ сомнѣнія что весьма многіе изъ нихъ продадутъ эту землю; тогда истинная цѣль освобожденія крестьянъ съ землею не будетъ вполнѣ достигнута, и весьма многіе изъ нихъ содѣлаются бездомовниками.

При уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, трое различныхъ мнѣній возникли въ Россіи: коренные бюрократы, ядро чиновной орды, хотятъ обратить крестьянъ, избавленныхъ изъ подъ власти помѣщичьей, въ положеніе крестьянъ казенныхъ, и сохраняя власть свою надъ сими послѣдними, хотятъ распространить ее и на освобожденныхъ крестьянъ; однимъ словомъ, хотятъ грабить всѣхъ, кого только возможно. Бюрократы нѣсколько-умѣренные согласны не подчинять освобождаемыхъ крестьянъ власти министерства государственныхъ имуществъ. Но всѣ люди благоразумные, истинно-любящіе свое отечество, убѣждены, что совершенно-противно здравой политикѣ имѣть въ Россіи нѣсколько разнообразныхъ земскихъ управленій, и что разнообразіе это будетъ

постояннымъ источникомъ столкновеній и смутъ: убѣждены также, что подчиненіе освобождаемыхъ крестьянъ власти министерства государственныхъ имуществъ будетъ ничѣмъ инымъ, какъ разширеніемъ власти чиновной орды, влекущей Россію къ ея гибели. Увеличивать огромную и безъ того власть чиновной орды, значило-бы облекать въ законную силу дѣла хищничества и грабежа, которыя она считаетъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ и священнымъ правомъ. Для удобнѣйшаго сохраненія этаго права она не хочетъ допускать никакихъ реформъ, никакихъ улучшеній, и скорѣе готова довести Россію до всѣхъ опасностей и бѣдъ революціи, чѣмъ лишиться возможности предаваться, на просторѣ, взяточничеству и казнокрадству.

Нѣтъ, не помѣщичьихъ крестьянъ слѣдуетъ поставить въ нынѣшнее положеніе крестьянъ казенныхъ, а сихъ послѣднихъ слѣдуетъ освободить изъ подъ ига чиновной орды, въ то самое время, когда крѣпостныхъ людей освобождаютъ изъ подъ ига помѣщичьяго. И тѣмъ и другимъ крестьянамъ слѣдуетъ предоставить тѣже самыя права, какъ и всѣмъ русскимъ, то есть: избавленіе отъ тѣлесныхъ наказаній и равенство передъ закономъ. Мы надѣемся, что освобождены будутъ

вполнѣ и крестьяне удѣльные, участь коихъ, въ послѣдніе годы, улучшена была болѣе на бумагѣ, чѣмъ на-дѣлѣ. Удѣльные крестьяне не были куплены, или пріобрѣтены Императорскою Фамиліею. Императоръ Павелъ, въ одно прекрасное утро, почеркомъ пера объявилъ значительное число селъ и волостей принадлежностію императорской Фамиліи, подъ именемъ крестьянъ удѣльныхъ. Вскорѣ затѣмъ, въ 1798 году, учреждено было Министерство Удѣловъ*). При Николаѣ Павловичѣ, тысячь двѣстѣ душъ госу-

*) Въ 1798 году было также учреждено министерство коммерціи, въ 1812 году упраздненное и присоединенное къ министерству финансовъ. 8 Сентября 1802 года были учреждены семь министерствъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, иностранныхъ дѣлъ, военное, морское и финансовъ. Въ 1809 году учреждено министерство полиціи, въ 1819 году упраздненное, а въ 1826 году возстановленное подъ именемъ III отдѣленія собственной канцеляріи, подъ вѣдомство коей отданъ весь корпусъ жандармовъ. Въ 1811 году учрежденъ Государственный контроль, на правахъ министерства. Почтовый Департаментъ и Главное Управленіе путями сообщенія и публичными зданіями возведены на степень министерствъ, первое въ 1823 году, второе въ Декабрѣ 1825 года. Министерство Императорскаго Двора учреждено 22 Августа 1826 года, а министерство Государственныхъ Имуществъ 1 Января 1838 года.

дарственныхъ крестьянъ были обращены въ удѣльные, по прихоти Государя.

Однажды, во время учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, одинъ изъ высшихъ сановниковъ сказалъ Николаю Павловичу, что въ городѣ ходятъ слухи о присоединеніи Удѣловъ къ вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ. Николай Павловичь отвѣчалъ: „Этому небывать. Никто не можетъ знать будущаго. Когда нибудь, разумѣется не при мнѣ — форма Правительства можетъ измѣниться въ Россіи. Императорской фамиліи не дурно, на всякій случай, имѣть частную собственность!“

Эти замѣчательныя слова самаго рьянаго защитника деспотизма внушаютъ глубокія размышленія! . . . . . .

Государь, назначеніемъ графа Панина на мѣсто Ростовцова явно выказавшій направленіе ретроградное, захочетъ-ли довершитъ эманципацію настоящую? Не знаемъ. А если и захочетъ, то позволитъ-ли это ему Царская дворня? Допуститъ-ли его совершить реформы, безъ коихъ эманципація останется полнѣйшимъ пуфомъ? Конечно нѣтъ! Должно предполагать, что проэктъ редакціонной коммиссіи будетъ оконченъ подъ предсѣдательствомъ Панина; сему послѣднему, какъ и всѣмъ стародурамъ, хорошо извѣстно, что обязанная

работа — невозможна, и въ слѣдствіе того проэктъ, на обязанной работѣ основанный — невозможенъ къ исполненію. Довершивъ въ редакціонной коммиссіи созданіе проэкта совершенно-непрактическаго, Панинъ вѣроятно представитъ его Государю съ тайною радостію: Государь отошлетъ проэктъ на окончательное разсмотрѣніе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Въ этомъ комитетѣ, гнѣздилищѣ стародуровъ, подъ вліяніемъ враговъ всякой реформы и всякой просвѣщенной мысли, каковы князь Орловъ, графъ Адлербергъ, Чевкинъ, Мих. Ник. Муравьевъ, князь Павелъ Павловичь Гагаринъ и князь Василій Андреевичь Долгоруковъ, подъ вліяніемъ правителя дѣлъ этого жалкаго комитета, государственнаго секретаря и отчаяннаго стародура Буткова (этого Алкивіада Мѣщанской улицы, Ловеласа трактировъ и непотребныхъ мѣстъ), проэктъ будетъ вѣроятно передѣланъ въ нѣчто-близкое къ инвентарямъ, то есть крѣпостная зависимость, полуотмѣненная на бумагѣ, будетъ вполнѣ-сохранена на дѣлѣ; тѣлесныя наказанія будутъ также сохранены, и стародуры заликуютъ — до новой Пугачевщины! Дай намъ Богъ ошибиться, но страшимся за будущность нашего отечества.

Глава VII.

О Дворянствѣ, о крѣпостномъ состояніи и о выборномъ началѣ въ Россіи.

Племена, издревле населявшія нынѣшнюю Россію, жили, какъ извѣстно, до 862 года, подъ формою правленія полу-патріархальнаго, полу-республиканскаго, съ полнымъ и совершеннымъ равенствомъ правъ между всѣми членами общины. Образецъ этаго политическаго устройства сохранился еще, черезъ многіе вѣка, въ русскомъ сельскомъ *мірѣ*, въ русской сходкѣ. Въ девятомъ вѣкѣ города въ Россіи были рѣдки, и состояли изъ деревянныхъ хижинъ болѣе или менѣе обширныхъ, отличаясь отъ деревень только числомъ хижинъ и оградою, полу-деревянною, полуземляною, даровавшею имъ свое имя (слово городъ произошло отъ слова *городить*, *огораживать*). Между жителями

городскими и сельскими небыло рѣшительно никакого различія въ правахъ. Въ семьѣ, старшимъ считался старѣйшій лѣтами; въ городахъ и въ деревняхъ всѣ должности, даже самыя высшія, подлежали выбору міра, происходившему на *вѣчѣ*, то есть на общей сходкѣ, и на этомъ же вѣчѣ рѣшались всѣ дѣла, до міра относящіяся. Титулъ *Князя* небылъ наслѣдственнымъ, какъ учинился въ послѣдствіи въ потомствѣ Рюриковомъ; титулъ этотъ вовсе не означалъ Государя, а лишь предводителя войска. Званіе боярина, какъ извѣстно, никогда небыло въ Россіи потомственнымъ, всегда оставалось пожизненнымъ, а званіе воеводы было временное, означая не санъ, а должность.

Племена сѣверной и сѣверо-западной Россіи, часто тревожимыя набѣгами Варяговъ (или Норманновъ), въ огражденіе себя отъ ихъ набѣговъ, призвали трехъ братьевъ, вождей дружинъ, Рюрика, Синава и Трувора, и облекли ихъ званіемъ *Князей*, то есть военачальниковъ и защитниковъ. Доселѣ вообще полагали, что Рюрикъ, Синавъ и Труворъ были Норманы (Варяги); въ послѣднее время, одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, Г. Костомаровъ, на основаніи новыхъ розысканій, утверждалъ, что эти три брата пришли изъ Литвы. Тѣсные предѣлы нынѣ изда-

ваемой нами книги не позволяютъ намъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе этаго вопроса, о коемъ будемъ говорить въ Исторіи Россіи, которую напечатаемъ черезъ нѣсколько лѣтъ, на русскомъ и на французскомъ языкахъ. Рюрикъ и братья его привели съ собою дружину воинственную и отважную, испытанную въ бояхъ, и приняли на себя обязанность защиты племенъ славянскихъ отъ враговъ внѣшнихъ и неурядицъ внутреннихъ. Выборные люди, отправленные къ нимъ для приглашенія ихъ, сказали имъ: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите княжить надъ нами!“ (княжить значило предводить военными силами и охранять порядокъ). Самый выборъ мѣстопребываній, учиненный Рюрикомъ и братьями его, ясно доказываетъ, что цѣль прихода ихъ была охранительная, и что они призваны были не для управленія народомъ. Ни одинъ изъ трехъ братьевъ не поселился въ Новгородѣ, этомъ главнѣйшемъ изъ городовъ славянскаго сѣвера. Рюрикъ срубилъ себѣ городъ при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, назвалъ его *Ладогою*, и поселился въ немъ съ своею дружиною (нынѣ городъ этотъ именуется Старою Ладогою, въ отличіе отъ Новой Ладоги, построенной, вблизи отъ него, при

Петрѣ I.) Изъ этой позиціи, стратегически-избранной, Рюрику возможно было и защищать Новгородцевъ отъ варяжскихъ набѣговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, владѣя устьемъ Волхова, держать въ нѣкоторомъ повиновеніи Новгородъ, лежащій у истока этой рѣки изъ озера Ильменя. Синавъ срубилъ себѣ городъ на сѣверномъ берегу Бѣлаго-озера, назвалъ *Бѣлозерскомъ*, и поселился въ немъ, (нынѣшній Бѣлозерскъ построенъ въ началѣ одиннадцатаго вѣка, при впаденіи Шексны въ Бѣло-озеро). Изъ этой позиціи, Синавъ могъ защищать охраняемыя имъ племена отъ набѣговъ съ востока и сѣверо-востока. Труворъ поселился въ Изборскѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ городовъ (нынѣ заштатный городъ Псковской губерніи), гдѣ онъ могъ защищать славянъ отъ набѣговъ съ юга и юго-запада. Вскорѣ властолюбивый Рюрикъ сталъ тѣснить Новгородцевъ и присвоивать себѣ власть, ему непринадлежащую; вспыхнуло возстаніе; Рюрикъ усмирилъ оное, и по словамъ преданія, начальникъ возстанія и главный защитникъ независимости народной, Вадимъ *Храбрый*, убитъ былъ отъ руки самаго Рюрика. Сей послѣдній воспользовался своею побѣдою для разширенія круга власти своей, и поселился у воротъ самаго Новгорода, гдѣ донынѣ еще

указываютъ, подъ именемъ *Рюрикова городища*, мѣсто на коемъ, по преданію, возвышался въ девятомъ вѣкѣ дворецъ Рюрика, стѣною и тыномъ обнесенный, и отъ коего не осталось никакихъ слѣдовъ.

Внутреннее управленіе въ городахъ и волостяхъ оставалось, по-прежнему, основаннымъ на выборномъ началѣ; даже главные сановники, *посадники* и *тысяцкіе*, были избираемы на *вѣчѣ*. При совершенномъ еще отсутствіи законовъ письменныхъ, предѣлы власти княжеской и правъ народныхъ не были ясно-обозначены, и безпрестанныя столкновенія проявлялись. Смерть князей Синава и Трувора увеличила еще власть Рюрика, присоединившаго ихъ дружины къ своимъ, и овладѣвшаго, послѣ ихъ смерти, принадлежавшими имъ городами. Съ Рюрикомъ и братьями его, какъ мы сказали выше, пришла дружина воиновъ отважныхъ; товарищи судьбы своего князя, они раздѣляли дотолѣ съ нимъ опасности; все болѣе и болѣе становились ему необходимыми, и разумѣется призваны были раздѣлять съ нимъ и добычу, и наслажденія новоприобрѣтенной роскоши, и вновь пріобрѣтенное политическое значеніе. Рюрикъ могъ держаться только своею дружиною, и само-собою разумѣется, долженъ былъ ее дарить, ласкать и оказывать ей вниманіе

и уваженіе. Главнѣйшихъ изъ вождей ея онъ разсадилъ намѣстниками по городамъ, для сохраненія порядка и окончательнаго утвержденія своей власти верховной, но вовсе не самодержавной, потому-что *вѣча* въ городахъ сохраняли еще большую часть своей прежней силы, избирая и смѣняя посадниковъ, тысяцкихъ и прочихъ начальниковъ. Званіе новыхъ намѣстниковъ не только не было потомственнымъ, какъ въ западной Европѣ, но даже не было и пожизненнымъ; они опредѣлялись и смѣнялись княземъ по его волѣ, и это недопустило феодализму появиться въ Россіи. Пребываніе намѣстниковъ по городамъ окончательно довершило совершенное подчиненіе городамъ деревень и волостей, и черезъ то открыло власти княжеской обширное поприще; овладѣвъ городами, князю легче было подчинить власти своей окрестную страну; но всеобщее равенство славянъ сохранило прежнюю свою силу; любому деревенскому жителю вольно было переселяться въ городъ, а городскому жителю въ деревню.

Рюрикъ умеръ въ 879 году, оставивъ двухълѣтняго сына, Игоря, и назначивъ ему пѣстуномъ близкаго родственника своего, Олега. Сей послѣдній, воинственный отъ природы, и желая расширить

предѣлы страны, подлежащей его власти, направился на югъ, по теченію Днѣпра, покорилъ Смоленскъ и владѣвшее имъ племя Кривичей; приплылъ къ Кіеву, гдѣ владѣли два вождя, Аскольдъ и Диръ, обманомъ захватилъ ихъ въ плѣнъ; умертвилъ обоихъ, овладѣлъ Кіевомъ и основалъ въ немъ свою столицу. Необходимость частыхъ войнъ, и всѣ затрудненія, сопряженныя съ основаніемъ владычества въ странѣ полу-чуждой, новой для завоевателей, весьма возвысили значеніе дружины Олеговой и въ особенности вождей этой дружины. При заключеніи Олегомъ мирнаго договора съ Византійскою Имперіею, имена вождей, въ договорной грамотѣ, уномянуты немедленно послѣ имени княжескаго, почти наравнѣ съ нимъ. Не даромъ, еще сто лѣтъ спустя, Святый Владиміръ Равноапостольный говаривалъ: „вѣрная моя дружина драгоцѣннѣе мнѣ всякаго сребра и всякаго злата; ни сребромъ, ни златомъ такой дружины не добудешь, а съ подобною дружиною добудешь всегда много сребра и много злата!“ Такимъ образомъ, значеніе дружинниковъ стало выше значенія перво-степенныхъ туземцевъ, но ни тѣ, ни другіе не составляли дворянства въ настоящемъ значеніи этого слова, то есть въ Россіи не существовало, въ то время, никакой касты

облеченной особыми преимуществами; этого не допускалъ древній духъ славянскій, духъ исключительно демократическій и республиканскій. Сановники, предводившіе войсками и управлявшіе дѣлами государственными, не составляли касты, а составляли аристократію всѣмъ доступную и такъ сказать подвижную, гдѣ личности часто замѣнялись одна другою, подобно тому что мы видимъ въ наше время въ Сербіи, республикѣ управляемой Государемъ.

Конечно, случалось неоднократно, что нѣсколько поколѣній однаго и тогоже семейства занимали важныя должности, высокія званія, но это было игрою счастія: наслѣдственныхъ преимуществъ не существовало никакихъ. Каждому приходилось устроивать себѣ свое общественное положеніе: успѣхъ каждаго, въ этомъ отношеніи, зависѣлъ отъ его ума, отъ его богатства, и, какъ обыкновенно водится въ мірѣ, въ особенности отъ счастія и отъ удачи.

Святый Владиміръ Равноапостольный, умирая въ 1015 году, раздѣлилъ государство свое между сыновьями и племянникомъ. Эта необъятная политическая ошибка едва не погубила Россіи и стала, на долгое время, помѣхою къ ея развитію и преуспѣянію, но когда мы видимъ мужа съ обширнымъ умомъ государ-

ственнымъ, подобно Св. Владиміру, впадающаго въ подобную ошибку, мы получаемъ ясное доказательство всемогущаго преобладенія, въ древней Россіи, духа равенства, всемогущаго до такой степени, что не допускалось, чтобы члены однаго и того же семейства могли быть подданными старшаго въ родѣ. По древнимъ Славянскимъ понятіямъ, старшинство въ родѣ считалось не по порядку первородства, какъ въ Европѣ, а по старшинству лѣтъ. По смерти *Великаго Князя* мѣсто его заступалъ не старшій сынъ, а старшій изъ его братьевъ; онъ вступалъ на престолъ, или по выраженію того времени, *садился на столъ*, въ Кіевѣ, а съ исхода двѣнадцатаго вѣка, во Владимірѣ на Клязьмѣ. При каждой перемѣнѣ Великаго Князя, *удѣльные князья* также мѣнялись удѣлами, занимая ихъ въ порядкѣ родовой іерархіи, смотря по степени, на коей каждый изъ князей стоялъ въ родовой лѣствицѣ дома Рюрикова. Такимъ образомъ удѣлы, до нашествія монгольскаго, вовсе не были полною и наслѣдственною собственностію князей; они принадлежали всему роду Рюрикову вообще, и родъ этотъ дѣлилъ ихъ между своими членами, потому-что каждый изъ Рюриковичей имѣлъ въ то время право на удѣлъ. Умиралъ-ли удѣльный князь, оставляя нѣсколько

сыновей, они немедленно дѣлили между собою удѣлъ отцовскій, и каждый изъ нихъ непремѣнно получалъ свою часть. Власть Великаго Князя была болѣе почетною чѣмъ дѣйствительною: по-настоящему онъ не имѣлъ почти никакой власти надъ удѣльными князьями. Легко себѣ представить всѣ столкновенія, всѣ раздоры, какія неминуемо должны были возникнуть изъ подобнаго порядка вещей, и до какой степени эти раздоры мѣшали государству окрѣпнуть и пріобрѣсти необходимую силу. Россіи предстояла гибель; она неминуемо была-бы поглощена Литвою въ четырнадцатомъ вѣкѣ, когда Литва, подъ державою великаго Гедимина, получила бытіе государственное и пріобрѣла силу, страшную для ея сосѣдей. Но Провидѣніе, всегда мудрое и благое, спасло Россію, и какъ часто дѣлаетъ, извлекло изъ зла и бѣдствій зародышъ счастія и величія. Оно подвергнуло Россію ужасному игу татарскому, и благодаря политическому невѣжеству Монголовъ, благодаря ихъ неумѣнію упрочивать за собою завоеванія, единодержавіе возникло въ Россіи и спасло ее.

Въ эпоху удѣловъ, бояре и военачальники, недовольные своимъ удѣльнымъ княземъ, часто переходили на службу къ другому удѣльному князю, или, какъ

говорилось въ старину, *отъѣзжали*. Обширное пространство Россіи, малолюдность народонаселенія, безчисленное количество пустошей легко дозволяли удѣльному князю, принимавшему отъѣзжихъ бояръ или чиновниковъ, давать имъ, *въ кормленіе*, столькоже, а иногда и болѣе земли, чѣмъ они имѣли въ удѣлѣ, изъ коего выѣхали. Обычай *отъѣзда*, совершенно вкоренившійся въ нравахъ и не заключавшій въ себѣ ничего предосудительнаго, значительно увеличилъ важность и вѣсъ бояръ и военачальниковъ, и принудилъ князей ласкать ихъ и обходиться съ ними съ величайшимъ уваженіемъ. Не взирая на то, семейства боярскія не составляли особой касты, особаго сословія, неотличались отъ другихъ никакими особыми преимуществами, и значеніе ихъ, весьма высокое, было личнымъ, а вовсе не потомственнымъ.

Въ то время, народонаселеніе Россіи, за исключеніемъ духовенства, могло быть раздѣлено на четыре разряда:

1) Люди, служащіе князьямъ, такъ называемые *дружинники*, и составлявшіе *дружину* княжескую. Въ послѣдствіи, они составили такъ называемое *служилое сословіе*, и были именуемы *людьми служилыми*. Отъ воли князя вполнѣ зависѣло принимать въ свою дружину кого онъ

хотѣлъ и назначать въ любую должность. Въ дружинѣ заключалась истинная сила князя, основа его могущества, и потому князья ласкали и дарили дружину, и оказывали величайшій почетъ вождямъ ея. Деньги, въ то время, были весьма рѣдкими, и потому, вмѣсто оклада, давались земли, въ размѣрѣ, соотвѣтственномъ мѣсту, которое занималъ каждый. Земли эти именовались *помѣстьями*, и система эта сохранилась въ Россіи до временъ Петра I.

2) Жители городовъ, такъ называемые *горожане*, многіе изъ коихъ занимались торговлею и промышленностію, въ то время еще находившимися въ младенческомъ состояніи.

3) Поселяне, такъ называемые *смерды*, изъ коихъ одни жили на собственныхъ земляхъ; другіе нанимали земли у *людей служилыхъ*, или нанимались къ нимъ въ работу по земледѣлію, съ полнымъ правомъ свободнаго перехода отъ однаго къ другому. Для этаго перехода назначено было время отъ 19 Ноября по 3 Декабря, то есть недѣля предъидущая осеннему Юрьеву дню и недѣля ему послѣдующая.

4) Рабы, состоящіе изъ двухъ разрядовъ: собственно такъ называемые *рабы*, то есть военно-плѣнные, и *холопы*, посту-

пившіе въ холопство или въ качествѣ неоплатныхъ должниковъ, или по собственному желанію себя закабалившіе, принявшіе *кабалу* на всегда или на срокъ болѣе или менѣе продолжительный. Въ кабалу часто поступали люди, не имѣвшіе никакихъ средствъ къ существованію; они выбирали лицъ, извѣстныхъ имъ добротою своей души, и поступали къ нимъ въ холопы, съ обязанностію, для ихъ новаго господина, кормить и содержать ихъ.

Впрочемъ, не существовало никакихъ преградъ къ переходу изъ однаго званія въ другое; всякій горожанинъ, даже всякій земледѣлецъ (по тогдашнему смердъ), могъ получить доступъ въ дружину княжескую, а сыновья дружинниковъ неоднократно вступали въ званіе горожанъ или даже смердовъ, смотря по своему желанію или по обстоятельствамъ. Тѣлесныя наказанія были совершенно неизвѣстными; *русская правда* Ярослава Великаго установляла различные случаи смертной казни или увѣчья за смертоубійство и за увѣчье, но ни въ законахъ, ни въ обычаяхъ того времени, не видно и слѣдовъ наказаній тѣлесныхъ: ни палочныхъ ударовъ, ни розогъ, ни плетей, ни кнута, введенныхъ въ обычай въ эпоху ига монгольскаго, вскорѣ облеченныхъ

въ законную силу, и коимъ, съ четырнадцатаго вѣка до 1762 года, подвержены были всѣ русскіе безъ изъятія, не исключая и членовъ фамиліи Царской. Съ 1762 года только дворянство избавлено отъ наказаній тѣлесныхъ; съ 1832 года почетное гражданство избавлено отъ нихъ, но гнусная система розогъ, палокъ и плетей продолжаетъ еще составлять и донынѣ основу русскаго управленія и такъ-называемаго русскаго правосудія, къ стыду и позору Россіи.

Въ древнихъ городахъ, *вѣче*, общая мірская сходка, собиравшаяся на площадяхъ, продолжало существовать и часто полагало предѣлы власти княжеской. Новгородъ и Псковъ совершенно сохранили свои древніе республиканскіе обычаи, избирали князей, но предоставляли имъ власть весьма ограниченную. Новгородъ всегда избиралъ однаго изъ князей дома Рюрикова, но Псковъ, граничившій съ Литвою, неоднократно избиралъ и князей Литовскихъ. Оба города славились своимъ богатствомъ, въ особенности Новгородъ, сильный и могущественный, потому-что владѣнія его обнимали весь сѣверъ Россіи и простирались отъ Финскаго залива до Бѣлаго моря, до хребта Уральскаго и до береговъ Камы. Его обширная торговля, постоянныя спошенія съ ганзеатическимъ

союзомъ, коего онъ былъ членомъ, придавали ему политическое полновѣсное значеніе, дозволяли выводить въ поле многочисленное войско и поставлять преграду всѣмъ замысламъ Рюриковичей, доколѣ не создалось единодержавіе Россіи.

Городъ Хлыновъ (нынѣшняя Вятка), новгородская колонія, явился, въ XIV и XV вѣкахъ, единственный въ Россіи примѣръ области, не имѣющей Государя, настоящей республики: Іоаннъ III присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ.

Князья, видя власть свою часто стѣсняемую *вѣчемъ* въ древнихъ городахъ, начали основывать города, въ коихъ вѣче недопускалось. Эти новые города, не представляя власти княжеской ни малѣйшихъ преградъ, давали ей просторъ развиваться въ обширныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, въ самыхъ послѣднихъ годахъ двѣнадцатаго вѣка, столица великo-княжеская перенесена была во Владиміръ на Клязьмѣ, городъ новый; перенесена была туда изъ древняго Кіева, въ коемъ горожане многочисленные, зажиточные, разбогатѣвшіе обширною торговлею, нелегко покорялись прихотямъ Великаго Князя и его самовластію. *Въ это время, семьсотъ лѣтъ тому назадъ, народъ русскій пользовался свободою гораздо болѣе значительною, чѣмъ какою пользовались,*

въ то время, народы европейскіе, подчиненные тяжкому игу феодализма..... Этаго русскимъ забывать не слѣдуетъ .....

Въ тринадцатомъ вѣкѣ, нашествіе монгольское покрыло развалинами и залило кровію всю Россію, за исключеніемъ Новгорода и Пскова. Къ счастію, Монголы, племя кочевниковъ, не имѣли нималѣйшаго понятія ни объ управленіи, ни о политикѣ; они требовали двухъ вещей: наружныхъ знаковъ безграничнаго повиновенія и обильной дани. Сборъ этой дани поручали они одному изъ князей, коего облекали, для удобнѣйшаго исполненія его обязанности, самыми обширными правами. Князья Московскіе были хитрѣе и счастливѣе своихъ однородцевъ, прочихъ князей удѣльныхъ: они умѣли выхлопотать себѣ у татарскихъ хановъ право собиранія дани, и пользуясь этимъ, прижимали прочихъ князей, грабили, разоряли ихъ; наживали себѣ огромныя богатства; скупали у князей ихъ удѣлы, а подъ часъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, отнимали у нихъ удѣлы насильно, иногда варварскимъ образомъ. Пріобрѣвъ обширныя владѣнія, ставъ на значительную степень могущества, они вступили наконецъ въ открытую борьбу съ Татарами. Димитрій Донскій былъ первымъ, открыто начавшимъ борьбу съ

монголами. Борьба эта, то счастливая, то неудачная, то снова увѣнчанная успѣхомъ, продолжалась въ теченіи цѣлаго вѣка, и окончилась наконецъ при правнукѣ Донскаго, Іоаннѣ III, совершеннымъ низверженіемъ ига монгольскаго и окончательнымъ установленіемъ единодержавія въ Россіи.*)

---

*) Іоаннъ III, при самомъ вступленіи своемъ по престолъ, въ 1462 году, овладѣлъ удѣльнымъ княженіемъ Боровскимъ; въ слѣдующемъ 1463 году онъ принудилъ князя Ярославскаго, а въ 1474 году князя Ростовскаго, промѣнять ихъ удѣльныя княженія на простыя вотчины въ другихъ областяхъ Россіи; въ 1478 году онъ разрушилъ независимость Великаго Новгорода и присоединилъ обширныя владѣнія Новогородскія къ Великому княженію Московскому; въ 1485 году онъ принудилъ послѣдняго Великаго князя Тверскаго бѣжать въ Литву и присоединилъ Великое княженіе Тверское къ Московскому; таже участь постигла, въ слѣдующемъ году, удѣльнаго князя Верейскаго; въ 1492 году онъ овладѣлъ удѣльнымъ княженіемъ Углицкимъ; въ 1494 году удѣльнымъ княженіемъ Вяземскимъ; въ 1499 году принудилъ послѣдняго Великаго князя Рязанскаго бѣжать въ Литву и присоединилъ Великое княженіе Рязанское къ Московскому. Въ послѣдніе мѣсяцы его царствованія, войска его овладѣли княжествомъ Велико-Пермскимъ. При смерти его и при вступленіи на престолъ сына его Василія IV, въ 1505 году, республика Псковская сохраняла еще тѣнь независимости, но была окончательно присоединена къ Великому

Иго монгольское произвело огромную перемѣну въ нравахъ и въ обычаяхъ: съ установленіемъ политическаго рабства исчезло чувство личнаго достоинства. Князья русскіе должны были являться въ орду, для полученія ханскаго ярлыка на владѣніе своими удѣлами. По прибытіи въ орду, допущенные въ присутствіе хана, они должны были стоять предъ нимъ на колѣняхъ, кланяться ему въ землю; выходя изъ шатра ханскаго, они должны были заискивать расположеніе вельможъ ордынскихъ. Случалось-ли имъ навлечь на себя гнѣвъ ханскій, они были обременяемы оковами, подвергаемы пыткѣ, предаваемы смертной казни, часто мученической. Небыло такаго оскорбленія, не было такаго униженія, коимъ они не былибы подвергнуты. Дорогою цѣною покупали они право владѣнія своими княженіями, возвратясь въ кои они угнетали своихъ подданныхъ, и безнаказанно вы-

---

княженію Московскому въ 1509 году. При восшествіи на престолъ Василія IV оставалось еще шесть удѣльныхъ князей: Новосильскій, Бѣлевскій, Одоевскій, Масальскій, Воротынскій и Трубчевскій. Удѣлы первыхъ четырехъ были присоединены къ великому княженію Московскому въ 1508 году; удѣлъ Воротынскій въ 1521 году, а удѣлъ Трубчевскій устоялъ до царствованія Іоанна IV, и присоединенъ былъ лишь въ 1546 году.

мѣщали на нихъ обиды и притѣсненія, ими самими вынесенныя въ ордѣ. Законодательство совершенно измѣнилось; нравы получили оттѣнокъ жестокости и даже свирѣпости, въ прежніе вѣка неизвѣстный; тѣлесныя наказанія вошли въ обычай и оттуда перешли въ законы; никто не былъ отъ нихъ изъятъ, ни важнѣйшіе сановники, ни бояре, даже потомки удѣльныхъ князей, потомки Рюрика, когда, лишась тѣмъ или другимъ образомъ своихъ удѣловъ, они становились подданными своихъ однородцевъ, великихъ князей Московскихъ.

Іоаннъ III, овдовѣвъ, вступилъ во вторый бракъ съ Софіею Ѳоминишною Палеологъ, происходившею изъ фамиліи, къ коей принадлежали послѣдніе Императоры Цареградскіе. Великая княгиня Софія Ѳоминишна была женщиною высокаго ума, но гордости непомѣрной и тщеславія безграничнаго; воспитанная въ нравахъ и обычаяхъ византійскихъ, она убѣдила своего супруга ввести при Дворѣ Московскомъ часть этикета и часть обычаевъ Двора Цареградскаго. Іоаннъ III былъ первымъ изъ русскихъ государей, который сталъ взирать на подданныхъ своихъ, какъ на существъ породы низшей, ему чуждой, и обходиться съ ними высокомѣрно. Съ этихъ поръ, при Дворѣ

Московскомъ, вошло въ обычай и сохранилось до временъ Петра I, что всѣ русскіе, неисключая ни бояръ, ни потомковъ князей удѣльныхъ, должны были кланяться въ ноги своему государю и цѣловать у него руку. Формы этикета византійскаго, формы сухія, преисполненныя педантизма и низости вмѣстѣ, совершенно отдѣлили русскихъ государей отъ ихъ народа, и государи наши стали наивно и безсмысленно считать себя какими-то богами земными. Вліяніе нравовъ византійскихъ, вступивъ въ смѣсь съ вліяніемъ нравовъ монгольскихъ, положили на характеръ русскій, увы! плачевный отпечатокъ, коего слѣды еще доселѣ, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, не успѣли изгладиться совершенно. Многіе думаютъ, что государственныя учрежденія какого-либо народа и политическое состояніе его истекаютъ изъ его нравовъ; мы полагаемъ напротивъ, что нравы и обычаи народа имѣютъ источникомъ его политическое состояніе и большую или меньшую степень свободы его государственныхъ учрежденій.

Во время существованія удѣловъ, легко было лицамъ, недовольнымъ своимъ княземъ, перейти въ другій удѣлъ, и каждый удѣльный князь усердно старался, ласками и наградами, удержать у себя

своихъ бояръ, своихъ дружинниковъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кто могъ быть ему полезнымъ. Съ разрушеніемъ удѣловъ, всѣ русскіе содѣлались подданными великаго князя Московскаго, и Іоаннъ Грозный сталъ именоваться, съ 1547 года, царемъ и самодержцемъ всея Россіи.

Во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка, Іоаннъ III произвелъ коренную перемѣну въ сословіи людей служилыхъ, сословіи дотолѣ совершенно-подвижномъ, въ которое дотолѣ можно было вступать по-волѣ и выходить изъ него свободно. Іоаннъ III установилъ, что всякій сынъ служилаго человѣка, по достиженіи совершеннолѣтія, обязанъ служить великому князю во всякой должности, въ какую-только угодно будетъ великому-князю его назначить, и обязанъ служить во всю жизнь свою, безропотно и безъ отставки. Всякій изъ людей служилыхъ получалъ извѣстное количество земли; смотря по чину и по мѣсту, имъ занимаемому, получалъ *помѣстье*. Это было *законнымъ* началомъ русскаго дворянства. Съ той поры, то есть съ самаго рожденія своего и до 1762 года, сословіе русскаго дворянства было подвержено обязанности служить отъ юности до могилы; оно было *прикрѣплено* къ службѣ, и слѣдственно находилось въ настоящемъ крѣпостномъ состояніи. Сверхъ

того, до 1762 года оно было подвержено всѣмъ капризамъ, всѣмъ причудамъ государей и ихъ любимцевъ, подвержено позору наказаній тѣлесныхъ. Неоднократно, но тщетно дворянство русское силилось сбросить съ себя иго столь тяжкое и столь посрамительное; но оно выхлопотало себѣ право произвола почти безграничнаго надъ сословіемъ земледѣльческимъ, и должно было понести наказаніе за этотъ поступокъ, поступокъ безчеловѣчный и безразсудный вмѣстѣ. Ни въ какомъ монархическомъ правленіи, высшее сословіе не можетъ пріобрѣсти свободы, доколѣ низшее сословіе связано узами рабства. Русскіе дворяне, доколѣ имѣютъ сами крѣпостныхъ людей, не могутъ никакимъ образомъ свергнуть съ себя тяжкое иго крѣпостнаго холопства, наложенное на нихъ Царями.

Іоаннъ III, чтобы уничтожить, въ присоединенныхъ удѣлахъ, воспоминаніе о ихъ прежней самобытности, переселялъ изъ одной области въ другую людей самыхъ знатныхъ, самыхъ умныхъ и самыхъ богатыхъ; отбиралъ у нихъ родовыя вотчины и жаловалъ имъ взамѣну другія въ областяхъ отдаленныхъ. Такимъ образомъ онъ выселялъ Новгородцевъ въ Тверь, въ Рязань, въ Ярославль, а значительныхъ лицъ Рязани, Твери,

Ярославля выселялъ въ новгородскія области, и уничтожилъ, въ присоединенныхъ областяхъ, преданія временъ удѣльныхъ. Иго монгольское подавило понятія о справедливости, о законности, и значительно ослабило самыя чувства человѣколюбія и братскаго сочувствія къ ближнему, коими отличаются вообще племена славянскія. Произволъ и грубое насиліе царили въ Россіи вполнѣ, и всѣ русскіе, безъ всякаго различія происхожденія и общественнаго значенія, стали рабами своего государя; стали равными передъ произволомъ и прихотію самодержца, съ тою лишь разницею, что высшія сословія, сильно угнетаемыя и притѣсняемыя государемъ, въ свою очередь не менѣе сильно угнетали и притѣсняли низшее сословіе, которое, въ этомъ дикомъ порядкѣ вещей, было угнетаемо и притѣсняемо всѣми безъ исключенія.

Внукъ Іоанна Великаго, Іоаннъ Грозный одаренъ былъ замѣчательнымъ умомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страстями пылкими, бѣшеными, которыя, не встрѣчая въ самодержавномъ правленіи ни малѣйшей преграды, преобразили его въ тирана свирѣпаго и гнуснаго. Но въ юности своей, еще не развращенный, онъ имѣлъ рѣдкое счастіе найти мудрыхъ совѣтниковъ, Сильвестра и Адашева, и былъ столь уменъ, что не считалъ для себя унизитель-

нымъ слѣдовать ихъ совѣтамъ и быть ими руководиму ко благу Россіи.

Въ 1549 году, девятнадцатилѣтъ отъ роду Іоаннъ IV (еще не-Грозный), собралъ въ Москвѣ *Земскій Соборъ* (также именуемый весьма часто *Земскою Думою*); просилъ у него прощенія въ буйныхъ порывахъ своихъ отроческихъ лѣтъ, и поручилъ ему составленіе *Судебника!*

Эта *Дума Земская* состояла, отчасти изъ членовъ, засѣдающихъ по праву званій и должностей ими занимаемыхъ, отчасти изъ членовъ выборныхъ.

Право засѣданія въ ней имѣли:

1. Митрополиты, (а по учрежденіи патріаршества въ Россіи, и Патріархъ);
2. Архіепископы;
3. Епископы;
4. Игумены ставропигіальныхъ монастырей;
5. и всѣ члены думы боярской, то есть:
   а. бояре
   б. окольничіе
   в. думные дворяне.

Выборные люди избраны были слѣдующими сословіями:

1. Бѣлымъ духовенствомъ городскимъ и сельскимъ;
2. дѣтьми боярскими (т. е. вотчинниками и помѣщиками, что нынѣ называются дворяне);

3. членами купеческихъ сотень (т. е. цѣховъ);

4. посадскими людьми (т. е. городскимъ мѣщанствомъ).

Въ семнадцатомъ вѣкѣ являются въ думѣ земской и депутаты стрѣльцовъ (см. *Повѣствованіе о Россіи*, Арцыбашева).

Дума Земская, за исключеніемъ краткаго промежутка времени отъ 1613 по 1619 годъ, никогда не имѣла власти законодательной, имѣя только власть совѣщательную, но это была мысль истинно-счастливая: призвать къ совѣщанію о дѣлахъ правленія людей, облеченныхъ довѣріемъ своихъ согражданъ. Плодомъ трудовъ Думы Земской было, между прочимъ, возстановленіе присяжныхъ, или, какъ ихъ называли въ Россіи: *цѣловальниковъ*, существовавшихъ, въ старину, въ республикахъ Новгородской, Псковской и Хлыновской. Это прекрасное и полезное учрежденіе, возобновленное Іоанномъ Грознымъ, было отмѣнено домомъ Романовыхъ, въ семнадцатомъ вѣкѣ.

Въ 1566 году, Іоаннъ Грозный, въ виду войны съ Польшею, собралъ опять Думу Земскую и совѣтовался съ нею. Немедленно послѣ кончины Іоанновой и при вступленіи на престолъ сына его Ѳеодора I, снова собрана была Дума Земская, но вскорѣ вся власть перешла въ

руки шурина царскаго, Бориса Ѳедоровича Годунова. Дума Земская была распущена, и четырнадцать лѣтъ не собиралась.

Въ Россіи никогда не существовало политической наслѣдственной аристократіи, этаго учрежденія, служащаго преградою, въ одно и тоже время, и безурядицѣ массъ и самовластію правительства, и превосходный образецъ коего мы видимъ въ аристократіи англійской, въ перахъ королевства Великобританскаго, потомственныхъ членахъ верхняго парламента. Было въ Россіи, въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ, сословіе, состоящее изъ фамилій числомъ около трехъ-ста, облеченныхъ исключительнымъ преимуществомъ мѣстничаться между собою, но это мѣстничанье, смѣшное само-по-себѣ, было совершенно-безполезнымъ для государства. Іоаннъ Грозный велѣлъ составить оффиціальную родословную книгу, въ которую повелѣлъ внести потомковъ Рюрика и Гедимина, татарскую фамилію князей Мещерскихъ, часть боярскихъ родовъ великаго княженія Московскаго, и нѣсколько фамилій особенно-имъ любимыхъ, въ томъ числѣ и своего умнаго совѣтника Алексѣя Адашева. Впрочемъ, образъ составленія этой книги (нынѣ извѣстной подъ названіемъ: *бархатной*), былъ чрезвычайно пристрастнымъ и не-

справедливымъ. Въ ней помѣщены не были: и часть московскихъ родовъ боярскихъ, и бояре княженій удѣльныхъ, и бояре Рязани и Твери, этихъ двухъ великихъ княженій, столь долго соперничествовавшихъ съ Москвою, и бояре республики Новогородской, въ теченіи стольких вѣковъ обширной и могущественной. Книга эта была переписана при уничтоженіи мѣстничества, въ 1682 году, и по бархатному переплету своему получила названіе: *бархатной книги.* Нынѣ она находится въ сенатѣ, въ департаментѣ герольдіи.

Іоаннъ Грозный установилъ, что фамиліи, внесенныя въ оффиціальную родословную книгу, и потому именуемые *людьми родословными,* мѣстничаются между собою. Въ послѣдствіи, право мѣстничества съ людьми родословными предоставлено было: а. князьямъ Черкасскимъ, по мѣрѣ того, какъ они выѣзжали въ Россію изъ Кабарды; б. князьямъ Урусовымъ, послѣ принятія ими св. крещенія; в. и тремъ фамиліямъ, въ семнадцатомъ вѣкѣ породнившимся съ домомъ царскимъ: Стрѣшневымъ, Милославскимъ и Нарышкинымъ. Въ думѣ боярской, бояре считались мѣстами между собою, окольничіе между собою, и думные дворяне между собою. Напримѣръ, князь Ѳедоръ

Ивановичъ Мстиславскій, на двадцать-пятомъ году отъ рожденія пожалованный въ бояре, вступая въ думу, садился въ ней на второмъ мѣстѣ, немедленно послѣ отца своего, и выше всѣхъ старыхъ бояръ.

Титулъ княжескій не давалъ никакихъ преимуществъ; все зависѣло отъ мѣстъ и званій, занимаемыхъ предками. Когда князь Барятинскій вздумалъ оспоривать старшинство у Шереметева, Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, хотя самъ былъ княземъ изъ рода Рюриковичей, велѣлъ сказать Барятинскому: *что онъ слуговалъ.*

Все остальное дворянство, въ числѣ коего находилось много фамилій, ни въ древности рода, ни въ знаменитости исторической ничѣмъ не уступавшихъ фамиліямъ бархатной книги, имѣло право мѣстничаться между собою, и не бывъ внесено въ оффиціальную родословную книгу, именовалось *людьми неродословными.*

Нѣтъ никакой возможности взирать на это сословіе бархатной книги, какъ на аристократію. Князья и бояре подвержены были произволу царя и всѣмъ прихотямъ его; ихъ сѣкли на конюшнѣ; однимъ словомъ, они были ничѣмъ инымъ, какъ привилегированными рабами, облеченными правомъ имѣть своихъ собствен-

ныхъ рабовъ и угнетать ихъ, какъ были сами угнетаемы, произвольно и безнаказанно. Россія, со времени нашествія монгольскаго въ тринадцатомъ вѣкѣ и до нашихъ дней, есть пирамида всеобщаго рабства и необузданнаго самовластія. Въ этой огромной пирамидѣ, сверху до низу притѣсняютъ и угнетаютъ, а снизу до самаго верху развивается, въ исполинскихъ размѣрахъ, ложь оффиціальная, ложь возведенная на степень государственнаго учрежденія, грустный и горькій плодъ рабства и отсутствія всякой свободы личной, отсутствія настоящей гласности, отсутствія всякаго добросовѣстнаго надзора и всякаго истиннаго контроля. Деспотизмъ не только отвратителенъ самъ по себѣ, но еще имѣетъ разрушительное вліяніе на чувства нравственности и чести; онъ развращаетъ душу, унижаетъ характеръ человѣческій, не только у своихъ жертвъ, но еще болѣе у тѣхъ, кои владѣютъ и распоряжаются имъ.

Земская Дума, какъ мы сказали выше, была собраніемъ чисто-совѣщательнымъ, созываемымъ и распускаемымъ по прихоти царской. Только въ первые годы царствованія династіи Романовыхъ, съ 1613 по 1619, дума земская, облеченная властію законодательною, была настоящимъ парламентомъ.

Земледѣльцы были еще свободными. Конечно, они были притѣсняемы и угнетаемы, но все таки за ними оставалось право перехода, отъ однаго помѣщика къ другому, съ 19 Ноября по 3 Декабря, тоесть въ двухъ-недѣлье около осенняго юрьева дня. Законъ этотъ былъ особенно-выгоднымъ для бояръ и вообще для богатыхъ землевладѣльцевъ, на земляхъ коихъ крестьяне могли находить болѣе приволья и лучшую защиту отъ притѣсненій властей, чѣмъ на земляхъ владѣльцевъ мелкопомѣстныхъ и бѣдныхъ. Годуновъ, предвидя близкую кончину Ѳеодора I, еще зрѣлаго лѣтами, но стольже дряхлаго здоровьемъ, сколь и слабаго умомъ, кончину, съ коею пресѣкался домъ Московскій, простиралъ виды свои на престолъ. Прочія, многочисленныя вѣтви дома Рюрикова, давно уже утратившіе, съ своими удѣлами, всякое политическое значеніе, были, силою обстоятельствъ и времени, поставлены ниже бояръ, и не могли простирать видовъ своихъ на престолъ своихъ предковъ*). Опасность Годунову

*) Въ Россіи еще нынѣ находится тридцать-девять княжескихъ домовъ, происходящихъ отъ Рюрика въ прямомъ мужскомъ колѣнѣ, а именно:

Князья: Одоевскіе (остался только одинъ, бездѣтный);

могла грозить только со стороны бояръ и немногихъ князей, съ пріобрѣтеніемъ зва-

---

Князья: Кольцовы-Масальскіе (ихъ двое, не имѣющихъ мужескаго потомства);
„ Горчаковы;
„ Елецкіе (если только еще существуютъ настоящіе князья Елецкіе, въ чемъ мы сомнѣваемся);
„ Звѣнигородскіе;
„ Варятинскіе;
„ Оболенскіе;
„ Долгоруковы;
„ Щербатовы;
„ Святополки-Четвертинскіе;
„ Святополки-Мирскіе;
„ Друцкіе;
„ Бабичевы;
„ Путятины;
„ Друцкіе-Соколинскіе;
„ Друцкіе-Любецкіе;
„ Вяземскіе;
„ Щетинины;
„ Засѣкины;
„ Сонцовы;
„ Сонцовы-Засѣкины;
„ Шаховскіе;
„ Морткины (если только они еще существуютъ);
„ Шехонскіе;
„ Львовы;
„ Прозоровскіе (остался только одинъ, бездѣтный, но имя ихъ передано князю Александру Ѳедоровичу Голицыну, коего не слѣдуетъ смѣшивать съ инквизиторомъ-Голицынымъ, статсъ-секретаремъ);
„ Дуловы;

нія боярскаго имѣвшихъ голосъ въ думѣ и нѣкоторый вѣсъ въ государствѣ. Въ

Князья: Кропоткины;
„ Козловскіе;
„ Щепины-Ростовскіе;
„ Касаткины-Ростовскіе;
„ Лобановы-Ростовскіе;
„ Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе;
„ Вадбольскіе;
„ Шелешпанскіе;
„ Ухтомскіе;
„ Шуйскіе;
„ Гагарины;
„ Хилковы.

Фамилія князей Волконскихъ происходитъ отъ побочнаго сына князя Юрія Михайловича Торусскаго, жившаго въ тринадцатомъ вѣкѣ.

Фамилія князей Рѣпниныхъ, происходившая отъ Рюрика въ мужскомъ колѣнѣ, угасла въ 1801 году; имя ихъ было тогда передано одному изъ князей Волконскихъ.

Изъ прочихъ русскихъ княжескихъ домовъ, восемь ведутъ начало отъ великаго князя Литовскаго Гедимина; семь иностраннаго происхожденія, пожалованы русскими князьями, и шестнадцать возведены въ русское княжеское достоинство жалованными грамотами. Отъ Гедимина происходятъ

Князья: Хованскіе;
„ Голицыны;
„ Куракины;
„ Трубецкіе;
„ Воронецкіе;
„ Чарторыжскіе;
„ Коріатовичи-Курцевичи;
„ Сангушко.

этомъ положеніи дѣлъ, Годуновъ захотѣлъ привлечь на свою сторону духовенство

Князья иностраннаго происхожденія:

Князья: Багратіоны, потомки царей Грузинскихъ;

,, Дадіановы, потомки древнихъ владѣтелей мингрельскихъ, владѣвшихъ Мингреліею до 1695 года;

,, Мещерскіе, потомки ширинскаго мурзы, владѣвшаго Мещерскимъ городкомъ;

,, Урусовы } потомки владѣтелей
,, Юсуповы } ногайскихъ.

,, Черкасскіе, потомки владѣтелей Большой Кабарды;

,, Цициановы, знаменитая грузинская фамилія.

Въ Россійско-княжеское достоинство возведены грамотами:

1707. Князья Меншиковы;
1798. ,, Ромодановскіе-Ладыженскіе;
1799. ,, Лопухины (остался только одинъ, бездѣтный);
1799. ,, Италійскіе, Графы Суворовы-Рымникскіе;
1800. ,, Аргутинскіе-Долгорукіе.
1814. ,, Салтыковы;
1815. ,, Барклай-де-Толли (остался только одинъ, бездѣтный, но имя и титулъ его переданы его племяннику, свиты Е. В. генералъ-маіору Александру Петровичу Веймарну);
1826. ,, Ливены;
1831. ,, Варшавскіе, Графы Паскевичи-Эриванскіе;
1831. ,, Кочубеи;

и мелкихъ помѣщиковъ. Для удобнѣйшаго вліянія на духовенство, онъ учредилъ званіе Патріарха Всероссійскаго; облекъ его обширною властію и тѣмъ наружнымъ почетомъ, блескомъ наружнымъ, который всегда столь сильно вліяетъ на массы народныя. Въ санъ Патріарха возвелъ онъ своего задушевнаго друга и наперсника, Іова. Чтобы угодить мелкопомѣстному дворянству и привлечь его на свою сторону, онъ запретилъ

1839. Князья: Васильчиковы;
1841. „ Чернышевы;
1845. „ Воронцовы;
1849. „ Тарковскіе;
1853. „ Чингисы;
1856. „ Орловы;

Въ нетитулованномъ русскомъ дворянствѣ есть фамиліи, безспорно происходящія отъ Рюрика въ прямомъ мужескомъ колѣнѣ, а именно:

Аладьины. Огинскіе.
Березины. Пузино.
Дмитріевы-Мамоновы. Ржевскіе.
Еропкины. Сатины.
Ильины. Татищевы.
Ляпуновы.

Предки этихъ фамилій, утративъ удѣлы и богатство, перестали писаться князьями, а по закону, титулъ, въ теченіи трехъ поколѣній не носимый, исчезаетъ въ четвертомъ поколѣніи; остается только княжескій гербъ. Огинскіе, долго писавшись графами, нынѣ пишутся князьями, но намъ не извѣстно, получено-ли ими на это законное дозволеніе?

переходъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, что стало весьма невыгоднымъ для большихъ землевладѣльцевъ и весьма выгоднымъ для малыхъ. За то, по кончинѣ Ѳеодора I, умершаго 7 Января 1598 года, когда собралась, въ Февралѣ мѣсяцѣ, Дума Земская для избранія новаго дома Царскаго, большинство Думы Земской, къ великому огорченію бояръ, избрало Годунова. Черезъ два года по воцареніи своемъ, Годуновъ разрѣшилъ переходы крестьянскіе, но только отъ одного мелкопомѣстнаго землевладѣльца къ другому мелкопомѣстному, такимъ образомъ, чтобы бояре и вельможи не могли воспользоваться этимъ улучшеніемъ въ законѣ. Съ тѣхъ поръ, и до первой ревизіи, учиненной Петромъ I, было въ Россіи два рода невольниковъ: земледѣльцы, прикрѣпленные къ землѣ, и которые могли быть продаваемы только съ землею, и настоящіе рабы, называемые крѣпостными людьми, (иначе холопами), прикрѣпленные къ особѣ господина своего, и коихъ онъ могъ продавать отдѣльно. Различіе между этими двумя сословіями видно изъ договора, заключеннаго въ Москвѣ, 17 Августа 1610 года, между думою боярскою и главнокомандующимъ польскими войсками, гетманомъ Жолкѣвскимъ. Этимъ договоромъ, Королевичъ

Польскій Владиславъ объявленъ былъ Царемъ Россійскимъ, но Царемъ конституціоннымъ, и въ числѣ условій, предписанныхъ Владиславу, сказано было, въ 11й статьѣ договора: *что земледѣльцы, ни въ Россіи, ни въ Литвѣ, не могутъ переходить съ земли одного помѣщика на землю другаго; чтоже касается до крѣпостныхъ людей, то они остаются попрежнему крѣпкими за своими господами.* Различіе это явствуетъ также изъ уложенія Царя Алексѣя Михайловича, изданнаго въ 1649 году, и только Петръ I смѣшалъ во-едино эти два сословія невольниковъ.

Смуты послѣднихъ лѣтъ Годуновскаго царствованія и вторженіе Лжедмитрія съ польскими дружинами установили безпрерывныя сношенія между Россіею и Литвою. Русскіе дворяне, раздавленные правительствомъ, находившіеся въ рабскомъ состояніи, съ завистію горькою и весьма понятною взирали на свободу и на политическія права, коими пользовались дворяне Польскіе и Литовскіе. За то, по убіеніи Лжедмитрія и по вступленіи на престолъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, въ Маѣ 1606 года, Дума Боярская заставила новаго Царя обѣщать: 1. никого не казнить смертію безъ суда; 2. никого не приговаривать ни къ какому

наказанію по однимъ доносамъ, но требовать доказательствъ вины, и никогда не отказывать обвиняемому въ очной ставкѣ съ доносителемъ; 3. ни у кого не отнимать имѣній. При паденіи Шуйскаго, въ Августѣ 1610 года, и при избраніи на престолъ россійскій польскаго королевича Владислава, Дума Боярская предписала новому Государю разныя условія, въ числѣ коихъ были: 1. принятіе Владиславомъ православной вѣры; 2. созывъ Думы Земской и предоставленіе ей права раздѣлять съ Царемъ власть законодательную; 3. предоставленіе Царю власти исполнительной. Жолкѣвскій принялъ эти условія именемъ Владислава, но отецъ Королевича, Король Польскій Сигизмундъ IV, человѣкъ слабоумный, безхарактерный, бывшій игрушкою Іезуитовъ, не согласился на принятіе сыномъ православной вѣры, и къ счастію Россіи, обстоятельства приняли другій оборотъ, сохранивъ ей и вѣру и народность.

Въ 1612 году, возстаніе народное, всеобщее, избавило Россію и отъ польскаго нашествія и отъ враговъ внутреннихъ; въ Октябрѣ мѣсяцѣ, народное ополченіе выгнало Поляковъ изъ Москвы, и Земскій Соборъ созванъ былъ къ Февралю 1613 года, для избранія новаго дома царскаго. Претендентовъ на престолъ было не мало.

Баронъ Страленбергъ, шведскій офицеръ, взятый въ плѣнъ подъ Полтавою, и двѣнадцать лѣтъ, до самаго заключенія мира Ништадтскаго, проведшій въ плѣну въ Сибири, имѣлъ случай знать еще стариковъ, дѣды коихъ принимали участіе въ избраніи Михаила Романова. Онъ разсказываетъ, въ своемъ *Описаніи Россійской Имперіи*, что бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ (который по женѣ своей, княжнѣ Иринѣ Борисовнѣ Черкасской, приходился Михаилу Романову двоюроднымъ братомъ), показалъ и пустилъ въ ходъ по Земскому Собору *подложное* письмо дяди своего, Михаилова отца, Митрополита Ростовскаго Филарета (въ мірѣ бывшаго боярина Ѳедора Никитича Романова-Юрьева). Въ этомъ письмѣ, *въ послѣдствіи оказавшемся подложнымъ*, Филаретъ упрашивалъ Думу Земскую ни подъ какимъ видомъ не возстановлять въ Россіи самодержавія, и не допускать никакого Государя на престолъ иначе, какъ съ ограниченіемъ власти Царской властію Думы Земской, однимъ словомъ, выражаясь нынѣшнимъ нарѣчіемъ, требовалъ конституціи. Письмо это привело членовъ Думы Земской въ восторгъ неописанный, и они, 21 Февраля 1613 года, избрали Царемъ семнадцатилѣтняго Михаила Романова, въ надеждѣ, что по молодости

его лѣтъ легче будетъ имъ управлять. Онъ клялся на Св. Евангеліи свято соблюдать грамоту государственной свободы (конституцію), составленную Думою Земскою. Въ этой грамотѣ сказано было, что Царь не имѣетъ права издавать новыхъ законовъ, учреждать новыхъ налоговъ, объявлять войну, заключать миръ, казнить смертію и отнимать имѣній, безъ согласія Думы Земской, а когда Дума Земская не находилась въ сборѣ, то безъ согласія Думы Боярской. Это же самое утверждаетъ Манштейнъ, въ своихъ любопытныхъ запискахъ о Россіи. Манштейнъ жилъ въ нашемъ отечествѣ съ 1727 по 1744 годъ, и могъ еще знать стариковъ, прадѣды коихъ принимали участіе въ избраніи Михаила Романова. О томъ же самомъ упоминаетъ Василій Никитичъ Татищевъ, въ запискѣ, представленной дворянствомъ верховному тайному совѣту въ 1730 году. Котошихинъ, въ своей любопытной книгѣ: *Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича*, говоритъ, что Михаилъ Романовъ не могъ, безъ согласія бояръ, ни казнить, ни дѣйствовать вообще, потому-что при вступленіи на престолъ далъ въ томъ запись, а Царь Алексѣй, продолжаетъ Котошихинъ, подобной записи не давалъ.

Слѣдуетъ отдать полную справедли-

вость Думѣ Земской, въ томъ, что въ краткій періодъ своего законодательнаго существованія, съ 1613 по 1619 годъ, она отличилась умомъ государственнымъ и знаніемъ правленія. При вступленіи Михаила на престолъ, положеніе Россіи было ужасно; многія области заняты были Поляками и Шведами; другія обуреваемы мятежами и находились въ рукахъ самозванцевъ и ихъ клевретовъ; торговля совершенно упала; дороги покрыты были цѣлыми шайками разбойниковъ; казна опустѣла до такой степени, что за торжественнымъ обѣдомъ въ день коронованія Михаила, 12 Іюля 1613 года, не было посуды серебряной, и подавали кушанье на оловянной. Земская Дума, въ эти шесть лѣтъ, усмирила край; водворила порядокъ во внутреннихъ областяхъ; заключила со Швеціею, въ Столбовѣ, мирный договоръ, по коему Россія уступила, правда, прибрежье Финскаго залива, берега Невы и часть прибрежья Ладожскаго озера, но сохранила за собою древній Новгородъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находившійся въ рукахъ Шведовъ; сохранила за собою Псковъ, незадолго передъ тѣмъ прославленный мужественною и удачною обороною противъ храбрыхъ войскъ шведскихъ, предводимыхъ знаменитыми полководцами, достой-

ными сподвижниками тогдашняго Короля Шведскаго, великаго Густава-Адольфа.

Въ 1619 году, Дума Земская заключила съ Польшею миръ въ Деулинѣ и уступила Польшѣ Смоленскъ, Черниговъ и землю Сѣверскую. Но этотъ миръ, сколь тяжкимъ онъ ни былъ, даровалъ Россіи время оправиться отъ бѣдствій, собраться съ силами, и не прошло полувѣка, что уступленныя области были вновь завоеваны и возвращены отечеству.

Но людямъ самымъ умнымъ не дано, отъ Провидѣнія, способности возвыситься надъ уровнемъ понятій современныхъ, надъ уровнемъ направленія своего вѣка. Возвыситься надъ этимъ уровнемъ, есть удѣлъ генія: а люди геніальные рѣдки въ всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Дума Земская 1613 и слѣдующихъ годовъ, хотя составлена была, какъ видно, изъ людей весьма умныхъ и весьма способныхъ, не поняла идеи, нынѣ, въ нашъ вѣкъ, доступной всей массѣ общества, а именно, что свобода политическая и гражданская, чтобы остаться прочною и долговѣчною, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть основанною на рабствѣ низшаго класса народонаселенія, и что въ правленіи монархическомъ, рабство низшаго сословія неминуемо ведетъ къ одному изъ двухъ: или къ олигархіи, тоесть исклю-

чительному самовластію высшаго сословія, общей безурядицѣ и паденію государства, какъ то было въ Польшѣ, или къ самому крутому деспотизму правительства и всеобщему рабству всѣхъ сословій, какъ мы видимъ нынѣ въ Россіи. Земская Дума 1613 года такъ мало понимала эту истину, что въ знакъ государственной признательности подарила населенныя земли, тоесть подарила *вотчины съ людьми*, знаменитому Минину, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому и князю Дмитрію Тимоѳѣевичу Трубецкому. Дворянство русское никакъ не постигло всей опасности учреждаемаго имъ порядка вещей, и, лишивъ свободы большинство своихъ соотечественниковъ, совершило свое собственное политическое самоубійство.

Миръ Деулинскій освободилъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, въ Польшѣ находившихся, и въ томъ числѣ митрополита Филарета, мужа высокаго ума и рѣдкой энергіи, но одареннаго наклонностями самыми властолюбивыми и самыми деспотическими. На скрижаляхъ исторіи рѣдко встрѣчается характеръ столь пылкій и столь необузданный. Даже Царь Михаилъ трепеталъ передъ своимъ отцемъ. Возведенный, немедленно по возвращеніи въ Россію, въ санъ Патріарха, Филаретъ поспѣшилъ уничтожить власть Думы Зем-

ской. Онъ не хотѣлъ лишиться весьма полезнаго содѣйствія людей умныхъ и способныхъ, засѣдающихъ въ этой Думѣ, не хотѣлъ лишиться ихъ совѣтовъ, опытности, знанія дѣла, но отнялъ у Думы всю власть законодательную, предоставивъ ей голосъ чисто-совѣщательный, и возстановилъ самодержавіе царское. Тѣ бояре, которые, во дни междуцарствія, были, во мнѣніи общественномъ, кандидатами къ престолу, и тѣ лица, которые, въ первые годы Михаилова царствованія, пользовались вѣсомъ въ Думѣ и вліяніемъ на дѣла государственныя, были подъ разными предлогами удалены изъ Москвы въ дальніе города. Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій былъ отправленъ намѣстникомъ въ Новгородъ и во Псковъ; князь Дмитрій Тимофѣевичь Трубецкій намѣстникомъ въ Сибирь; князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго оставили спокойно жить въ Москвѣ, благодаря его слабоумію, безхарактерности и слабому здоровью; къ тому же онъ былъ бездѣтнымъ, переживъ своего единственнаго сына, и послѣднимъ въ своемъ родѣ, который и пресѣкся съ его смертію, въ 1622 году. Знаменитый Мининъ, герой отечественной войны, скончался въ 1616 году. Главный политическій руководитель духовенства, келарь Троицкой Лавры

Авраамій Палицынъ, проявившій столь великій духъ въ годину войны отечественной, и оказавшій Россіи исполинскія заслуги, сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и кончилъ жизнь. Братья Салтыковы, бояре Борисъ и Михайло Михайловичи, лишились всякаго вліянія на юнаго Царя и были удалены на нѣкоторое время.

Филаретъ велѣлъ истребить грамоту избранія 1613 года и написать новую, въ коей вовсе не упоминалось объ ограниченіи власти Царской, и Михаилъ именованъ *самодержцемъ*. Тѣхъ изъ членовъ Земской Думы 1613 года, которые еще находились въ живыхъ, заставили подписать эту новую грамоту, а за умершихъ приложили руки, фальшивыми подписями. Лица, съ 1613 по 1619 годъ получившіе какіе-либо чины, приложили руки съ означеніемъ своихъ новыхъ чиновъ. Было-ли это сдѣлано ими нарочно, умышленно, или такъ спроста, нечаянно, этаго теперь уже рѣшить невозможно. Напримѣръ, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій, подписались въ званіи бояръ, хотя боярство пожаловано имъ было лишь въ день коронованія Михаила, 12 Іюля 1613 года, тоесть послѣ составленія и подписанія всѣми членами Думы Земской первой,

настоящей грамоты. Въ этой новой грамотѣ, какъ мы сказали выше, Михаилъ названъ *самодержцемъ*, хотя въ первые годы своего царствованія онъ ни въ какихъ актахъ самодержцемъ не именовался. Василій Николаевичъ Берхъ, въ своей *Исторіи Царствованія Михаила Ѳеодоровича*, изданной лѣтъ тридцать тому назадъ, не смѣлъ упомянуть объ ограниченіи власти Царской въ 1613 году, но приводитъ однако указъ, изданный послѣ возвращенія Филарета въ Россію, и въ коемъ повелѣвается возстановить, на государственной печати, титулъ *самодержца*. Слѣдственно, титулъ этотъ снятъ былъ и съ государственной печати.

Эта новая грамота избранія Михаила на царство, составленная такимъ образомъ патріархомъ Филаретомъ вмѣсто прежней, настоящей, хранится нынѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Придворные холопы и кандидаты на это званіе, показывая грамоту посѣтителямъ мало знакомымъ съ отечественными лѣтописями, или иностранцамъ незнакомымъ съ русскою исторіею, увѣряютъ ихъ, что Романовы вступили на престолъ въ званіи самодержцевъ, забывая, что не только ни одинъ Государь, но даже ни одинъ льстецъ, какимъ-бы бѣснованіемъ низкопоклонства онъ ни былъ

одержимъ, никогда не можетъ вырвать изъ исторіи ни одной страницы, не можетъ уничтожить ни однаго совершившагося событія*).

Смуты, обуревавшія Россію со времени смерти Годунова и до восшествія Михаила Романова, привели въ упадокъ законъ о прикрѣпленіи сельскаго населенія къ землѣ и доставили земледѣльцамъ возможность переходить, по-прежнему, отъ однаго помѣщика къ другому. Дума Земская, какъ мы видѣли, не поняла вполнѣ современнаго политическаго положенія Россіи, и впала въ огромную, необъятную ошибку: не уничтожила закона о прикрѣпленіи, не

---

*) Г. Устряловъ, и въ своей Исторіи Россіи, и въ своей Исторіи Петра Великаго, писанныхъ по заказу Николая Павловича, говоритъ, что Михаилу, при самомъ избраніи его, вручена была власть самодержавная, и даже, въ Исторіи Петра Великаго, силится опровергнуть всѣ доказательства объ ограниченіи власти Царской. Это наглая ложь. Г. Устряловъ, вмѣстѣ съ генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ, былъ, какъ извѣстно, *оффиціальными баснописцами* Николая Павловича. Однако Г. Устряловъ далеко превзошелъ Данилевскаго: онъ, при жизни Николая Павловича, имѣлъ духъ написать и напечатать исторію его царствованія, исполненную самой низкой лести. Это истинное мужество подлости, и книга его останется навсегда несокрушимымъ памятникомъ его холопскаго усердія.

возвратила земледѣльцамъ законнаго права перехода, а лишь допускала ихъ переходить; смотрѣла, такъ сказать, сквозь пальцы. Патріархъ Филаретъ, взирая на дѣла съ точки зрѣнія самодержавной, тотчасъ понялъ, какую пользу онъ могъ извлечь изъ ошибки Думы Земской и изъ возстановленія крѣпостнаго состоянія земледѣльцевъ; онъ понялъ, сколь сильною приманкою для мѣлкопомѣстнаго дворянства послужитъ возстановленіе годуновскаго закона. Въ 1625 году, онъ, собравъ Думу Земскую, вліяніемъ своихъ клевретовъ и вообще мѣлкопомѣстнаго дворянства, предписалъ составить новыя *писцовыя книги*, въ коихъ земледѣльцы должны были быть записанными и прикрѣпленными къ землѣ того помѣщика, у коего застанетъ ихъ эта перепись. Различіе между прикрѣпленными земледѣльцами и крѣпостными холопами было еще сохранено, но все таки позоръ окончательнаго установленія въ Россіи крѣпостнаго состоянія падаетъ на перваго Царя изъ дома Романовыхъ. Далѣе мы увидимъ, какъ внукъ Михаиловъ смѣшалъ во-едино оба сословія невольниковъ. Этою-то мѣрою, возобновленія крѣпостнаго состоянія въ пользу мѣлкопомѣстнаго дворянства, Патріархъ Филаретъ легко достигъ своей пагубной цѣли: возстановленія самодер-

жавія, и превращенія Думы Земской, дотолѣ собранія законодательнаго, въ простый совѣтъ, имѣющій голосъ чисто-совѣщательный.

Дума Земская, утративъ такимъ образомъ свою власть и вліяніе свое, была однако сзываема неоднократно въ царствованіе Михаила, для разныхъ совѣщаній: въ 1621 году, для разныхъ законодательныхъ мѣръ почасти торговли и промышленности; въ 1625 году, для предписанія о составленіи писцовыхъ книгъ; въ 1634 году для объявленія войны Польшѣ; въ 1641 году (уже по кончинѣ Филарета), для рѣшенія: принять-ли предложеніе Донскихъ казаковъ, которые, удачнымъ набѣгомъ отнявъ Азовъ у Турокъ и не будучи въ состояніи удержать городъ этотъ за собою, предлагали его русскому Царю. Дума Земская уже утратила все свое вліяніе: она рѣшила принять Азовъ, а Царь былъ противнаго мнѣнія, и Азовъ возвращенъ былъ Туркамъ.

Правленіе Патріарха Филарета оставило Россіи еще другій, тяжкій памятникъ — это уничтоженіе присяжныхъ (цѣловальниковъ) и выборныхъ судовъ, этихъ двухъ древнихъ русскихъ учрежденій, исчезнувшихъ во время ига монгольскаго, и возстановленныхъ Іоанномъ Грознымъ. Филаретъ сосредоточилъ всю власть, и

судебную и административную, въ рукахъ намѣстниковъ и воеводъ. Эти послѣдніе стали настоящими турецкими пашами; самовластіе ихъ развилось въ обширныхъ размѣрахъ, и послужило прочною основою деспотизму царскому. Россія, какъ мы уже сказали выше, есть пирамида всеобщаго рабства.

Царь Михаилъ скончался въ 1645 году, и шестнадцатилѣтній сынъ его Алексѣй вступилъ на престолъ, уже въ званіи самодержца. Однако, при немъ два раза была собрана Дума Земская; въ 1649 году, для разсмотрѣнія и утвержденія уложенія, и въ 1653 году, для рѣшенія: принять-ли предложеніе Малороссіи, которая, свергнувъ иго Польши, просилась въ россійское подданство. И Царь и Земская Дума были одного мнѣнія, что слѣдуетъ принять предложеніе Малороссіи, и Польшѣ объявлена была война, счастливый исходъ коей доставилъ Россіи возвращеніе, не только областей, утраченныхъ по Деулинскому миру 1619 года, но еще и многихъ городовъ, уступленныхъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ.

Война эта снова ввела во взаимныя сношенія дворянство русское со шляхетствомъ польскимъ и литовскимъ, и вновь напомнила русскимъ дворянамъ въ какое унизительное, гнусное рабское состояніе

они погружены; дала имъ чувствовать всю тягость и весь позоръ ихъ положенія; они совершенно и безгранично преданы были на произволъ, не только прихоти Царской, но и прихоти временщиковъ, подвержены были тѣлеснымъ наказаніямъ: даже бояръ сѣкли на конюшнѣ царской. Дворянство русское несло наказаніе за ошибку, которую оно совершило, оковавъ цѣпями рабства все низшее сословіе, тоесть большую часть своихъ соотечественниковъ: такъ непреложенъ мудрый законъ историческаго правосудія, что преступленія правительствъ и преступленія сословій не избѣгаютъ, въ будущемъ, строгой кары! Народъ русскій также не покорился безпрекословно тяжкому игу, на него наложенному. Страшный мятежъ, предводимый Донскимъ казакомъ Стенькою Разинымъ, вспыхнулъ въ 1670 году. Кровь дворянъ полилась ручьями въ юго-восточныхъ областяхъ Россіи. Мятежники не возставали на Царя, но требовали освобожденія крестьянъ и уничтоженія дворянства. Правительство, для утушенія этаго мятежа, должно было употребить всѣ силы, коими только могло располагать. Это всеобщее, и весьма понятное неудовольствіе и раздраженіе, раздраженіе дворянства, желавшаго освободиться изъ подъ-ига царскаго, и раздра-

женіе народа, желавшаго освободиться изъ-подъ ига дворянскаго, привели Царя Алексѣя Михайловича къ учрежденію политической инквизиціи, или какъ въ старину выражались, *застѣнка*. Застѣнокъ этотъ учрежденъ близъ Москвы, въ селѣ Преображенскомъ, и потому названъ *преображенскимъ приказомъ*. Всякій, безъ исключенія, могъ страшиться, что при первомъ доносѣ, при малѣйшемъ подозрѣніи, онъ будетъ схваченъ, отвезенъ въ Преображенское, и пытанъ немилосердно. Ужасъ началъ парить надъ всею Россіею. Эти жестокости, эта свирѣпость не должны удивлять насъ. Самодержавіе, деспотизмъ, столь противно всякому чувству человѣколюбія, всякому понятію о справедливости, что не можетъ поддержаться инымъ образомъ, какъ несправедливостію, жестокостію и безчеловѣчіемъ.

Третій Царь изъ дома Романовыхъ, Ѳеодоръ III Алексѣевичь, также царствовалъ самодержавно. Но желая уничтожить мѣстничество, онъ счелъ полезнымъ собрать, для этаго предмета, Думу Земскую, что и послѣдовало въ Январѣ 1682 года. Ѳеодоръ и умные совѣтники его, князь Василій Васильевичь Голицынъ, князь Михаилъ Юрьевичь Долгоруковъ и Иванъ Максимовичъ Языковъ, очень хорошо знали, что мѣстничество пріятно

только немногочисленному меньшинству дворянства, и что огромное большинство Думы Земской охотно изъявитъ согласіе на его уничтоженіе. Замѣчательно, что не взирая на утрату, Думою Земскою, всякой власти законодательной и всякаго вліянія политическаго, она еще сохраняла, въ то время, нѣкоторый вѣсъ въ общественномъ мнѣніи, и Цари сзывали ее во всѣхъ важныхъ случаяхъ: для утвержденія уложенія, для войны съ Польшею, для уничтоженія мѣстничества. Нынѣ времена перемѣнились. Принцы Голштейнъ-Готторпскіе, возсѣдающіе на престолѣ всероссійскомъ, считаютъ себя умнѣе всѣхъ шестидесяти-девяти милліоновъ подданныхъ своихъ, и находятъ для себя достаточнымъ совѣтоваться, и то далеко не во всѣхъ дѣлахъ, съ своимъ государственнымъ совѣтомъ. А что такое государственный совѣтъ? Богадѣльня, наполненная нѣсколькими десятками стариковъ, большею частію бездарныхъ, низкопоклонныхъ, неимѣющихъ даже права пожизненнаго засѣданія въ совѣтѣ, и очень хорошо знающихъ, что каждый изъ нихъ, при первомъ навлеченіи на себя неудовольствія, можетъ быть выгнанъ изъ этой богадѣльни, чему бывали примѣры.

Дума Земская находилась еще въ сборѣ въ день кончины Ѳеодора III,

27 Апрѣля 1682 года, и была распущена правительницею, царевною Софіею Алексѣевною. Ни при Софіи, ни при Петрѣ I, ни при преемникахъ его, исключая Екатерины II, Дума Земская не была созываема. Екатерина II созвала ее однажды, о чемъ мы упомянемъ далѣе.

Петръ Великій былъ преобразователемъ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ ужаснѣйшихъ деспотовъ, когда-либо существовавшихъ. Впрочемъ, и самое положеніе его было совершенно-исключительнымъ. Онъ вступилъ на престолъ въ минуту кризиса, неизбѣжнаго перелома, въ одну изъ тѣхъ великихъ и торжественныхъ минутъ, въ которыя рѣшается вся будущность цѣлаго государства. Вопросъ заключался въ томъ: будетъ-ли Россія продолжать итти по направленію азіатскому, по коему слѣдовала дотолѣ, направленію, на коемъ она начинала уже задыхаться и утрачивала свои силы, или вступитъ-ли она въ Европу и пожнетъ плоды европейскаго просвѣщенія? Оставаться-ли въ Азіи, вступить-ли въ Европу — въ томъ состояла огромная задача, отъ рѣшенія коей зависѣла вся будущность Россіи? Первые три царя изъ дома Романовыхъ вызвали въ Россію многихъ иностранцевъ, и хотѣли, не приступая къ важнымъ реформамъ, къ зна-

чительнымъ перемѣнамъ, привить Россіи успѣхи, совершенные Европою на поприщахъ военномъ, торговомъ и промышленномъ. Прививка эта не удалась, да и не могла удасться. Необходимы были реформы значительныя, коренныя. Большинство русскихъ упорно противилось всѣмъ перемѣнамъ, и потому, чтобы извлечь Россію изъ этаго, столь опаснаго положенія, чтобы отогнать отъ нея сонъ азіатскій, летаргическій, начинавшій уже овладѣвать ею, необходима была желѣзная десница Петра Великаго. Притомъ, эта высокая роль преобразователя какъ нельзя лучше шла къ его сильной и богатой природѣ, задыхавшейся въ смѣшныхъ и нелѣпыхъ формахъ византійскаго этикета и восточныхъ придворныхъ обрядовъ введенныхъ въ Россіи, какъ мы говорили выше, еще съ самаго пятнадцатаго вѣка, но преувеличенныхъ и до крайнихъ размѣровъ доведенныхъ царями Михаиломъ, Алексѣемъ и Ѳеодоромъ III. Эти три первые государя изъ дома Романовыхъ, изъ этаго еще новаго царскаго дома, надѣялись, посредствомъ мелочнаго этикета и щепетильныхъ обрядовъ, заставить позабыть о недавнемъ возвышеніи своей фамиліи; надѣялись, содѣлавъ себя почти недоступными, провести болѣе рѣзкую черту разграниченія между собою и дѣ-

тьми недавнихъ сверстниковъ отцовъ своихъ, внезапно содѣлавшихся, подъ именемъ подданныхъ, ихъ настоящими рабами.

Тѣсная рама нашей книги не допускаетъ здѣсь подробнаго обсужденія и подробной оцѣнки великаго царствованія Петрова; притомъ, мы надѣемся, черезъ нѣсколько лѣтъ, издать нашу *Русскую Исторію* и на русскомъ и на французскомъ языкахъ. Здѣсь мы скажемъ только, что самыя ошибки Петра I, по размѣрамъ своимъ, равнялись его генію и его исполинскимъ дѣяніямъ: обыкновенная участь великихъ мужей, которымъ не дано ничего совершать на-половину, ни добра, ни зла; тяжкій недугъ и горестное несовершенство природы человѣческой, и самое явное доказательство ея слабости, потому что слабость эта проявляется, и въ размѣрахъ столь обширныхъ, даже у тѣхъ историческихъ исполиновъ, безспорное величіе коихъ привлекаетъ всѣ взоры, плѣняетъ воображеніе каждаго и содѣлывается предметомъ заслуженной дани удивленія!

Для того, чтобы ввести въ Россіи европейскіе порядки и направить отечество наше по новому пути, единственному пути, на коемъ оно могло обрѣсти свое спасеніе, Петру Великому необходимо было дѣйствовать самовластно, сурово и круто. Но онъ долженъ былъ-бы непре-

мѣнно установить такій порядокъ вещей, который могъ-бы, въ одно и тоже время, служить преемникамъ его точкою опоры, и противъ смутъ народныхъ и противъ происковъ придворныхъ, а народу защитою отъ произвола Правительства. Петру Великому ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало забывать, что преемники его, наслѣдуя его власть, не наслѣдуютъ его генія; что великіе люди — метеоры рѣдкіе; что человѣкъ, какимъ-бы геніемъ онъ ни-былъ одаренъ, не есть политическое учрежденіе, и что безъ прочныхъ и разумныхъ политическихъ учрежденій, государству всегда предстоитъ неизбѣжное колебаніе между анархіею и деспотизмомъ; деспотизмъ почти всегда оканчивается анархіею, а страхъ, анархіею внушаемый, много способствуетъ, въ свою очередь, установленію деспотизма. Жестоко ошибаются тѣ, которые принимаютъ деспотизмъ за политическое учрежденіе: онъ ничто иное, какъ постоянное препятствіе къ установленію всякаго дѣльнаго и прочнаго порядка государственнаго.

Петръ I, раздраженный сопротивленіемъ, встрѣчаемымъ имъ во всѣхъ сословіяхъ, еще крѣпче прежняго затянулъ узы рабства, опутывавшія всѣ сословія, и затянулъ ихъ самымъ тяжкимъ и самымъ унизительнымъ образомъ. Принуждая дво-

рянъ брить себѣ бороду и носить европейское платье, онъ однако, вопреки всѣмъ европейскимъ понятіямъ, оставилъ дворянъ подверженнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Никто не былъ изъятъ отъ этаго позора, ниже самые члены царской фамиліи; онъ высѣкъ одну изъ сестеръ своихъ за то, что она не хотѣла танцовать; предалъ пыткамъ своего сына, который отъ пытокъ умеръ. Но чтобы оказать какую-нибудь льготу дворянству, осужденному на вѣчную службу съ юности и до самой могилы, *прикрѣпленному* къ службѣ и слѣдственно вверженному въ настоящее крѣпостное состояніе, Петръ I обратилъ всѣ *помѣстья* въ *вотчины*.

Петръ I значительно ухудшилъ положеніе низшаго сословія. Замѣнивъ поземельную подать податію подушною, онъ произвелъ, въ 1722 году, первую ревизію, въ слѣдствіе коей земледѣльцы, къ землѣ приписанные, впервые смѣшаны были во-едино съ крѣпостными холопами, подверглись одинаковой участи съ этими послѣдними, и, подобно имъ, могли быть продаваемы наравнѣ съ домашнею скотиною. Это значило уже развить до крайнихъ предѣловъ систему прикрѣпленія земледѣльцевъ и всеобщаго рабства всѣхъ сословій, любимую систему Царей изъ дома Романовыхъ. Чтобы удобнѣе давить

дворянство, Царь позволялъ дворянству давить народъ; не допускалъ освобожденія народа, предавая его на произволъ дворянства и пользовался ненавистію, внушаемою народу этимъ произволомъ, этимъ притѣсненіемъ, чтобы лишить дворянство всякой возможности пріобрѣтенія политическихъ правъ. Для народа, государь являлся вовсе не отцемъ, какъ утверждали придворные льстецы, но мстителемъ; народу пріятно было видѣть, какъ дворяне, его притѣсняющіе, въ свою очередь притѣсняемы Царемъ. Этотъ порядокъ вещей былъ старательно поддерживаемъ бюрократіей (чиновной ордой), введенной Петромъ I, и пріявшей страшное развитіе при Александрѣ I и при Николаѣ Павловичѣ. Петръ I перевелъ Преображенскій Приказъ въ Петербургъ, наименовалъ его *тайною канцеляріею*, и еще расширилъ кругъ дѣйствій его.

Само-собою разумѣется, что дворянство русское никогда не могло питать къ Государямъ своимъ тѣ чувства любви и преданности, какія питало къ монархамъ своимъ дворянство многихъ странъ европейскихъ. Иначе и быть не могло. Можно себѣ представить, что до 1762 года, русскіе дворяне, посѣщавшіе чужіе края, присутствовавшіе на великолѣпныхъ и изящныхъ праздникахъ Двора Версаль-

скаго; дипломаты русскіе, которые, во время пребыванія своего за границею, были за-панибрата съ знаменитѣйшими государственными людьми Европы, по возвращеніи въ отечество подвержены были и пыткѣ и кнуту! Только съ 1762 года дворянство русское изъято отъ наказаній тѣлесныхъ: то, что въ Европѣ составляетъ право общее, въ Россіи называется *привиллегіей!* Но и съ 1762 года, если вспомнить безумное тиранство съумасшедшаго Павла, фельдфебельское тиранство Аракчѣева, и полу-систематическое, полу-съумашедшее тиранство Незабвеннаго, то легко будетъ понять, почему русскіе дворяне не могутъ питать, къ Государямъ своимъ, чувствъ французскаго легитимиста или англійскаго роялиста эпохи Стуартовъ. Чтобы ни произошло въ Россіи въ будущемъ, но можно смѣло увѣрить, что въ Россіи не найдется ниоднаго легитимиста; послѣдствіемъ деспотизма есть совершенная невозможность легитимистскому чувству принятся на русской почвѣ — и слава Богу! Мы знаемъ, что слова наши глубоко раздражатъ и придворныхъ холоповъ, и кандидатовъ въ придворные холопы, но мнѣніе наше, конечно, будетъ раздѣляемо всѣми людьми честными и безпристрастными.

При кончинѣ Петра I, 28 Января

1725 года, проявилась партія, желавшая ограничить власть царскую и ввести въ Россіи конституцію, подобную той, которая существовала въ то время въ Швеціи. Фельдмаршалъ князь Меншиковъ, узнавъ объ этомъ, окружилъ дворецъ императорскою гвардіею съ заряженными ружьями и артиллеріею, и провозгласилъ самодержавною Императрицею Екатерину I, лифляндскую крестьянку, въ юности своей бывшую служанкою въ домѣ пастора Глюка; потомъ бывшую наложницею, сперва генерала отъ кавалеріи Родіона Христіановича Бауера, потомъ фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, въ послѣдствіи фельдмаршала князя Меншикова, и наконецъ Петра I, который, 7 Мая 1724 года, короновалъ ее Императрицею *).

---

*) Бракъ Петра I съ Екатериною ничѣмъ не доказанъ, и никогда не было публиковано ниоднаго оффиціальнаго акта, сёрьозно доказывающаго, что они сочетались бракомъ.

Вотъ три факта, опровергающіе этотъ бракъ:

1. 7 Мая 1711 года, Царевичъ Алексѣй пишетъ Екатеринѣ, изъ Германіи (изъ Брауншвейга), слѣдующее письмо: Madame, слышалъ я, что Государь-Батюшка изволилъ вашу милость объявить себѣ супругою, и съ симъ вашу милость поздравляю, и прошу, дабы я въ милости вашей ко мнѣ прежней содержанъ былъ, въ чемъ имѣю надежду. Алексѣй.

Петръ II, *послѣдній изъ Романовыхъ*, скончался въ Москвѣ 19 Января 1730 года. Едва онъ испустилъ дыханіе, какъ большинство верховнаго тайнаго совѣта, или, правильнѣе говоря, двѣ фамиліи князей Долгоруковыхъ и князей Голицыныхъ, рѣшились ограничить власть царскуго. Верховный тайный совѣтъ состо-

---

Царевичъ не поздравляетъ Екатерину ни съ совершеніемъ брака, ни съ объявленіемъ брака, прежде совершеннаго, а поздравляетъ только съ тѣмъ, что она *объявлена супругою!*

2. Во время допросовъ Царевичу, въ 1718 году, онъ, на пыткѣ, 8 Февраля, разсказалъ, что выѣзжая изъ Россіи, въ Октябрѣ 1716 года, онъ встрѣтился, между Ригою и Либавою, съ теткою своею царевною Маріею Алексѣевною, возвращавшеюся изъ Карлсбада, и что Марія Алексѣевна сказала ему: „было откровеніе матери твоей и инымъ, что отецъ твой возметъ ее къ себѣ, и дѣти будутъ.“ О мнимомъ откровеніи говорить нѣчего, но если-бы Петръ былъ женатъ на Екатеринѣ, то царевна Марія конечно не стала-бы говорить, что Петръ будетъ снова жить въ супружествѣ съ царицею Евдокіею Ѳеодоровною.

3. На пыткѣ 18 Мая, царевичъ показываетъ, что архіепископъ Рязанскій напрямикъ говорилъ ему: „надобно тебѣ себя беречь; буде тебя не будетъ, отцу другой жены не дадутъ; развѣ мать твою изъ монастыря брать; только тому не быть, и нельзя тому статься, а наслѣдника де надобно.“

ялъ, въ то время, изъ шести членовъ: канцлера графа Гавріила Ивановича Головкина, вице-канцлера барона Андрея Ивановича Остермана, князя Дмитрія Михайловича Голицына, и трехъ князей Долгоруковыхъ: Василія Лукича, Алексѣя Григорьевича и Михаила Владиміровича. Въ самую ночь кончины Петра II, *верховники*, какъ ихъ называли, пригласили къ себѣ въ товарищи и объявили членами совѣта фельдмаршаловъ князя Василія Владиміровича Долгорукова и князя Михаила Михайловича Голицына; они надѣялись, черезъ нихъ, имѣть вліяніе на войско вообще и на оба гвардейскіе полка въ особенности. Фельдмаршалъ Долгоруковъ былъ подполковникомъ Преображенскаго полка, а фельдмаршалъ Голицынъ Семеновскаго. Изъ числа верховниковъ, Остерманъ, человѣкъ ума обширнаго, но соединявшій непомѣрное властолюбіе съ придворнымъ низкопоклонствомъ и съ коварствомъ самымъ безсовѣстнымъ, не хотѣлъ уничтоженія самодержавія; но боязливый и трусливый до-крайности, онъ заперся дома и увѣряя, что одержимъ подагрою въ правой рукѣ, отзывался невозможностію держать перо и подписать какую-либо бумагу. Головкинъ, еще болѣе Остермана трусливый и низкопоклонный, не рѣшался противиться своимъ

товарищамъ, явно соглашался съ ними, но изъ подъ руки ковалъ имъ измѣну.

По случаю пребыванія Двора, за два года передъ тѣмъ переѣхавшаго въ Москву, въ первопрестольной столицѣ находилось много дворянъ, и сверхъ того всѣ офицеры гвардейской дивизіи, состоявшей въ то время изъ двухъ полковъ гвардейскихъ, Преображенскаго и Семеновскаго; двухъ армейскихъ: Ингерманландскаго и Астраханскаго, и шестидесяти человѣкъ кавалергардскаго корпуса (всѣ шестдесять человѣкъ были дворяне).

Всѣ дворяне, въ Москвѣ находившіеся, собрались и разсуждали, что имъ дѣлать?

Рабство, унизительное и тяжкое, въ коемъ томилось русское дворянство, опротивѣло всѣмъ членамъ этаго сословія. Съ другой стороны, съ самаго 1613 года не встрѣчалось обстоятельствъ, болѣе тогдашнихъ благопріятствовавшихъ перемѣнѣ въ образѣ правленія. Домъ Романовыхъ, со смертію Петра II, угасалъ въ мужскомъ колѣнѣ. Изъ двухъ тетокъ Петра II, старшая, Анна Петровна, Герцогиня Голштейнъ-Готторпская, незадолго передъ тѣмъ умерла за границею, оставивъ сына, въ послѣдствіи бывшаго Петромъ III; младшая, Елисавета Петровна, незамужняя, жила въ Москвѣ, преданная распутству, всѣмъ извѣстному. Притомъ,

обѣ были незаконнорожденныя. Мы уже говорили выше, что весьма сомнѣваемся въ бракѣ Петра съ Екатериною, но еслибы даже Петръ и женатъ былъ на Екатеринѣ, какъ утверждаютъ льстецы и баснописцы придворные, въ 1711 году, то Анна, рожденная въ 1708 году, и Елисавета, рожденная въ 1709 году, обѣ прежде мнимаго, льстецами выдуманного брака ихъ матери, все таки были-бы дѣтьми незаконными и прелюбодѣйными, потому-что самый бракъ Петра съ Екатериною, если-бы онъ, положимъ, и состоялся, былъ-бы бракомъ незаконнымъ и прелюбодѣйнымъ, по той причинѣ, что законная жена Петра, царица Евдокія Ѳеодоровна, рожденная Лопухина, была жива, пострижена была противъ воли, пострижена насильно, и насиліемъ удерживаема была въ монастырѣ. Явно, что *ни Анна, ни Елисавета, ни потомки ихъ, никогда не имѣли ни малѣйшаго права на престолъ всероссійскій.* Царь Іоаннъ V, старшій братъ Петра I, имѣлъ трехъ дочерей, которыя, въ то время, состояли единственными законными представительницами дома Романовыхъ; это были: Царевна Екатерина Іоанновна, разведенная супруга Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, имѣвшая пребываніе въ Москвѣ; Царевна Анна Іоанновна, вдова Герцога Курляндскаго Фри-

дриха, имѣвшая пребываніе въ Митавѣ; въ то время Герцогомъ Курляндскимъ находился дядя мужа ея, Фердинандъ, послѣдній представитель дома Кеттлеровъ (изгнанный своими подданными, Фердинандъ жилъ въ Пруссіи). Третія была Царевна Прасковья Іоанновна, имѣвшая пребываніе въ Москвѣ, и бывшая въ полу-тайномъ супружествѣ съ сенаторомъ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

Ни *олигархи* (какъ стали тогда называть въ Москвѣ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ), ни дворянство, не выказали, при этихъ обстоятельствахъ, ни того политическаго такта, ни той обширности взгляда на предметы, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность и отличительный признакъ людей государственныхъ. Чтобы ограничить власть императорскую прочнымъ образомъ, необходима была конституція, а конституція не могла приняться, не могла пустить корня въ Россіи, если ею не улучшалось положеніе всѣхъ сословій безъ изъятія. Необходимо было немедленно освободить крестьянъ; потомъ созвать Земскую Думу, въ коей-бы засѣдали представители всѣхъ сословій, какъ то было въ Думѣ Земской 1613 года; учредить еще другую палату, (назвавъ ее, хотя-бы напри-

мѣръ: Думою Боярскою), составивъ эту палату или изъ членовъ потомственныхъ, на подобіе англійской палаты Перовъ, или изъ членовъ пожизненныхъ, или изъ членовъ выборныхъ, но во всякомъ случаѣ, предоставить политическія права всѣмъ подданнымъ Россійской Имперіи, и ни подъ какимъ видомъ недѣлать нималѣйшаго различія между коренными русскими и нѣмцами, жителями новоприсоединенныхъ областей остзейскихъ. Необходимо было также привлечь на свою сторону духовенство, владѣвшее въ то время обширными вотчинами, и еще неутратившее своего вліянія, какъ-то видимъ нынѣ. Однимъ словомъ, надобно было дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы не нанести ущерба выгодамъ и не оскорбить самолюбія ни одного изъ сословій, составляющихъ народонаселеніе Имперіи Россійской, и черезъ то имѣть сколь возможно болѣе точекъ опоры. Эти правила здравой политики нарушены были и верховниками и дворянствомъ; и тѣ и другіе, какъ будто нарочно, раздражали и отталкивали всѣхъ отъ себя. А между тѣмъ, даже при помощи небольшаго политическаго искусства, Россію, въ то время, при отсутствіи монарха, легко было обратить въ государство конституціонное: отвращеніе къ царскому самовластію, къ

деспотизму, было столь сильно у русскихъ въ то время, что не только въ домахъ, но даже на улицахъ, по свидѣтельству очевидцевъ, только и слышны были, что бесѣды о конституціи, и разсужденія о превосходствѣ формъ правленія однихъ европейскихъ государствъ передъ другими*). Всѣ сходились въ одной мысли: возвести на престолъ вдовствующую Герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну, отдаленное пребываніе коей отъ Москвы, въ эту торжественную минуту, давало болѣе простора для совершенія реформъ и нововведеній; притомъ, избирая вдову, не подвергали себя опасности бороться съ властолюбіемъ мужа новой Царицы. Знали, правда, что Анна живетъ въ связи съ однимъ изъ своихъ каммергеровъ, Іоанномъ-Эрнестомъ Биреномъ, отъявленнымъ мерзавцемъ, и потому рѣшено было воспретить Бирену въѣздъ въ Россію.

---

*) См. депеши французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна, отрывки изъ коихъ напечатаны въ книгѣ Николая Ивановича Тургенева: *Россія и Русскіе* (La Russie et les Russes), также книгу: *Русскій дворъ въ прошломъ вѣкѣ* (La Cour de Russie il y a cent ans), напечатанную въ Берлинѣ, и заключающую въ себѣ необыкновенно-любопытныя депеши англійскихъ и французскихъ дипломатовъ о Россіи съ 1725 по 1783 годъ.

Дворянство хотѣло имѣть правительство съ двумя палатами: Сенатомъ и Дворянскою Думою. Сенатъ оно хотѣло составить изъ тридцатишести членовъ, пожизненныхъ, назначаемыхъ Государемъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы никогда и ни подъ какимъ видомъ двое членовъ одной и той же фамиліи не могли засѣдать въ Сенатѣ: условіе, очевидно направленное противъ верховниковъ. Дворянскую Думу дворянство хотѣло составить изъ выборныхъ членовъ изъ среды своего сословія, въ числѣ ста человѣкъ, которые собирались-бы ежегодно на четыре мѣсяца, и, разъѣзжаясь, оставлялибы, на остальные восемь мѣсяцевъ, комитетъ изъ тридцати-трехъ членовъ, выбранныхъ изъ своей среды. Духовенства не хотѣли допускать къ участію въ правительствѣ. Планъ этотъ заключалъ въ себѣ многія ошибки, которыя и содѣлали исполненіе его невозможнымъ. Отдать всю власть въ руки одного дворянства, значило создать олигархію на подобіе Польской, которая погубила-бы Россію, какъ Польская олигархія погубила Польшу, а не допущеніе духовенства къ участію въ правительствѣ обращало духовенство во врага непримиримаго, и въ то время еще могущественнаго. Наконецъ, сохраненіе крѣпостнаго состоянія низшаго сословія

дѣлало конституціонную монархію невозможною; нельзя, въ монархіи, установить свободу на фундаментѣ крѣпостнаго состоянія. Для прочности монархіи конституціонной необходимо, чтобы всѣ сословія были свободными и пользовались гражданскими правами, точно такъ, какъ для приданія нѣкоторой прочности деспотизму, царскому самовластію, необходимо, чтобы всѣ сословія отягчены были узами рабства, хотя бы это рабство и проявлялось, смотря по сословіямъ, въ различныхъ формахъ, какъ въ Россіи съ 1762 года.

Планъ верховниковъ былъ еще нелѣпѣе. Они отвергали всякую форму правленія представительнаго, не хотѣли допускать плана, составленнаго дворянствомъ, и, въ непонятномъ увлеченіи, мечтали сосредоточить самодержавіе въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, тоесть, по настоящему, въ рукахъ двухъ фамилій (въ числѣ осьми членовъ верховнаго тайнаго совѣта было четверо князей Долгоруковыхъ и двое князей Голицыныхъ). Они предлагали предоставить все управленіе государствомъ верховному тайному совѣту, умноживъ число членовъ его до двѣнадцати; предоставивъ членамъ совѣта выборъ себѣ товарищей для пополненія вакансій, и обязавъ Государыню присутствовать въ совѣтѣ наравнѣ съ членами

онаго, съ тою единственною разницею, что Государыня имѣла-бы два голоса вмѣсто однаго, предоставленнаго каждому изъ прочихъ членовъ совѣта. Это значило перенести въ Россію венеціанскій совѣтъ десяти членовъ, объявивъ его наслѣдственнымъ, если не по закону, то на дѣлѣ, потому-что не трудно было предвидѣть, что члены совѣта будутъ избирать себѣ въ товарищи сыновей и сродниковъ своихъ. Это значило вводить въ Россіи олигархію въ пользу двухъ фамилій Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, тоесть худшую изъ всѣхъ тираній. Чтобы довершить свою ошибку, и навлечь на свой чудовищный проэктъ всеобщую ненависть, верховники еще выдумали лишить права засѣданія въ совѣтѣ, на будущее время: 1. духовныхъ лицъ; 2. всѣхъ иностранцевъ, исключая однаго Остермана, для коего дѣлали исключеніе личное и пожизненное, и 3. всѣхъ остзейскихъ нѣмцевъ. Проэктъ столь нелѣпый не могъ имѣть успѣха: неудивительно, что онъ былъ отвергнутъ всѣми.

Возлѣ этихъ двухъ партій, болѣе или менѣе олигархическихъ, верховниковъ и дворянства, образовалась третія партія, которая, не сочувствуя ни верховникамъ, ни большинству дворянства, предпочитала лучше имѣть самодержавіе, передъ коимъ

всѣ находятся въ одинаковомъ рабскомъ положеніи, чѣмъ монархію ограниченную, въ коей незначительное меньшинство людей свободныхъ будетъ давить огромное большинство своихъ соотечественниковъ, въ рабство погруженныхъ. Эту партію *самодержавцевъ* составляли:

1. все духовенство, раздраженное систематическимъ отлученіемъ отъ участія въ правительствѣ, предполагаемомъ въ обоихъ вышеупомянутыхъ проэктахъ; главнымъ руководителемъ духовенства былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій и первенствующій членъ синода, пастырь обширнаго ума, честолюбія безграничнаго, лукавый, предпріимчивый, права мстительнаго;

2. всѣ иностранцы, въ русской службѣ находившіеся, главнѣйшими руководителями коихъ являлись: фельдмаршалъ графъ Брюсъ, вице-канцлеръ баронъ Остерманъ и знаменитый графъ Минихъ, въ то время бывшій генералъ-фельдцейхмейстеромъ;

3. дворянство остзейское, въ то время ненавидимое русскими и ихъ ненавидѣвшее; его главнымъ руководителемъ былъ графъ Рейнгольдъ Левенвольде, бывшій оберъ-гофмейстеръ и любовникъ Екатерины I, въ то время исполнявшій, въ Москвѣ, съ большею дѣятельностію и умѣ-

ніемъ, должность тайнаго агента Герцогини Курландской Анны Іоанновны; человѣкъ необыкновенно-хитрый и пронырливый;

4. наконецъ, нѣсколько русскихъ фамилій, соединенныхъ съ Анною Іоанновною узами родства или старинныхъ связей, напримѣръ семейство Трубецкихъ, сенаторъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, женатый на княжнѣ Маріѣ Юрьевнѣ Трубецкой; сенаторъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, дальній, но преданный родственникъ Анны Іоанновны (мать коей, Царица Прасковья Ѳедоровна, была рожденная Салтыкова); Семенъ Андреевичъ былъ генералъ-поручикомъ арміи и маіоромъ гвардейскаго Семеновскаго полка; онъ былъ любимъ и войскомъ и гвардейцами, и пользовался значительнымъ вѣсомъ. Старшій сынъ его, Петръ Семеновичъ, женатъ былъ на княжнѣ Прасковьѣ Юрьевнѣ Трубецкой.

Верховный тайный совѣтъ избралъ на престолъ Анну Іоанновну, совершенно лишивъ ее, впрочемъ, всякой власти предписанными ей условіями, и предоставивъ всю власть исключительно себѣ, къ великому оскорбленію и законному негодованію всѣхъ сословій. Къ Аннѣ отправлена была, въ Митаву, депутація. Родственники и друзья Анны поспѣшили дать ей

знать, чтобы она немедленно приняла всѣ предложенныя ей условія, и спѣшила пріѣздомъ въ Москву. Анна послѣдовала ихъ совѣту, приняла всѣ предложенныя ей условія, прибыла въ Москву въ началѣ Февраля, и двѣ недѣли спустя самодержавіе было возстановлено.

Когда въ Москвѣ получено было извѣстіе, что Анна подписала предложенныя ей условія, и согласилась на такое значительное ограниченіе власти Царской, то главнѣйшія лица партіи дворянской вошли въ новые переговоры съ Долгоруковыми и съ Голицыными. Главнѣйшими лицами дворянской партіи были: князья Одоевскіе, Барятинскіе, Рѣпнины, Щербатовы, Шаховскіе, Прозоровскіе, Гагарины, Волконскіе, Хованскіе, Куракины, Кантемиры, Урусовы, Юсуповы, графы Головины, Апраксины, Мусины-Пушкины, графъ Матвѣевъ, Лопухины, Нарышкины, Стрѣшневы, Милославскіе (эти четыре фамиліи, какъ извѣстно, соединены были узами родства съ домомъ Романовыхъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ угаснимъ); Татищевы, Еропкины, Ржевскіе, Дмитріевы-Мамоновы, Шереметевы, Глѣбовы, Волынскіе, генералы Григорій Петровичь Чернышевъ, (въ послѣдствіи бывшій графомъ), Василій Яковлевичь Левашовъ, Михаилъ Аѳанасьевичь Матюшкинъ, Ан-

дрей Ивановичъ Ушаковъ, Александръ Ивановичъ Румянцовъ (оба въ послѣдствіи бывшіе графами). Они предложили Долгоруковымъ и Голицынымъ составить вмѣстѣ конституцію въ пользу всего дворянства. Переговоры эти не имѣли никакого успѣха: верховники, пораженные какимъ-то неизъяснимымъ, непонятнымъ ослѣпленіемъ, отвергли предложенія дворянъ и продолжали упорно настаивать на безумной мысли предоставить права самодержавныя верховному тайному совѣту. Весьма понятно, что дворянство, между деспотизмомъ одной Государыни и деспотизмомъ двухъ фамилій, не поколебалось въ выборѣ, и предпочло деспотизмъ Анны. Тутъ проявились, въ партіи дворянской, на нѣсколько дней, два мнѣнія. Одни рѣшились прямо возстановить самодержавіе; другіе захотѣли въ послѣдній разъ испытать счастія, и сдѣлали послѣднюю попытку образумить верховный совѣтъ. Они представили ему записку, составленную Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ, въ коей, прося возстановленія самодержавія, просили однако, чтобы сенатъ, составленный неболѣе и не менѣе какъ изъ двадцати-однаго члена, имѣлъ исключительное право назначать во всѣ должности, не исключая и должности губернаторской, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ-бы

право неослабного надзора за дѣйствіями служебныхъ лицъ и взысканія съ нихъ въ случаѣ злоупотребленій*). Верховный совѣтъ отвергнулъ и это предложеніе, и тогда всѣ дворяне рѣшились возстановить самодержавіе. Анна ввѣрила команду дворцовыми караулами Семену Андреевичу Салтыкову, и семьсотъ человѣкъ дворянъ, въ томъ числѣ почти всѣ гвардейскіе офицеры, явились во Дворецъ, и просили Анну принять самодержавіе, что и было немедленно исполнено. Черезъ нѣсколько дней явился въ Москвѣ Биренъ, и началась страшная, гнусная эпоха, въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстная подъ названіемъ *Бироновщины*.

Разногласіе между верховнымъ совѣтомъ и дворянствомъ, и отсутствіе политическаго такта съ обѣихъ сторонъ разрушили конституціонную попытку 1730 года, и, весьма вѣроятно, къ счастію Россіи. Если-бы удалась эта попытка, изъ нея не вышло-бы настоящаго конституціоннаго правленія, а возникла-бы оли-

*) Записка эта напечатана была года два тому назадъ. Мы видѣли ея черновый оригиналъ, писанный рукою Василія Никитича Татищева. Въ этой запискѣ упоминается о конституціи 1613 года, принятой Михаиломъ Романовымъ. Искренно желаемъ, чтобы бумаги Татищева напечатаны были за границею.

гархія на подобіе Польской, которая современемъ повела-бы къ безурядицѣ, и погубила-бы Россію. Дворяне русскіе снова очутились рабами по прежнему, имѣя въ рукахъ одно только средство къ избавленію себя, подъ-часъ, отъ ига слишкомъ-невыносимаго: низвергать съ престола владыкъ своихъ, а иногда и душить ихъ. Такимъ образомъ, въ осмнадцатомъ вѣкѣ, престолъ всероссійскій служилъ иногда переходомъ въ тюрьму, а лента Андреевская часто являлась предвѣстницею ссылки въ Сибирь.

Дворянство русское продолжало пресмыкаться въ этомъ унизительномъ, гнусномъ положеніи во все время мрачнаго, суроваго царствованія Анны; въ кроткое, благодушное, но кратковременное, одногодовое регенство правительницы Анны Леопольдовны и во время царствованія Елисаветы Петровны. Дворъ сей послѣдней блисталъ роскошію и гремѣлъ праздниками, но правленіе ея, мягкосердое на словахъ, было часто жестокимъ и тяжкимъ надѣлѣ, а объ гнусномъ развратѣ придворномъ, объ отсутствіи всякаго чувства деликатности и чести даютъ ясное понятіе Записки Екатерины II, записки, къ сожалѣнію, слишкомъ достовѣрныя!

Анна Іоанновна, самовольно и не испрашивая согласія русскихъ, оставила

престолъ двухъ-мѣсячному двоюродному внуку своему, принцу Іоанну Брауншвейгъ-Беверискому (мать коего, принцесса Анна Леопольдовна, была дочерію Герцогини Екатерины Іоанновны Мекленбургской и слѣдственно родною внукою Царя Іоанна V Алексѣевича), а регентомъ, до совершеннолѣтія Іоаннова, назначила Бирена (по его волѣ и противъ собственнаго своего желанія). 17 Октября 1740 года Анна скончалась и двухъмѣсячный Принцъ Іоаннъ провозглашенъ былъ Императоромъ Всероссійскимъ подъ именемъ Іоанна VI. 9 Ноября Минихъ низвергнулъ Бирена и вручилъ регентство Аннѣ Леопольдовнѣ. Такимъ образомъ, домъ Брауншвейгскій уже овладѣлъ, казалось, престоломъ всероссійскимъ. Годъ спустя, Анна Леопольдовна, не довольствуясь титлами Великой Княгини и правительницы, рѣшилась, по совѣту многихъ изъ придворныхъ (въ особенности вице-канцлера графа Михаила Гавриловича Головкина и оберъ-гофмаршала графа Рейнгольда Левенвольде) провозгласить себя Императрицею. Уже назначенъ былъ, втайнѣ, день провозглашенія (6 Декабря); написанъ былъ манифестъ, составленъ списокъ для раздачи милостей и наградъ, какъ вдругъ, ночью съ 24 на 25 Ноября, Преображенскій полкъ взбунтовался, низ-

вергнулъ домъ Брауншвейгскій, и возвелъ на престолъ Елисавету, незаконную и прелюбодѣйную дочь Петра I. Русскіе желали восшествія Елисаветы, точно такъ, какъ Нѣмцы желали продолженія владычества дома Брауншвейгскаго. Русскіе ненавидѣли, въ то время, Нѣмцевъ, которые усердно служили Аннѣ, ласкали Бирена и во всемъ угождали ему, не изъ жестокости, не изъ злобы, а изъ желанія, каждый, совершить карьеру и добыть себѣ теплое мѣстечко. Въ то время возникла въ Россіи извѣстная поговорка, что: *Нѣмецъ и на камнѣ себѣ ссыщетъ хлѣбецъ.* Въ ту эпоху нравственнаго разврата и политической безурядицы въ Россіи, человѣкъ, желавшій разбогатѣть, вступалъ въ заговоръ, замышлялъ перемѣну въ правительствѣ, точно такъ, какъ нынѣ онъ вступаетъ въ акціонеры какой-нибудь компаніи или отыскиваетъ золотые пріиски; въ то время, охотникъ разбогатѣть становился заговорщикомъ, иногда даже цареубійцею, какъ нынѣ онъ дѣлается учредителемъ компаніи на акціяхъ*). О

*) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, сестра коего, Елисавета Романовна, была любовницею Петра III, весьма негодовалъ, по этой причинѣ, на убійцъ сего послѣдняго. Встрѣтивъ одного изъ убійцъ, князя Ѳедора Сергѣе-

формѣ правленія, о конституціи, о народѣ, о благѣ отечества, никто въ это время при Дворѣ и не думалъ. Обо всемъ этомъ и помышлять не хотѣли высокопревосходительные, сіятельные и свѣтлѣйшіе холопы Петербургскіе, разодѣтые въ шитые кафтаны, покрытые орденами, лентами, пресыщенные золотомъ. Они выказывали, въ одно и тоже время, и ненасытимую жадность, и неизъяснимую подлость; смиренно выносили и пытку и наказанія тѣлесныя. Тайная канцелярія, при Аннѣ и при Елисаветѣ, была истиннымъ страшилищемъ Россіи.

Престолъ всероссійскій, въ осмнадцатомъ вѣкѣ, обратился въ мебель, коею временный владѣтель ея, счастливою случайностію наложившій руку на эту мебель, располагалъ по произволу своей прихоти; ни мало не заботясь о мнѣніи общественномъ и о согласіи народномъ. Народъ русскій, погруженный въ рабство, считался стадомъ домашней скотины, предназначенной приносить доходъ своему владыкѣ, который распоряжался имъ съ властію безграничною. Елисавета, само-

---

вича Барятинскаго, онъ сказалъ ему: *какъ ты могъ рѣшиться на такой поступокъ?* Барятинскій, пожимая плечами, отвѣчалъ ему: *что дѣлать? у меня было столько долговъ!*

вольно и не испрашивая ничьего согласія, объявила себѣ наслѣдникомъ племянника своего Герцога Карла-Петра-Ульриха Голштейнъ-Готторпскаго, мать коего, Герцогиня Анна, была, подобно Елисаветѣ, незаконнорожденною, прелюбодѣйною дочерію Петра I.

25 Декабря 1761 года Елисавета, истомленная распутствомъ и пьянствомъ, скончалась на 53мъ году отъ рожденія, и домъ Голштейнъ-Готторпскій вступилъ на престолъ всероссійскій, на коемъ онъ возсѣдаетъ нынѣ.

(Окончаніе во второй части.)

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера и Германна.